

СНОВОДОМ

ISSN 0131—6656

Смена

№ 24 (1430) декабрь 1986

«И вот что еще интересно: обсуждаем проблемы, говорим о переменах в масштабах страны и обязательно переходим на себя — а что меняется у нас? Не просто на предприятии, а на конкретном — моем — рабочем месте», — рассказывает молодой бригадир Ю. Степанцов из Челябинска.

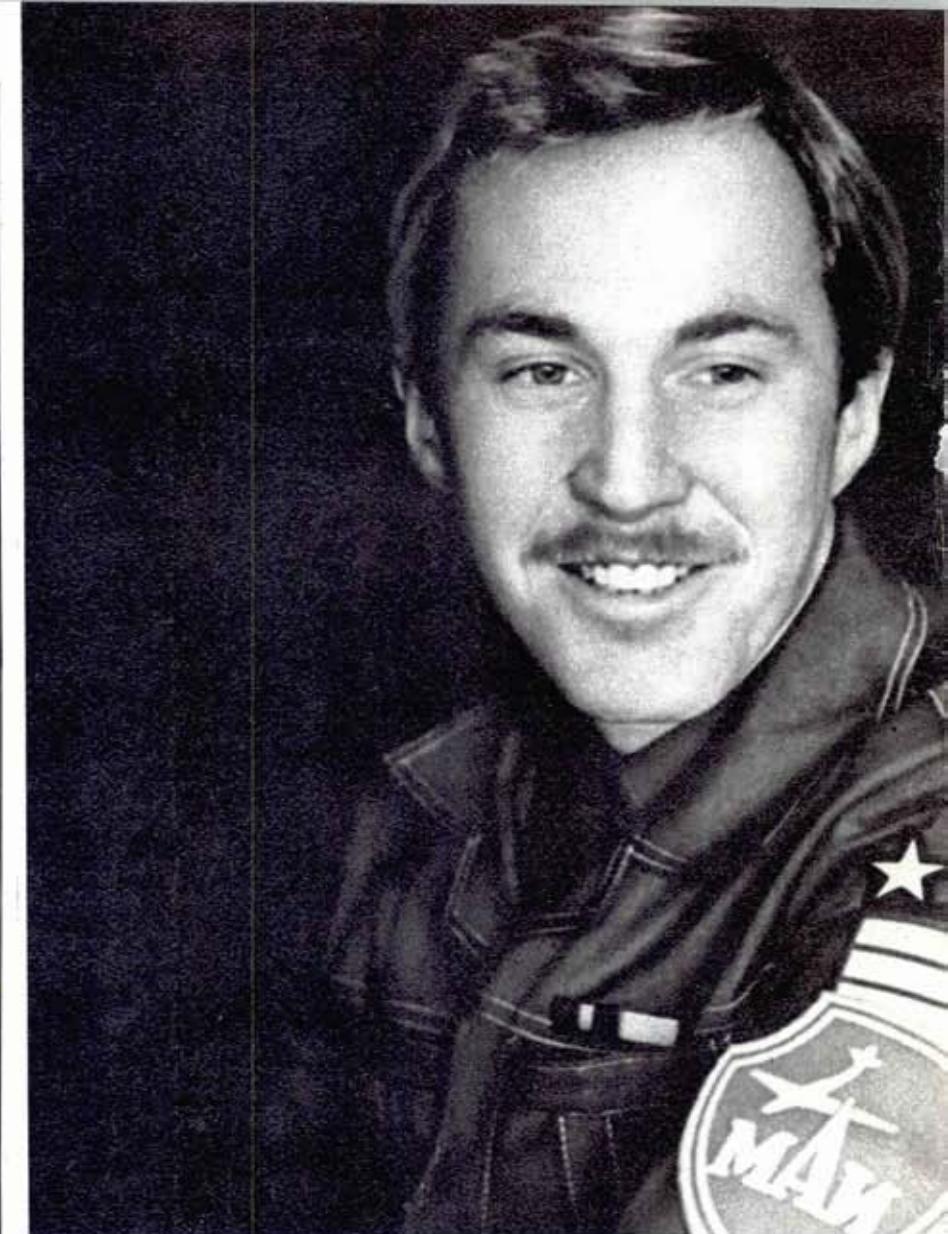
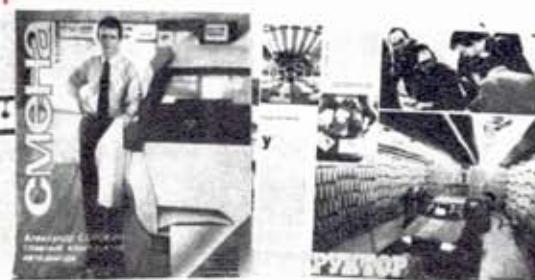
Завершается год XXVII съезда партии, первый год новой пятилетки, год, когда страна решительно встала на курс социально-экономического обновления, очищения жизни от застойных явлений.

Среди самых конструктивных способностей человека — способность трезво соизмерять задуманное с достигнутым, мечты и замыслы — с реальностью, благие намерения — с конкретными поступками; способность отдавать себе отчет в том, где ты сработал на совесть, а где — недотянул, недодумал, искал легкие пути.

Вот почему сегодня, в последнем номере журнала за 1986 год, мы решили подвести итоги проделанной работы, вернуться к поднятым проблемам, встретиться с людьми, которые делились своими планами и надеждами. Это решение подсказали нам и многочисленные письма читателей, в которых говорится о том, что сегодня особенно важно и необходимо переходить от слов к делу, добиваться результатов, сдвигать проблемы с места, расшатывать их сообща, совмещая усилия.

Не все получается, не все идет гладко, мы еще зачастую сталкиваемся с инерцией и бюрократизмом, с отписками и словотворчеством вместо конструктивного подхода к проблемам. Но там, где мы с ними сталкиваемся, мы говорим об этом открыто и прямо. И не чувствуем бессилия, столкнувшись с таким подходом. Потому что уверены: человеческая активность — важнейшая примета нашего времени. Перестройка касается всех и каждого, а потому и должна идти с участием всех и каждого. Голос каждого должен быть услышан. Да, есть скептики и демагоги, есть люди, готовые бесконечно говорить о недостатках, но ничего не делать для их исправления. Что ж, и тут есть верный способ проверить истинность намерений — конкретное дело, то, которое поручено человеку, то, за которое он отвечает перед всеми, перед обществом. Давайте его результатами проверять, что за словами.

В полном разгаре подготовка к XX съезду комсомола. Надо, говоря ленинскими словами, «усваивать новое». Усваивать в живом конкретном деле, за которое несешь личную ответственность. Как того требует время.

ПОДГОТОВКА

Письма из райкома

ВЕЧЕР — ВРЕМЯ РАБОЧЕЕ

Что делают работники райкома комсомола после шести вечера, когда кончается рабочий день? Тоже отдыхают?.. Нет. В Советском райкоме ЛКСМБ Минска решили, что вечер — самое подходящее время для предметной, информационной работы. Об этом шла речь в № 8 «Смены».

«Комсомольский актив республики внимательно изучил очерк «Вечерняя смена», — пишет нам заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК ЛКСМ Белоруссии Н. Степура. — Считаем, что в этой публикации подняты актуальные вопросы совершенствования стиля комсомольской работы. Травильно указывается на необходимость смешения графика в деятельности комитетов комсомола. Плодотворность такого подхода подтверждает, в частности, и опыт профтехучилищ Могилевской области, где комсомольские активисты также трудятся в вечернее время, когда учащиеся порой не знают, чем заняться. Все это приближает комсомольскую работу к насущным проблемам молодежи, позволяет юношам и девушкам интересно, с пользой проводить свой досуг. Однако в организации свободного времени все еще немало трудностей. Так,

до сих пор нужные, но во многом дефицитные технические средства для молодежных клубов и кафе приходится приобретать через «личные каналы». Решение этой проблемы нельзя откладывать на завтра. Надеемся, что и «Смена» поможет нам в этом».

— Так, может быть, узаконить «вечернюю смену» в централизованном порядке? — спросили мы по телефону минских комсомольцев.

— А надо ли? — возразил первый секретарь Минского горкома комсомола Юрий Лавыш. — Как работать, днем ли, вечером, на месте виднее. Зачем же ставить себя в какие-то рамки, чтобы потом их ломать?

— В очерке говорилось о том, как райкомовцы помогают организовать досуг в рабочих общежитиях...

— Да, это непростая проблема. А начать надо с того, что убрать искусственные преграды. Пора прекратить разделение общежитий на чисто мужские и чисто женские. Больше доверять взрослым людям. Кстати, в студенческих общежитиях такого барьера нет, и жизнь там лучше, веселее. У нас же, насколько мне известно, пока лишь в станкостроительном объединении име-

ВСЁ — ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Наш корреспондент беседует с делегатом XXVII съезда КПСС, студентом 3-го курса Московского авиационного института Анатолием КАЧАЛИНЫМ, о котором «Смена» рассказала в № 6

— Первые дни после съезда... У тебя, Анатолий, было много ярких впечатлений, планов на весь год. Помнишься, ты собирался летом поработать в отряде безвозмездного труда, чтобы помочь подшефному детдому...

— Да, этот год стал этапным в моей жизни. Участие в работе съезда нашей партии заставило по-новому взглянуть на многие проблемы, еще глубже вникнуть в такие понятия, как честность, принципиальность... Верно, хотел я этим летом работать в стройотряде своего института, но планы резко изменились. Меня назначили командиром сводного студенческого отряда — в селе Середовка Киевской области строили дома для эвакуированных из зоны Чернобыльской АЭС. Сдали 31 объект вместо 16 по плану. Все с оценкой «отлично». Освоили 332 тысячи рублей.

— Сколько человек было в вашем отряде?

— Сначала 97, а потом 89. Четверо были вынуждены вернуться домой по семейным обстоятельствам, а еще четверых отчислили. За бездеятельность. Они думали, если приехали сюда, то за одно это им должны ордена давать. А ведь главное — помочь людям, попавшим в беду. Работали мы в местах, где радиация была, но очень слабая, совершенно не опасная для здоровья. И от

нас требовался не героизм, а труд на совесть.

За свою работу нам краснеть не придется. Все делали с душой, не считаясь со временем. Особенно когда строили детский городок. Не уходили с площадки даже ночью. А Николай Ломакин из Высшей комсомольской школы, Анатолий Велинчук и Евгений Руденко из МГУ подарили ребятишкам целую крепость. Сколько выдумки, терпения проявили! Никто их не заставлял делать эту крепость, более того — не разрешали. Не верили, что студенты, впервые взявшие в руки мастерок, могут справиться.

Были у нас в отряде и девушки. Светлана Дембцкая из МАИ донесла нас на месте дислокации. Приехала без разрешения, без документов. Объясняясь: «Не имею права принять тебя». А она... Быстро вернулась в Москву, добилась разрешения — и опять к нам.

— И как же люди оценили ваш труд?

— Надо было видеть, как заселялись дома! У ворот с ключами стояли бригадир, строители. Люди, особенно пожилые, со слезами на глазах входили во двор и, кажется, не верили, что все это — и дом, и хозяйствственные постройки — теперь принадлежит им. В благодарность за нашу работу самую красивую новую улицу села так и назвали: улица Московских студентов.

— Анатолий, после твоего выступления в «Смене» пришли письма. Вот одно из них. Пишет Лена Рахматуллина, работница авиационного завода из Горького. «Судя по ответам, вы, Анатолий, идеал! (Анатолий смущенно улыбнулся, покачал головой, явно не соглашаясь с таким утверждением.) О таких людях пишут только в газетах, а в жизни совсем по-другому.

— У меня самой общественных нагрузок, как говорится, по горло. И знаете, к какому выводу я пришла? Кроме формализма и несправедливости, ничего нет, почти все вопросы решаются нечестным путем, и ты не в силах что-то изменить...

— Бывает и такое. Странно только, что Лена не видит вокруг себя хороших людей. В одиночку действительно трудно что-либо изменить. Надо искать единомышленников. По крайней мере я начинаю с этого, когда оказываюсь в сложной ситуации.

— А вот другое письмо. Как и ты, Анатолий, его автор служил в Афганистане. Переписывался с любимой девушкой. А приехал домой — и в тот же день попал... на ее свадьбу. Вышла замуж за другого. «Не хотел слышать оправданий,— пишет парень,— предательство ничем нельзя оправдать».

— Зачем же сразу так — «предательство». Признаюсь, и у меня было такое: моя девушка не дождалась меня. Обидно? Еще как! Но два года много значит для девушки. Да и сам ты меняешься за время службы. Тут важно понять другого человека. Понять и простить.

— В нашей прошлой беседе ты упоминал о модели самолета своей конструкции. Как успехи?

— Уже готовы чертежи, можно переводить их в металл.

— Ну, а в личной жизни есть изменения? Не женился?

— Нет.—Анатолий улыбается.—Некогда.

— Первым делом самолеты?..

— Да, как в песне: «...а девушки потом».

ИНОГДА ТОДА

После выступлений «Смены»

«ДЕМАГОГИЯ»

О том,
как обидели рабочих
Люберецкого
коврового комбината,
рассказывалось в статье
«Демагогия» («Смена» № 20).
Нам позвонил бригадир
с этого предприятия
Н. СОШКИН

— Хочу поблагодарить редакцию за нужную и актуальную статью, — сказал Николай Сергеевич. — Это не только мое мнение, так считают и другие рабочие. Действительно, у нас на комбинате бригадную форму труда стали внедрять формально, не посоветовавшись с рабочими. Так уж сложилось у нас, что рабочих не любят допускать к участию в управлении производством. Администрация распоряжается, а от нас требуют только беспрекословного исполнения приказов. Но ведь так дальше жить нельзя! Теперь, после вашей статьи, кажется, настремляют перемены. Во всяком случае, нам обещали, что с нового года будут действовать новые формы оплаты труда — с учетом предложений рабочих. Что ж, новости неплохие.

«ВЫСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

— Вы что же думали? — сказал начальник цеха, — написали в Москву, вынесли сор из избы, и все, победили? Вы думали, что-нибудь изменится?.. Если имеете какие-нибудь претензии, не надо писать! Пришли бы, мы подумали все вместе, вместе разобрались бы...

— Сколько можно! — раздался хор голосов. — Два года тянутся эта волынка. «Сколько собраний было, сколько общений...»

Это из статьи «Выступление и наказание», опубликованной в «Смене» № 10. Началось все с письма в редакцию машиниста тепловоза железнодорожного цеха Донецкого металлургического завода имени Ленина Владимира Павлова. «...Работа для нас далеко не в радость, — писал машинист. — Причина в нашем бригадире — маневровом диспетчере Калашниковой. Отношения с рабочими она построила на основе недоверия, пренебрежения, надменности и грубости. Конфликт следует за конфликтом... Многие не выдерживают такого отношения, уходят. Мы обращались к администрации, просили назначить другого бригадира, но понимания и поддержки не нашли».

После публикации статьи мы получили официальный ответ, подписанный

министром черной металлургии УССР Д. Галкиным. «В настоящее время, — сообщал министр, — тов. Калашникова освобождена от должности диспетчера и бригадира второй смены станции «Ново заводская». Она переведена на работу, не связанную с руководством людьми».

Министерство не ограничилось проверкой только конкретного случая, а внимательно занялось общим состоянием дел на заводе. Принципиальную оценку случившемуся дал и Донецкий обком Компартии Украины. За непринятие современных мер, элементы администрирования, проявленные при рассмотрении заявлений рабочих, начальнику цеха Л. Погорелову и секретарю парткома цеха В. Милитину было строго указано. В конце октября наш корреспондент встретился в Донецке с коллективом бригады. Говорили о том, как обстоят дела в бригаде сейчас.

Главное наше требование — исключить из состава бригады диспетчера Калашникова — выполнено, — сказал профгрупп Виктор Радюк. — Климат в нашем коллективе нормализовался. На собрании мы сами избрали нового бригадира — диспетчера Валентину Желтову. С ней у нас сложились добрые отношения. Дела пошли на лад.

ни Кирова в одно и то же общежитие поселяют как юношей, так и девушки.

— Ну, а как быть с «металлистами», любителями тяжелого рока, о которых упоминалось в публикации?

— Считаю, выделять их как-то особо, а тем более пропагандировать ни к чему. Не такое уж это безобидное увлечение. А вот работать с этими ребятами, находить подход к ним, безусловно, надо. В этом году мы создали в городе клуб творческой молодежи. Будемглашать сюда и тех, кто увлекается роком.

— Но для этого его нужно знать.

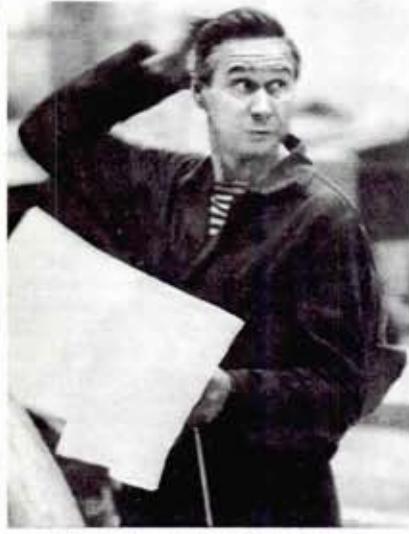
— Конечно. Сейчас для комсомольского актива города мы открыли специальный музыкальный лекторий. Слушаем лекции специалиста, который прекрасно знает все течения современной музыки, в том числе и рок. Так что с «металлистами» нам есть о чем поспорить.

Звоним в Советский райком комсомола Минска.

— Не отказались еще от «вечерней смены»?

— Ни в коем случае! Не отказались и не откажемся.

Владимир ЧИЧЕРОВ,
дважды Герой
Социалистического Труда,
член ЦК КПСС, депутат
Верховного Совета РСФСР,
бригадир слесарей-сборщиков
производственного объединения
«Ленинградский
Металлический завод»

«ПО-НОВОМУ»

Многое вместили в себя прошедший год. Главное событие, конечно,—партийный съезд, в работе которого мне довелось участвовать. Вроде уже немало времени прошло с тех дней, а впечатления не тускнеют, не стираются. Деловой, принципиальный, честный разговор был на съезде.

Мы сейчас много говорим о перестройке. Как важно, чтобы слова не оставались словами, а претворялись в конкретные дела! К сожалению, мы знаем примеры, когда различного рода приспособленцы на корню губят, дискредитируют хорошую идею: ускорение для них выражается в том, чтобы скорее отрапортовать—мы, мол, уже перестроились! А на деле все идет по-старому.

Еще не так давно в промышленности беспрерывно появлялись всевозможные починки. Помню среди них и нужные, деловые. Но сколько же было наносного, никчемного! Шуму, барабанного боя—сколько угодно, а результат—нулевой. Если говорить о нашей бригаде, то мы никогда не спешили следовать «модным» начинаниям. Ко всем новшествам старались относиться критически. А если заимствовали чужой опыт, то осмысленно, семь раз отмерив.

Именно так получилось с коллективным подрядом. Что такое бригадный подряд, мы знаем давно и теперь даже не представляем, как можно работать иначе. Но в какой-то момент мы почувствовали, что практически исчерпали все возможности такой формы организации труда: все-таки роль одной бригады имеет свои границы, свой предел. А коллективный подряд—это более высокая ступень бригадного. Суть его в том, что не один рабочий коллектив, а все бригады участка объединены единым подрядным договором, все работают на один конечный результат. Создан совет коллективного подряда, я избран его председателем.

Работаем по новому методу с 1 января 1986 года, так что можно подвести некоторые итоги. Лучше всего об этом скажут цифры: производительность труда у нас возросла на двадцать процентов вместо плановых восьми, а объем производства увеличился в полтора раза. Такой результат—лучший агитатор за коллективный подряд. И вслед за нами еще тринацдцать участков организовали работу по-новому. В этом деле мы не гонимся за количеством: переход на коллективный подряд должен быть продуман, подготовлен организационно и психологически. Тогда и будет настоящий, не «бумажный» эффект.

Читатели, откликнувшиеся на анкету «Не поработать ли на досуге?» («Смена» №№ 3, 8, 11), единодушны в своем отношении к работе по совместительству. Вот только некоторые из поступивших в редакцию писем:

«Живу в Москве. Мне 25 лет. Зарплата—135 рублей. Могу работать библиотекарем, ночной няней, уборщицей, утренним почтальоном, в бытовом обслуживании и даже продавцом в дежурном магазине. Пыталась устроиться, но безрезультатно. Справку с места работы мне не дают: служащим совместительство не положено. Но ведь это дикость—человек хочет заняться полезным делом для себя и государства, а ему не разрешают! Предлагаю: в каждом бюро по трудуоустройству создать картотеки спроса и предложения по профессиям «ночная няничка», «уборщица» и так далее».

«Живу в Ленинграде, 19 лет. Студентка. Хотела бы поработать пять дней в неделю по два часа машинисткой-надомницей. Пыталась найти работу, но это очень сложно».

«Я из Фрунзе. Мне 26 лет, замужем, есть дочь. Профессия—ветеринарный врач. Зарплата не устраивает. Хотела бы сажать цветы, работать почтальоном, портнихой-надомницей 2—3 часа в день. Пыталась устроиться, но...»

«Живу в Ижевске. Мне 23 года, учусь на вечернем, работаю на заводе. Зарплата не устраивает. Очень хотелось бы поработать в сфере услуг, воспитателем в детском саду, ночной няней. Но, увы...»

Наш корреспондент Максим ЗЕМНОВ попросил прокомментировать эти письма заведующего отделом Центральной научно-исследовательской лаборатории при Госкомтруде РСФСР доктора экономических наук, профессора Анатолия Григорьевича НОВИЦКОГО, занимающегося проблемами совместителей.

— Анатолий Григорьевич, картина ясна—люди хотят честно подрабатывать, но ничего у них не выходит. Причем, заметьте, никто не просит устроить его по совместительству космонавтом или оперной певицей. Запросы совершенно реальные—уборщица, швея, няня, дворник. То, в чем мы испытываем острый дефицит, не-

престижные, малопривлекательные работы в том числе. Интересы личности и общества совпадают.

— Да, это так. И я уверен, все рассуждения о том, что это будет сказываться на здоровье трудящихся,—сущая демагогия. Люди ездят в отпуск на стройки в сельскую местность, цыган на продажу шапок из нутрий, выращивают и продают цветы, ремонтируют всей округе машины... О чем это говорит? О том, что при двух выходных, восемьчасовом рабочем дне, подчас продолжительном отпуске у людей появляются возможность и желание подработать. Ну, а если этому мешают существующие правила? Одни машины рукой, другие—их число велико!—пойдут в обход, будут хитрить, мошенничать. Хотя наверняка не сделали бы этого, не будь в том печальной необходимости.

— Естественно, количество рабочих часов должно быть ограничено. Но случай, о котором вы рассказали, думаю, очень редкий. Это, конечно, исключение.

Сегодняшние правила разрешают работать по совместительству только тем ИТР и служащим, которые зарабатывают менее восьмидесяти рублей в месяц. Рабочим можно, но не на своем заводе, а только в другом месте. Явная нелепость, логически необъяснимая. Тем не менее это закон, который живет и действует.

Наши ориентировочные расчеты показали, что использование совместителей, включая ИТР и служащих, позволило бы вовлечь в народное хозяйство страны примерно два миллиона человек!

— Что же мешает этому хорошему делу?

РАБОТА ПОСЛЕ

Мне кажется, вполне можно было бы разрешить работу по совместительству по четыре часа в день во время рабочей недели и даже полную смену в выходной. Кстати, примерно такое время и указывают авторы многих писем.

— Сколько же их, счастливцев, которым удалось преодолеть все преграды и устроиться совместителем?

— Цифры колеблются от одного процента (в Средней Азии) до шести—восьми (в Москве, Прибалтике). В среднем по стране не более трех процентов населения, занятого в народном хозяйстве, то есть три человека из ста. Для сравнения: в Венгрии почти в десять раз больше, примерно каждый четвертый. Может быть, это даже слишком много. Но у нас слишком мало. Мы, я говорю это как специалист, совершенно спокойно могли бы увеличить процент совместителей до восьми—девяти. Тогда по стране совместителей стало бы не три, а десять миллионов!

— Но, наверное, все-таки должны быть какие-то границы. Я знаю одну семью, где муж и жена видят друг друга только по большим праздникам. Он работает ночью упаковщиком в типографии, днем—на основной работе, кроме того, полотором, сторожем и где-то еще. Много зарабатывает. Честно. Но в последнее время в свои тридцать пять лет стал плохо выглядеть. И немудрено: при таких нагрузках можно легко сорваться...

— Бытует мнение, что совместительство будет мешать основной работе. Но эта гипотеза, на мой взгляд, из области досужих рассуждений. Научные исследования, опросы руководителей, письма, в том числе и почта «Смены», опровергают это утверждение. Очевидно и то, что хороший, честный специалист будет работать так же честно и после смены, а нерадивому совмещение не требуется.

Налицо реальная ситуация, когда закон противоречит здравому смыслу, элементарной целесообразности. Вот пример. У нас в институте вышла из строя ЭВМ. Наш работник, инженер-электронщик, за двести рублей гарантировал отремонтировать ее за 2—3 дня. Но заплатить ему мы не имели права. Делала нам ту же работу бригада «мастеров» из «конторы». В пять раз дороже и в двадцать раз дольше и... не сделала. За что же мы заплатили большие деньги, потеряли столько времени? За воздух! Но это песчинка по сравнению с теми сотнями тысяч, которые улетают на ветер из-за того, что нам не хватает гибкости в решении подобных вопросов.

После выступлений «Смены»

«УВОЛЕН ЗА... ЧЕСТЬНОСТЬ»

Редакция получила немало писем, в которых читатели интересуются дальнейшей судьбой героя очерка «Уволен за... честность» Сергея Тюттерина. Напомним, речь шла о том, как молодого ветеринарного врача подмосковного совхоза «Зеленоградский» обвинили в халатности и недобросовестности, а затем уволили по статье «За систематическое неисполнение трудовых обязанностей». Сергей обратился в суд, но его иск о восстановлении на работе не удовлетворили.

Областная прокуратура опротестовала решение суда. Причем в протесте отмечалось, что «доказательства о том, что он был уволен за критику, судом не проверялся, хотя он имеет существенное значение для правильного разрешения трудового спора». После нового судебного разбирательства наш корреспондент Б. Балкарей позвонил Сергею.

— Какие новости, Сергей?

— Победа! Спасибо «Смене» и ее читателям. Судебная коллегия Московского областного суда установила, что увольнение незаконно, и вынесла решение восстановить меня на работе. Запись в трудовой книжке исправлена.

— Каковы же дальнейшие планы?

— С момента моего увольнения прошло уже два года. И сейчас семейные обстоятельства не позволяют вернуться на ферму. Да и на новой моей работе товарищей не хотелось бы подводить. Но как только появится возможность—возвращусь на ферму обязательно!

Детский дом—теплый дом

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Уважаемая редакция!

В марте 1985 года «Смена» в № 6 опубликовала очерк «Постоянство». В этом очерке рассказывалось, как директор Г. П. Хасанова с помощью общественности, а также при поддержке всего нашего коллектива (средний возраст которого, кстати, 25 лет) создала хороший, уютный детский дом—настоящий дом для 250 ребятшек.

Но и среди хорошего, оказывается, есть плохое. Кому-то не угодила Г. П. Хасанова, которая не знает ни минуты покоя, с утра до позднего вечера в интернате, заменяя матерей бездомным детям, порой забывая о своей семье. И вот случилась беда. Из-за анонимок директор освобождена от должности. Мы написали письмо в Министерство просвещения Узбекистана, которое потом рассматривалось на собрании. Начальник КРУ Минпроса Республики тов. Абдурахимов авторитетно заявил коллегам, что хищений и присвоения

Интервью с героем очерка «Главный конструктор» «Смена» № 10 Александром СОРОКИНЫМ

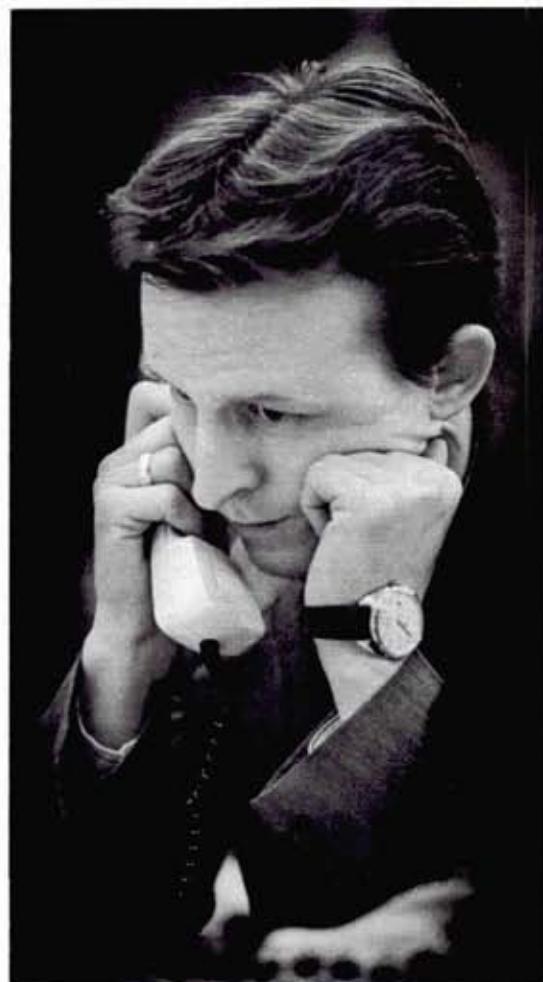
— Александр Евгеньевич, мы не виделись с вами больше полугода. О многом хочется расспросить. Но сначала ответьте: как встретили ваши коллеги публикацию в журнале?

— По-разному. И как некий аванс тоже, выданный мне в счет будущих заслуг. Но в целом польза есть. Мне удалось высказать в журнале свои мысли, собственное видение многих проблем. Окружающие стали лучше меня понимать.

— Итак, о проблемах. Что же с новой машиной? Когда все-таки начнется ее серийное производство? Готово ли объединение поставить 2141 на конвейер?

— Надо сказать откровенно, АЗЛК переживает трудный период. Мы должны до конца года дать первые две тысячи новых «Москвичей». Это дело части коллектива. Машины будут собраны на конвейере. С отработкой всех технологических концепций. Всем, кто ответствен за выпуск новой машины, приходится решать огромное число проблем, возникших по разным причинам. Во многом это связано с недоставками деталей, с отставанием смежников, с отсутствием необходимого оборудования. Мы переживаем период высочайшего напряжения, который преодолевает, наверное, каждое предприятие, переходящее на выпуск качественно новой продукции.

Нас обвиняют, что мы объявили о новой машине, а ее нет. Если говорить о массовом производстве, то это верно. Но в принципе машина есть. Она принята госкомиссией. Рекомендована к производству. АЗЛК настоял на снижении стоимости модели 2141 до 9600 рублей против планируемой ранее цены в 12 тысяч. Но мы работаем в партнерстве с десятками отраслей,

понять, что доброта и добрячество категории разные. И все-таки мы заменили больше пятидесяти человек. Пригласили молодежь. Сейчас они уже вовсю включились в работу.

— А как с конструкторскими кадрами? Ведь, по сути, они — основное творческое звено в УКЭР.

— В некоторых подразделениях по сию пору не хватает опытных конструкторов-разработчиков. Одна из причин — скромная зарплата. Конструктор, тот, кто творит машину, получает немногим больше того, кто просто добросовестно исполняет задуманное. Здесь надо корректировать критерии материальной оценки.

— Но ведь возглавляемое вами управление конструкторских и экспериментальных работ, как мы сообщали, перешло на новую систему материального стимулирования. Эта система предусматривала оплату труда исследователя в прямой зависимости от качества его работы.

— Все верно. Система себя оправдала. Дифференцировав систему материального поощрения, мы и благодаря этому тоже добились более продуктивной, более четкой работы всех конструкторских подразделений. Люди, независимо от стажа, получают сейчас до 50 процентов оклада в виде премий, но только те, кто вносит реальный вклад в исследования. Помимо этого, мы можем вводить дополнительный коэффициент в оплате тех категорий разработчиков, кто занят решением наиболее ответственных задач. Но отчет всех видов поощрения идет все-таки от оклада.

— Хорошо, пойдем дальше. Как мне помнится, в первые месяцы своей работы вы были практически не вольны распоряжаться собой. На творчество, от которого вы не хотели отказываться, времени оставалось критически мало. Появился здесь какой-нибудь просвет?

— Да, некоторый. Я стал распоряжаться своим временем свободнее. Хотя на творчество по-прежнему остается мизер. Зато, если раньше я — казалось бы, руководитель — был полностью во власти обстоятельств, сейчас сам во многом управляю этими обстоятельствами. Кстати, руководить — тоже вид творчества, пусть и специфический, где есть и муки, и радости.

— Значит, радости все-таки тоже есть?

ПЕРСПЕКТИВА

на машине «заявлено» 12 министерств. Достаточно одному не выполнить задание — начинаются сбои. Одно тянет за собой другое. Машину на 90 процентов не сделаешь, даже на 99. Тут нужно иметь все 100.

Сейчас на АЗЛК создан штаб, координирующий деятельность всех заводских служб, отвечающих за серийный выпуск 2141. У штаба большие полномочия. Мы работаем рядом с главным конвейером и принимаем решения прямо на месте без всякой служебной переписки. Получаем пробные партии деталей к новой модели, тут же испытываем, выдаем рекомендации к их производству, если не выдерживают испытаний — бракуем. На каждом предприятии, поставляющем нам детали, работают представители конструкторских отделов. Штаб доказал, что мы можем быстро и эффективно решать задачи, на которые прежде тратили недели...

— Александр Евгеньевич, коснитесь самой большой точки...

— Догадываюсь. Проблема двигателя для новой модели, так?

— Да. Читал критическую статью в одной уважаемой газете, где в связи с отставанием АЗЛК в решении этой задачи фигурировала и ваша фамилия. Помнится, еще в период, когда готовился очерк, вы были остро озабочены двигателем и искали варианты. Я даже пытался помочь вам отыскать конструктора одного из двигателей, несправедливо забытого нашей промышленностью. Что же происходит, каковы перспективы?

— Мы действительно оказались в трудном положении. Но не безнадежном. По идеи двигатель к новой модели надо было создать лет шесть назад. Но в свое время предполагалось закупить лицензию на двигатель, даже целое производство, было решение министерства поручить создание двигателя ВАЗу. Варьировались собственные возможности в этом плане. Включился в проблему двигателя в первые же дни после приказа о моем назначении. Мы еще раз пересмотрели все, что имели из наработанных вариантов. Ни один не устроил полностью.

Нас упрекают, что москвичевский двигатель, когда считавшийся одним из лучших, во многом растерял свои преимущества. Но при этом подчас не учитывается, что сейчас речь идет о качественно ином агрегате, он должен быть современным, то есть

обладать современно высокими характеристиками в том, что касается расхода топлива, крутящего момента, экологической чистоты, времени разгона автомобиля до скорости 100 километров в час, и удовлетворять еще ряду необходимых требований. Словом, сделать лишь бы какой двигатель мы не имеем права, должны — только отличный.

Да, время упущено. За год эту задачу с нуля не решишь. Но мы начали не на пустом месте, у нас были наработанные конструкции. Сейчас форсируем все усилия, создаем временный конструкторско-технологический коллектив, объединивший десятки преданных своему делу людей. Назначен новый зам. главного конструктора по двигателям, энергичный человек, с идеями. Вскоре мы сдадим чертежи нового двигателя станкостроителям. Пока не построим собственный корпус для сборки агрегатов, будем ставить на новый «Москвич» мотор 2106. Создаваемый же нами двигатель будет обладать мощностью от 90 лошадиных сил и выше.

— Теперь об электронике. Майский номер журнала довольно подробно рассказывал о ваших шагах в этом направлении. Так что там группа Абрамова, которую вы пригласили к себе в УКЭР, есть результаты?

— Во-первых, группа Абрамова это уже не три человека, а восемь. Во-вторых, по сути, ими уже создана модель бортовой системы контроля автомобиля с синтезатором речи. Водитель прекрасно слышит, когда синтезатор предупреждает, скажем, о недопустимо высоком давлении в двигателе. Пусть это пока в масштабе лаборатории, но эта лаборатория уже на колесах, то есть в машине. О перспективных разработках пока умолчу.

— Несколько месяцев назад вы начинали кадровую реорганизацию. Получилось что-нибудь?

— Дело очень непростое. Понял, что сплеча рубить нельзя. По каждой отдельной кандидатуре советовалась с партийными органами, с профсоюзом, комсомолом. Даже если человек явно не тянет, показать ему на дверь, с точки зрения некоторых, безнравственно. Сказывается инерция попустительства. Если человек не причиняет никому вреда, пусть он даже далек от настоящего творчества, его будут жалеть и делать за него работу в ущерб собственной. Думаю, что само время заставит нас пересмотреть что-то в себе,

меньше, чем хотелось бы, но есть и они. Мы не стоим на месте, работаем над новыми моделями и модификациями 2141. По-моему, получается неплохо. Но посмотрим, что скажут автомобилисты.

— Помню, вы сетовали на бумажную лавину, которая захлестывает вас и ваших замов. Ну а сейчас как, бумажный поток не утих?

— Нет, к сожалению. Достаточно взглянуть на мой рабочий стол, чтобы это почувствовать. Министерство требует от нас немыслимое количество отчетности. Мы вынуждены загружать свои подразделения подготовкой справок, которые, как правило, во многом дублируют одна другую. Приказы министерства, обязательные для изучения, соревнуются в объеме. И вместе с тем представители руководящих служб отрасли порой не в курсе того, что происходит в объединении, потому что редко бывают на производстве. Думаю, что работать но-новому — это значит минимум слов (в том числе и размноженных на ксероксе) и максимум дела.

— Вернемся к вам. Что дали вам минувшие полгода в профессиональном плане?

— Многое. Лучше узнал производство, взаимосвязи его подразделений. В общем, как делается машина. Понял, как разрешать многие конфликтные ситуации, возникающие на стыке интересов разных служб. Убедился, что многое можно решить при равной заинтересованности. Реальнее стал смотреть на вещи.

— Остроту в восприятии нового не потеряли?

— Если это произойдет, сам напишу заявление об уходе.

— Как относитесь к критике?

— Не скажу, что с нежностью. Но если критика деловая — стараюсь сразу делать для себя выводы.

— А как с творчеством, не растеряли в себе дизайнера?

— Рисую понемногу. Не могу без этого.

— Удачи, Александр Евгеньевич, в новом году, здоровья вам и вашим близким. Помните, «Смена» наблюдает за вами, болеет за вас. Если что, не взыщите.

— Согласен. Всего и вам доброго.

Беседу вел
Владислав ЯНЕЛИС

КОНФЛИКТ НА СОЛОВКАХ

Дважды в этом году (№№ 7 и 17) писала «Смена» о нездоровой обстановке, сложившейся в Соловецкой средней школе. Недавно мы получили еще один официальный ответ от Архангельского облисполкома.

Рассмотрев редакционную статью в семнадцатом номере «Смены», облисполком отмечает, что в ней правильно указывается на недостаточность принятых мер по устранению конфликта в Соловецкой школе.

После выступления журнала принял ряд дополнительных мер в целях улучшения положения дел. Разработан план укрепления учебно-материальной базы Соловецкой школы, предусматривающий строительство пристройки (классные комнаты, спортзал, столовая), благоустройство территории вокруг школы, малого спортивного комплекса для учащихся 1—3-х классов, ремонт учебных мастерских, жилого дома для учителей, восстановление теплицы, оснащение школы мебелью.

Е. ДИВАКОВА,
зам. председателя
Архангельского облисполкома

«НЕУВАЖАЕМЫЙ ШКАФ»

Еще не так давно мы почти не удивлялись, получая формальные, бессодержательные ответы на критические выступления журнала. Часто приходилось не раз и не два обращаться к тому или иному ведомству, чтобы добиться принятия действенных мер.

Нынче, полагали мы, ситуация в корне изменилась. Мастера формальных отписок просто побоятся общественного мнения, возросшей нетерпимости к тем, кто затягивает решение назревших проблем, уходит от прямого и делового ответа на поставленные вопросы. А вопрос в статье «Неуважаемый шкаф» («Смена» № 18) был сформулирован достаточно ясно (даже выделен жирным шрифтом): «Что конкретно делается для того, чтобы молодые семьи уже в ближайшее время смогли обставить свои комнаты или малогабаритные квартиры доступной по цене, красивой, удобной и во всех отношениях современной мебелью?»

В официальном ответе, подписанном членом коллегии Минлесбумпрома СССР Ю. П. Онищенко, говорится, что «автор своевременно поднимает вопросы производства мебели для молодежи». Дальнейший текст требует комментариев.

В настоящее время, сообщает представитель министерства, выпускаются недорогие наборы мебели для молодежи в Москве, Белоруссии, Литве. Не говоря уж о том, что «география» производства молодежной мебели крайне ограничена, упущен весьма существенный момент: объем производства. Во всяком случае, в московских магазинах недорогих молодежных наборов практически не бывает.

Читаем дальше. На Всесоюзном конкурсе «Мебель-83» проектировщики показали несколько комплектов мебели для молодежи; образцы были рассмотрены художественно-техническим советом и рекомендованы к производству. И что же? Как выполняются рекомендации совета? После конкурса прошло целых три года! Когда наконец молодая семья сможет купить то, что ей нужно? Об этом в официальном ответе ни слова.

А вот заключительный аккорд официального ответа: «Для оперативного решения поставленных в статье вопросов по объединению «Волгомебель» совместно с представителями местных торгующих организаций министерство поручило командировать в г. Куйбышев специалистов ВНПОмебельпром и объединения «Западмебель». Казалось бы, предприняты первые практические шаги в ответ на критику в «Смене». Но... в статье-то речь шла не только и не столько о куйбышевской проблеме. Проблема эта носит отнюдь не «местный» характер (о чем свидетельствуют и читательские отклики, пришедшие из многих городов), и решать ее надо не в Куйбышеве, а в Москве, в том самом ведомстве, откуда вышла данная бумага.

А что думают о мебельной проблеме наши читатели? Они активно откликнулись на выступление «Смены» — статья задела, что называется, за живое. Вот одно из характерных писем — его прислали семья Калининых из поселка Озерки Калининской области:

«Мы живем в одной комнате. Двое детей. Квартиру получили нескоро, а вещи незаметно прибавляются: разная аппаратура, одежда, книги... Лишнего места нет, вот и мастерят мебель сами. Если уж наши мебельные комбинаты не могут перестроиться так скоро, то пусть бы продавали материалы для изготовления мебели в домашних условиях. Не обязательно продавать полуфабрикаты — просто материалы, из которых сейчас делают громоздкие шкафы и неуклюжие «стенки».

Словом, подводить итоги пока рано.

«ЗА ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ... НАКАЗАТЬ»

Сообщаем, что комиссией горкома комсомола и городского совета ВОИР изучена суть рационализаторского предложения тов. Е. Литровника, автора статьи «За изобретательность... наказать» (№ 15 за 1986 г.). Установлено, что экономический эффект от внедрения рационализаторского предложения тов. Литровника, наказаны в административном порядке.

А. ПИЛИПЕНКО,
секретарь Киевского
горкома ЛКСМУ

ми службами определяется вознаграждение, соответствующее ценности рабочего предложения.

Лица, виновные в волоките с рассмотрением рационализаторского предложения тов. Литровника, наказаны в административном порядке.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

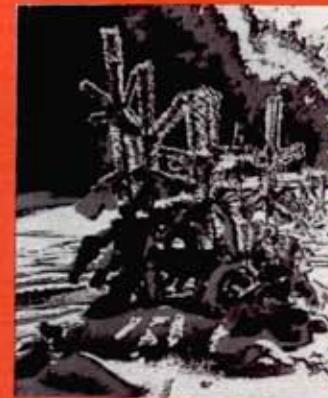

Смена
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 24 (1430) ДЕКАБРЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
С Новым годом!

Фотографика
Сергея
КОСТРОМИНА

1 ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ «СМЕНЫ». «ПОДВОДЯ ИТОГИ ГОДА».

7 ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.
Александр ПОЛЯКОВ.
«ВОЗВЫСЬТЕ ГОЛОС».

9 Рассказ Рустема КУТУЯ
«И ФЛАГИ КАК КРЫЛЬЯ».

12 ОТЕЧЕСТВО.
Алексей НИКОЛАЕВ. «КАРГОПОЛЬЕ».

18 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ.
Стихи Маргариты КОТОМЦЕВОЙ.

20 АДРЕС ИНТЕРЕСНОГО ОПЫТА.
Сергей МИКУЛИК.
«ЦВЕТЫ И ШТАНГА».

21 «ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО».
Фотоочерк Валерия ФОКИНА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

22 Александр БОЙКО.
«ОСЛЕПЛЕННЫЕ».

24 СТРАНИЦЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.
Лев ОЗЕРОВ.
«ВЛАСТЬЮ ПРИСТАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА».

27 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Рассказ
Герхарда ИОХАННА
«ШАНС РАВЕН НУЛЮ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редакция: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САОШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

Уважаемая редакция!

Прочел в журнале «Смена» статью Валентина Толстых «В зеркале творчества». Впечатление как от долгожданного освежающего и очищающего дождя. Наконец-то сказано толковое слово о творчестве Владимира Высоцкого, дана квалифицированная характеристика его гражданского и тудожественного подвига в жизни и литературе. Особую ценность имеет то обстоятельство, что характеристика дана с позиций, определенных XXVII съездом нашей партии.

Не впадая в патетику, скажу: лично я считаю, что Владимир Высоцкий является прямым продолжателем Владимира Маяковского в поэзии по искоренению из нашей жизни всевозможной нечистоты и мерзости. И делал он это с не меньшими страстью и талантами. Поэтому я ставлю Владимира Высоцкого в один ряд с Пушкиным, Лермонтовым, Блоком, Есениным и Маяковским. Его поэзия — бесценное общенородное достояние.

Действительно, жизнь — это вечная драма и вечная борьба добра со злом, порядочности и благородства с лицемерием и подлостью, мужественности с трусостью и подхалимажем (о роли подхалимажа, я думаю, советская поэзия еще скажет свое слово). Как здорово сказано: «Песни Владимира Высоцкого заставляли нас вспомнить, что мы являемся людьми».

И наконец-то дана принципиальная оценка творчеству «популярнейшей эстрадной певицы».

Давайте говорить правду в глаза, как учат нас решения съезда.

Ничуть не пытаясь оспорить вокальные данные Аллы Пугачевой, я все же считаю, что Владимир Высоцкий и Алла Пугачева стоят на противоположных полюсах гражданственности.

С одной стороны — сердцем и кровью сплетенные песни о том, чем живут и страдают люди, о самом сокровенном и тревожащем их души, с другой — пустая развлекательность с помощью песен, не имеющих гражданского звучания. С одной стороны, предельная искренность, доверительность и сопричастность, с другой — кривляние перед телекамерой.

Обидно и досадно, что человек талантливый не понимает той простой истины, что в мире, в котором идет беспощадная борьба добра со злом, нельзя быть сторонним наблюдателем.

Спасибо за опубликование статьи Валентина Толстых.

С уважением, Владимир ТИЩЕНКО,
Ворошиловград

Здравствуйте, уважаемая «Смена»!

Хочется выразить вам свою благодарность за статью Валентина Толстых «В зеркале творчества». Ведь к творчеству Высоцкого вряд ли кто относится равнодушно, и как он воспринимается, наверно, зависит от позиции, на которой стоит человек.

Он звал нас, засидевшихся в окопах равнодушия и серости, в атаку. Ушедшие так рано наши современники: Высоцкий, Шукшин, Сухомлинский — будят в сердцах прекрасные чувства, вселяют надежду — большое спасибо им и низкий поклон за то, что они были, творили и будут долго среди нас.

Василий ИГНАТЕНКО,
ст. Ленинградская
Краснодарского края

Уважаемая «Смена»!

Делюсь с вами впечатлением от статьи В. Толстых «В зеркале творчества».

Долго же мы ожидали чего-либо подобного!

Того, что по праву серьезности ЯВЛЕНИЯ должно было давно появиться на свет. Попытка глубокого анализа творчества Высоцкого, осмысливания с позиций современной философской, эстетической и этической мысли, предпринята впервые. Тем дороже нам эта долгожданная «ласточка»...

Правда, следует все же отметить, что цена научности несколько снижена откровенно доброжелательным, личностным отношением автора — «Высоцкий». Попытка избежать ее применения обернулась постыдной, безвкусной, а в конечном итоге трудно перевариваемой продукцией...

Безусловно прав автор статьи, утверждая, что в приобретенных нами навыках описания своей многослойной жизни мы чаще «употираем» ее, заставляя выглядеть более привлекательной, чем есть на самом деле. Искусству «ретуши» человек научается с детства. Только в семье да еще, пожалуй, в товарищеских кругах сохранились ростки так необходимого —

Не будем стыдиться прошлого...
Давайте улучшать настоящее!!!

Василий ШАШКОВ,
Томск

Уважаемая редакция «Смены»!

Мы с мужем уже четвертый год подписываемся на «Смену». Мы — читатели. Считаем этот журнал своим. Нас глубоко взволновала статья Валентина Толстых «В зеркале творчества». Огромное вам спасибо. В семье и среди друзей после статьи не раз были жаркие дискуссии о творчестве Высоцкого, о жизни, о человеческом достоинстве, о духовных ценностях. Самы мы туристы. Очень любим петь, играем на гитарах. Поем замечательные песни Б. Окуджавы, Ю. Визбора, Г. Дикштейна, С. Никитина. А вот В. Высоцкого только слушаем. Пытаться его повторить — только портить. Мы взрослеем, наверное, умнеем и каждый раз открываем для себя в его песнях что-то новое. 10—15 лет тому назад все это же воспринимали как нечто блестящее и низкопробное. Как оказалось, были еще просто «зелеными» и не понимали всей глубины и сути его творчества. Может, мы и сейчас, в тридцати с лишним, чего-то недопонимаем. Эх, если бы вы помогли нам, и многим другим «несозревшим»! Очень бы хотелось, чтобы в «Смене» была «Странничка В. Высоцкого», где печатались бы его стихи с разъяснениями специалистов о сущности затронутых проблем, о времени, их породившем, о героях его песен. И поподробней — военную тематику. Другой раз и книжку читаешь, а она так не тронет, как одна только строчка: «На братских могилах не ставят крестов...». Так просто, без всякого литературного пафоса, а прямо сердце сжимается. Мы не видели войны, но нам надо о ней все понять.

Мы Высоцкого не обожаем и не «балдеем» от него, мы его любим, любим искренне.

Ваши читатели
Владимир и Валентина ЧЕРНЯЕВЫ,
Харьков

...Я три раза прочитала статью и по своим убеждениям и пониманию творчества В. Высоцкого во всем с автором согласна. Вы даже сумели опустошить мой «чердак» с тысячью вопросов... Высоцкий постиг и объяснял необычное как никто другой. Его юмор — а не жаргон! — ставит его выше всех современных поэтов, так как помогает понять все и всех лучше, чем любые философские трактаты. Он был впереди времени.

Из письма Татьяны МАЙОРОВОЙ,
Москва

...В своей статье В. Толстых посвятил большой абзац некой «популярнейшей эстрадной певице», чье имя названо не было, но все без труда догадались — о ком еще сейчас можно так писать. Да сколько можно! Она уже столького добилась очевидного, что можно прекратить подобные нападки... Народ — и стар и млад — ею восхищается, и я что-то не слышала, чтобы кого-то шокировали ее прическа или поведение. А вот песнями заслушиваешься...

Из письма
Валентины БОГАТЬКО,
Киев

...Я не хочу верить, что Владимира Высоцкого нет, да и не верю в это. Он всегда будет для меня живым учителем. Учителем жизни. Когда я слушаю его песни, я чувствую, что могу сделать все, потому что я — человек, а не пустое место. Слушая его, я понимаю, что такое жизнь.

Из письма Елены СМИРНЫХ,
16 лет, Москва.

ПОНЯВ ЛЮДЕЙ, ПОСТИЧЬ СЕБЯ...

Почта приносит в редакцию новые и новые читательские письма, написанные в связи с опубликованной в № 19 журнала статьей доктора философских наук Валентина Толстых «В зеркале творчества. Владимир Высоцкий как явление культуры».

Интересные, нередко крайние, «максималистские», но идущие от неравнодушного ума и сердца суждения, которые высказывают авторы писем, никак не назовешь бесспорными — да и нет в них претензии на «истину в последней инстанции». Нас радуют и смысл, и тон читательского разговора, его откровенность, прямота, смелая постановка так называемых «острых» вопросов. Только так учат нас вести беседу друг с другом принципиальные, поистине революционные перемены, происходящие в нашей жизни, в общественном сознании.

Итак, слово читателю...

ра к «виновнику» предпринятого разговора...

Одно то, что творчество Высоцкого начинают рассматривать под углом серьезных, проблемных граней общественного развития, применяя весь имеющийся «инструментарий» общественных знаний и навыков, за- служивает всяческого одобрения и уважения.

Нравится неторопливость, обстоятельность, с коими автор подходит к оценкам. Конечно, не всем и не во всем созвучны эти мысли, но, высказанные одним человеком, выстроенные в более или менее логическую систему, они становятся еще одной отправной точкой общего понимания — или общего стремления к пониманию того, что уже повсеместно принято называть ФЕНОМЕН ВЫСОЦКОГО.

Находясь в достаточной удаленности от современной общественно-эстетической «кухни», от «котлов», где «варится» современное «блюдо» под тем же названием, все равно ощущаешь оторопь, охватившую дипломированных «горе-кулинаров» перед неизведанно-новой приправой...

димой всем правдивости и честности без огляда. Владимир Высоцкий — яростный проводник принципов творчества, переводящий их из области взаимоотношений в область самого существования.

Диву даешься самоотверженному постингенству, с которым он продирался сквозь косность и равнодушие эпигонов от искусства! Каким чувством собственной правоты нужно было обладать, чтобы, не слышав «донахихотствующим» маньяком, в одиночку отстаивать право СВОЕГО видения, право на СВОЕ творчество!

Обидно, что В. Толстых, так и не удержавшись от «сакраментально-бестактного» вопроса «Где вы были раньше, отчего молчали вчера?», сам ушел от ответа. Неужели и впрямь этот вопрос бестактен? Бестактен по отношению к кому?

Вся беда в том, что в этом вопросе и есть главный огонь недоверия и обиды, который не затухает в народе вот уже много лет. Нелицеприятный, полный ответ на поставленный ребром вопрос обязательно должен очистить многолетние завалы шелухи и мусора.

**Творческая
педагогика**

ЕСЛИ ДАТЬ ЛЮДЯМ КРАСИВЫЙ ГОЛОС, ТО ОНИ САМИ СТАНУТ КРАСИВЕЕ, ДОБРЕЕ, ТАЛАНТИВЕЕ. ТАК СЧИТАЕТ УЧИТЕЛЬ ПЕНИЯ ДМИТРИЙ ОГОРОДНОВ.

Фото
Сергея
ВЕТРОВА

Александр ПОЛЯКОВ

Петь я не умею. Когда от избытка лирических чувств начинаю подпывать радиоприемнику, у жены все валится из рук, а дочь, стараясь не смотреть на меня, уходит в гости к подружке. В праздники я, обреченный на немоту, сажусь рядом с другом-гитаристом и подсказываю ему слова наших уже начинающих забываться студенческих песен, а он красиво и громко под струнный звон ведет мелодию. А так порой хочется самому...

«В школе пели?» — спросил недавно Огороднов. «Было дело». «Потому и не поете».

Странное на первый взгляд заключение. Но я верю Дмитрию Ерофеевичу, потому что знаю его давно, потому что дело, которому тридцатилетие служит учитель пения, — дать всем людям красивый голос. Он написал несколько книг, главная из них —

ВОЗВЫСЬТЕ ГОЛОС

«Музыкально-певческое воспитание детей в общеобразовательной школе». Специалисты называют книгу явлением...

Если в двух словах, то Огороднов разработал и ввел в практику свою систему упражнений для развития голосового аппарата у ребят, для воспитания у них музыкального ладового чувства. В основе системы — свобода, легкость, предельная естественность и непринужденность извлечения звуков. Ведь как обычно строится программа уроков пения, занятий хора в средней школе? На использовании сразу всей первой октавы — и это в то время, когда диапазон детского голоса еще беден, узок. И мы, помнится, в школьном хоре старались, что называется, от души — такие звонкие руланды запускали, далеко было слышно. Не потому ли я не пою теперь совсем? «Именно», — убежден Дмитрий Ерофеевич.

У Огороднова все по-другому. Он бережет, лелеет, растиг, если хотите, голоса. Учитель берет за основу простые, самые доступные для детей тона — два-три, на которых и строится у тех повседневная речь. Но здесь-то и начинается главное, ибо при этом он старается достичь и достигает редкой красоты, предельной, казалось бы, глубины звучания. Как? Особыми упражнениями. Лишь певцы-профессионалы стремятся к такому совершенству. А у Огороднова дети обычные, никем специально не отобранные (это важный момент!). В их вихрастой толпе, вылетевшей в перемену из классов, много и тех, кого в других школах записали бы в безнадежные «гудошники»: нет слуха, чего время зря тратить...

Познакомились мы с Дмитрием Ерофеевичем в Гатчине, уютном, зеленом пригороде Ленинграда, где в местном интернате он долгие годы вел уроки пения. Была весна, погожий апрельский день. И тут прилетел звук, сразу ставший продолжением солнечного дня. Это, бесспорно, песня, хотя странно: слов и мелодии как будто и нет, есть лишь поразительная чистота и нежность. Что, может, деревья запели: чего не бывает весной?.. Я двинулся на звук и скоро открыл двери интерната, окна которого смотрели в старый придворцовый парк. Заметил табличку: «Сегодня поет капелла».

Давно, признаюсь, не видел таких серьезных и вдохновенных лиц. Тут были не отличники, не середнячки, не привычные завсегдатаи отстающей «камчатки», тут была — капелла. Вот ребята подняли враз руки перед собой, вдохнули и — запели: «у-у-о-а... уль-а...». Те, кто находился в зале, а гостей на репетиции собралось немало, вслушивались, пораженные, в глубокой сосредоточенности подняв посветлевшие лица навстречу потоку звуков. Подвижный, худощавый человек дал знак, упражнение кончилось, начальник пелася песня...

Потом была Всесоюзная конференция по вопросам развития музыкального голоса и слуха детей и юношества. Настала очередь выступить с докладом Огороднову. Знал он — не все верят в его методику, не все поддерживают новое дело. Потому и решил: говорить не стану, пускай лучше послушают гатчинский хор. Спели в отведенные десять минут. Их попросили еще. Потом еще и еще. По единодушному желанию собравшихся пели ребята вопреки строгому регламенту более сорока минут.

Мы снова встретились через несколько лет уже в Москве, в школе-интернате № 42, куда Огороднова пригласили столичные ученые и педагоги продолжить свой эксперимент.

На третьем этаже музыкальный класс: ряды скамеек, проигрыватель, магнитофон, шкафы с нотами, специальной литературой. В центре — доска, на которой пришили большой белый лист, на котором странная несколько схема — «алгоритм постановки голоса»: две огромные яркие буквы «У», свя-

занные плавными линиями. Посреди листа нарисован цветочек: тут, как выяснилось, следует непременно вдохнуть, то есть «понюхать цветочек».

«Выхдайте плавно, чутко, — учит детей Огороднов. — Как вдохнете, так и запосте».

А вот и они, со сверкающими глазами, неуспокоенным от беготни дыханием, — пятиклассники. Дмитрий Ерофеевич ждет тишины, потом приглашает: «Ира, поработай!». Девочка подходит к схеме, берет указку: «Внимание, начали!» И класс дружно поет, неотрывно следя за указкой, скользящей по линиям.

— Саша, смелее гласные! «А» — рот открыт радостно, «о» — вниз, с достоинством. Не забывай: «ль», как вдох, с улыбкой. Улыбка — отдых. Молодец, хорошо!

Огороднов любит хвалить, спешит делать это. И я замечаю, какой напор радости сдерживает тот, к кому он обратился, как еще старательнее поет мальчик.

Впрочем, это не пение в привычном для нас понимании. Дмитрий Ерофеевич пошел на небывалое — почти отказался от пения на уроках... Пения. Точнее сказать, от разучивания бесконечного числа песенок, чм., увы, грешат, пытались хоть так, хоть этим разнообразием увлечь, заинтересовать ребят в других школах. А ребята упорно не увлекаются и норовят улизнуть с мячом на футбольное поле: тоже, мол, нашли урок — пение...

С уроков Огороднова убегать и не помышляют. Наоборот, нетерпеливо заглядывают в класс задолго до звонка, а ведь у него вначале только упражнения — вот эти, по схеме. В чем же дело? Да в методе. В основу его заложена смелая и гуманная мысль: все дети могут красиво и правильно выучиться петь, у всех без исключения есть «музыкальные данные», надо только уметь развить их. Да, смелая мысль, касающаяся ведь не чего-нибудь — музыки, где испокон веку господствовал строгий отбор, требовавший одаренности. «Не выйдет у тебя, голубчик, — медведь, извини, на ухо наступил...» — знакомый приговор.

В интернате № 42 так не говорят уже четвертый год. Здесь каждый талантлив, здесь каждый на виду, работает в полную силу, сменяя товарища у доски. «У-у-у... о-о-уль...» — тянут дети, и надо видеть, какие счастливые у них при этом лица. Тут, признаюсь, не сразу я понял учителя: и чего, кажется, топтаться так долго на месте, да и звуки какие-то уж слишком простые... В том-то и дело — простые, комфортные для ребячей горлани. («Сережа, и младенец умеет петь «уа-уа-а», а тебе чего стоит!») Здесь действует, по словам Огороднова, фактор благодати, когда полное — до тонкостей — овладение звуками приносит детям физическое наслаждение, когда горлант буквально счастлива от рождающихся в ней нот. Оттого и лица такие: мы можем, у нас получается...

Постепенно, бережно «ставится голос», развивается от систематических упражнений артикуляционный аппарат, обнаруживается музыкальный слух у каждого в классе. Зато потом ничего не стоит за считанные минуты разучить и с блеском исполнить любую сложную песню. Так и случилось однажды в консерваторском зале, где собирались профессионалы из профессионалов. Стряхнув налет искушенной сдержанности, они не жалели ладони для аплодисментов.

Как-то раз, во время одной из многих наших бесед, я рассказал Дмитрию Ерофеевичу о древней Мологе, приволжском уездном городишке, скрывшемся навеки под волнами Рыбинского водохранилища. Вернее, рассказал о тамошней гимнастической школе, кстати, одной из первых в России. Дело в том, что воспитанники ее, или гимнасты — так их называли тогда, пели, и пели подолгу, собираясь в круг, сложив на груди могучие руки.

Пение входило в программу занятий наряду со всевозможными сальто, кульбитами и стойками на трапеции. Считалось, что так вырабатывается верное дыхание, увеличивается объем легких, даже повышается выносливость...

— Эти гимнасты были умнейшими людьми! — Словно незримая сила сорвала Огороднова с места; юношки легкий, он прошел актовый зал и со сцены торжественно заключил: — Пение может все!

Наверное, учитель, подобно всяческому человеку, увлеченному поглощавшим его делом, чуть-чуть преувеличивает возможности пения. Но есть заразительная правота в его убеждении: если дать людям красивый голос, научить им владеть, то они и сами станут красивее, добнее, умнее, талантливее. Не сразу, разумеется. Речь идет о воспитании человека будущего, а будущее, как известно, начинается сегодня. Большие задачи стоят тут перед педагогикой, и лучшие, ищущие учителя берутся их решать уже сейчас, в напряженных буднях средней школы.

«Выражай в голосе прежде всего свою доброту. Выражай ее свободно, непринужденно» — с таких слов начинается составленная Дмитрием Ерофеевичем «Памятка педагогу по вокальной работе с детьми».

...А все-таки хорошо, что Огороднов такой же, как много лет назад, в Гатчине и раньше, когда ничего еще не было — ни его системы, ни книг, ни сенсационных выступлений в отливающих золотом старинных залах. Порой мне даже кажется, что он с годами становится моложе. «Подумаешь, тоже работа — беспечное это житье: послушать у музыки что-то и выдать за свое», — неунывающее отвечает стихами.

Надо сказать, музыку он слушал и слышал всегда, но вот серьезно начал ей учиться только в тридцать лет. А прежде — детство в семье из восьми человек, где каждый кусок хлеба на счету, — не до фисгармонии с роялями. Потом война — с первого до последнего дня в артиллерии, ранение, контузия, орден Красной Звезды; в мирное время горный институт, работа в Главной геофизической обсерватории под Ленинградом... И вдруг круто, давно и мучительно чувствуя в себе иное предназначение, он изменил жизнь. Потом уехал в маленькую Лопухинку, начал заниматься с детьми. Сорока пяти лет стал студентом-заочником педагогического института. Штудировал труды ученых-музыколов, педагогов, психологов, физиологов, медиков, словно в надежде на подтверждение своих сомнений: не так надо учить петь, не так... А как?

Все мы, размышили о, радуемся нежным, чистым детским голосам. Отбираем таких ребят в студии, кружки, учим, восхищаемся, а после оглядываемся в недоумении: ау, таланты, куда же вы подевались?

А ведь забываем, что человек является на свет с наипростейшим, фальцетным механизмом

образования голоса, предназначенным вовсе не для услады нашего слуха.

Просто есть мышца, замыкающая горлант несмышленого младенца. Она влияет на голос: мудрый pragmatizm природы, не более. Мы же — давай, жми на всю, поражай дарованием. И поражают, увы, недолго, так как уже с 6—7 лет идет формирование взрослой, грудной (смешанной) системы голосообразования. Не тут ли надо — бережно, вдумчиво — искать ключ к проблеме?

Жизнь показала: он не ошибся. Детские голоса, воспитанные по новой методике, красивы, гибки не только в

школьные годы, но и гармонично развиваются впоследствии.

Сегодня учитель убежден: постепенно надо отойти от привычного выражения «музыкальный слух», а ввести другое понятие, скажем, «музыкальный голосовой аппарат» — дело-то все в голосе, именно его следует развивать

и пестовать предлагаемыми им упражнениями. А слух — это уже обратная связь...

Несколько лет назад занятия по новой методике в виде эксперимента стали проводиться в классе вокального ансамбля ленинградского вечернего музыкального училища. Огороднов собрал группу из тех, кого не приняли: нет, мол, данных. Уже через два года ансамбль — его называли «Доминанта» — заявил о себе как один из лучших вокальных коллективов города. И новая мысль: система доступна и взрослым. (Эта мысль великолепно подарила надежду и мне: еще не все потеряно.) Гатчинский ансамбль «Тоника», костяк которого составили подросшие ученики Дмитрия Ерофеевича, не раз выходил в лауреаты всесоюзных смотров, первенствовал на традиционном ленинградском конкурсе «Весенний ключ», покорил своим искусством зрителей Таллин, был приглашен в Венгрию, Финляндию.

...Огороднов с задиристой веселостью вскидывает голову, говорит, не забывая следить чутким слухом за голосами распевающимися на перемене детей:

— Думаю, что сейчас мои пятиклассники победят на конкурсе любой хор музыкальной школы. Слышили бы вы, какой голос — чистый, как ручеек, «прорезался» вчера у одной нашей девочки...

Наверное, найдется не слишком много учителей пения, к мнению которых уважительно прислушиваются педагоги ведущих школьных дисциплин — математики, литературы, физики. А здесь это так. Более того. Работой заинтересовались режиссеры и актеры в театрах, учеными в Институте общей генетики АН СССР, Институте общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР. И вот почему. Дети у Огороднова не только хорошо поют, не только верно и красиво говорят, что само по себе уже важно, но и лучше успевают по всем предметам. Они лучше чувствуют слово, они эмоциональнее, у них крепче память, более развито логическое мышление, чем у сверстников из других школ. (А ведь это интернат, где учатся ребята не с самыми благополучными судьбами.) Не случайна и схема на доске: на уроках пения школьники следят за ней, помогают себе особым движением руки. «Чтобы слух следил за голосом, следи неотрывно за движением руки-указки». Именно включение в работу с голосом таких движений, зрительных ассоциаций, как мне объяснили, «запускает» в действие одновременно многие нервные механизмы — голосовой, слуховой, зрительный, общедвигательный... А это уже превосходные условия для развития не одних лишь музыкальных способностей.

Выражай чувство искренне и полно, делай это одновременно и голосом, и губами, и руками. Пой, высказывай, убеждай — для того и дан тебе человеческий голос.

Это уроки Огороднова. По его методике преподают уже во многих городах — Куйбышеве, Горьком, Казани, Уфе, Томске, Ашхабаде, Харькове, Омске... Часто, откликаясь на приглашения, учитель проводит уроки сам — на подъем он удивительно легок. Пишут и зарубежные вокалисты — из Болгарии, ГДР, Чехословакии.

Когда-то пели здоровья гимнасты в старинной Мологе. Пойут в тихой зеленой Гатчине, в московском сорок втором интернате, в других школах страны.

Что же тогда получается, Дмитрий Ерофеевич?

Выходит, мастера-вокалисты на потоке? Нет, конечно. Просто... Просто еще, по выражению Ушинского, хоровая песня несколько отдельных чувств сливает в одно сильное чувство и несколько сердец в одно сильное чувствующее сердце.

Думаю, это уже немало в наш деятельный век.

И ФЛАГИ КАК КРЫЛЬЯ

Рустем КУТАЙ

РАССКАЗ

Рисунок Мариной ПИНКИСЕВИЧ

аркет сиял, исполосованный лучами. И черная глыба рояля всплыvala из угла. Воздух вокруг горел. Я пел, озираясь:

Он ко бережку плыл,
лодку вмig привязал,
сам на берег сошел —
соловьем засвистал.

И уже был там, у расписного терема, где жила какая-то «красотка». Она выпрыгивала ко мне из окна, задыхалась на бегу.

Человеку всегда сладостно помечтать, никакой халвы ему не надо. Такое это чрезвычайное и полетное состояние — мечтать. Сама благость переполняет грудь струящимся, блещущим потоком. Совсем не премудро, а проще простого вообразить себя высокорослым, сильным, красивым — и кучеривым! — даже если сам ты, говоря потихоньку, не очень удался и торчишь где-то в конце раздерганный шеренги стриженых мальчиков, постоянно привистаешь на цыпочки в толпе, напрягаясь спиной. А там, где сила празднует свое превосходство, тебе вроде вовсе делать нечего, но ты жарко тянешься завистливым взглядом исподлобья к неподдельной радости поединка, чернея глазами, закусив губу, и мускулы твои звенят, свиваются в крепенькие жгуты, а сердце учащается, млеет, обрывается в темноту бездыны, как дерево с обрыва, вскидываясь корнями. Озиноб и жар одновременно сжигают тебя.

Когда же приходит пора подать руку девочке, ты — о ужас! — столько раз испытавший и исполненный мысленно до малого жеста эту желанную сценку, вдруг обнаруживаешь полную неготовность к ласковому прикосновению — и ускользаешь прочь, унося слабеющие ноги и лепечущее, помраченное сердце.

Я совершенно не мог помыслить о себе в будущей жизни, хотя, конечно, совершал головокружительные подвиги. Моя душа нуждалась в этом, жаждала испытания и обморочно таяла, стоило лишь закрыть перед ночью глаза. Я бился насмерть, горел, тонул, погибал в мучениях, но утром воскресал заново в прежней одежке. Кажется, я был изобретательным мальчиком и умел складывать карточные домики из хрупких надежд болезненного самолюбия.

— Не болезнь ли у тебя, Бату? Уж больно глаза как сдавленные, выскочить норовят. Я вижу, ты прямо-таки линяешь от зависти. Горишь, синим пламенем. Завидуешь! Себя забываешь, ресницами наверх загибаешься. Петь не можешь, а страдаешь. Ноты притаскиваешь. Больно видеть. Ну, что мне с тобой делать! От земли не успел подняться, хочешь огонь лизнуть. Сердце твое не на месте...

Учителка Сольфеджия гладила меня по голове, как будто я в больничный халат залез. Гладила, как усыпляла. Голос ее тек — не вытекал слезами. Зачем приставать ко мне? Материю на рубашке трогать, дышать теплом табака в лицо? Она курящая, учителька. «Казбек» у нее в сумочке не переводится. Я же не встречала, куда не велено, а то бы заныл: «Курить очень вредно. Лошадь видел нарисованную с папироской в зубах. Умирала на бульварниках. Дыму-то

вы сколько вдыхаете, упасть можно. Облако курительное соберется...» А она... Она слова не задерживает, словно пузыри от себя пускает мне в уши. Ну, завидую, завидую, темно в глазах делается, а мне же приятно — то тем побывать, то этим. Может, кому я пуговицы отрываю иликусаюсь?

— Чему завидовать? Нашел занятие. На себе крест ставишь, Бату, себя уничтожаешь. А я поглядела, как скрипку носишь. Обязательно оберегаешь, прячешь от всех. Или стыдишься? А ты с гордостью носи, с шагу не сбивайся. Но тебе мало, мало ее у груди держать. Глаз твой до другого жаждый. Исходишь окончательно, вот чего добьешься...

Если по всей правде, какая от зависти вредность? Польза одна и невообразимая мечтательность. Я же в другого человека, как в воду, вхожу, и все во мне дрожать начинает от горячего возбуждения. В нем и растворяюсь, ныряю с головкой. И часовщиком побывал, и Хомичем — вратарем заправским, и Феней — спекулянткой семечек, и точильщиком ножей... После очухиваюсь, себя ощупываю, какой я на самом деле.

— Бату, а Бату, ты же голодный! Осовел совсем. Затюкали тебя. Позавидуй, позавидуй на здоровье. Не возбраняется. Булочку пополам съедим, и веселее станет, правда?..

Неподалеку от дома плескал флагами стадион. Под флагами всегда был праздник. И, прибегая туда, я слушал, как шипит, обжигается, хлопает и потрескивает замечательный свежий шелк. Он протягивался и развертывался в воздухе упругими волнами. Шелк хотел улететь. Ветер хлестал его напропалую, но шелк вскидывался, клокотал непокорно, крепкий и веселый.

С нетерпением я поджидал воскресенья, сразу догадываясь о силе ветра по изволненным занавескам на окнах. Предчувствие неожиданного подкидывало меня, и я спешил, не умываясь, прыгнувши, запихивая майку в трусы, — спешил к задыхающимся от обилия света флагам. Я разжигался, как огонь в сене.

У меня были футбольные спортивные тапочки. Белые, на вздутой резине, пружинистые, с матовым притягательным блеском. Английские, не как-нибудь! Не отыщешь, хоть всю Казань обшарь по углам. — один я распоряжался ими. Подарили мне их дядя Амирхан, родной человек. Смуглое лицо его смеялось:

— Каучук! Бегай, прыгай. Мяч пинай, как Лаутон.

После путешествия московского «Динамо» в Англию Лаутона знал каждый из гоняющих драный мяч. Лаутон завешивал вратарские ворота большими цифрами и бил с любой ноги по заказу, как в цирке. Так он тренировался. Я его не видел, конечно, но про англичанина всякое болтали. Мяч ходил за ним, как собачка. Чудеса выделял этот Лаутон, танцевал на поле. А бил! Бил хлестко, будто бы отвернувшись. Однажды мяч влетел в верхний левый угол, а в правый угодила бутса с нетерпеливой ноги. Гол потому и не засчитали, что вратарь очень уж растерялся, не сообразил толком, за чём кидаться. Может, и враки это, но я все же поверил и дяде Амирхану рассказал о приключении с бутсой.

— Гляди, какой хитрый! Мяч в один угол, а эта в другой. Стрелок! У них в Англии сплошные фокусы.

«Ай да мой дядя Амирхан!» — восхищался я, пробегая три квартала до стадиона в английских бесподобных тапочках. Точно видел дядюшку на зеленом поле в трусах и бутсах. Он чего угодно мог выкинуть, какой хочешь забить гол. Это теперь по вечерам посиживает в кресле и накрывает колени пледом, а когда-то оглобли ломал, железную проволоку зубами перекусывал. Правда, перенатягивался маленько — зуб и отлетел с корня, вот золотой и поставил на его место, чтобы жевать без пустоты во рту, как сказал мне по секрету.

Я останавливался напротив вытягивающихся по ветру флагов. Рядышком возвышался дом Кекина, странный, серый, как дворец. Чище не было ощущения — холодок обтигивал грудь, ютил за спиной, окрылял.

Я стоял и покачивался, как крепко завинченная бутылочка, набитая по горлышико звенищими пузырьками воздуха. Земля то подымала меня, то опускала. Дома клонились ко мне, когда я взбегал глазами наверх. Пузырьки воздуха прыгали, скакали по стенкам груди, разрывались от ликования. И не было конца радости глядеть на плотный, исхлестанный шелк флагов. Привораживающий шум летел над головой, застилая небо.

Я и в трибунам выходил, к беговым дорожкам, к полевой мягкой травке, только-только обрызганной из шланга. Бывало и так, что главный охранник Жучок, как все его звали за черноту волос и кожи, доверял мне длинношую «кишку», а сам садился на барьчик перекурить и обмахнулся кепкой от скопившегося жара. Быстрая вода жужжала у меня в руках, изгибалась сильной струей, и я знал, нахлестывал справа налево от центра поля к вратарской площадке. Посмеивался, как звенел мелочью.

До полудня совсем было пусто на стадионе. Поле отыхало — дышало травкой, даже бабочки слетались к нему.

Но один упрямый бегун все же выволакивал барьеры почти каждодневно. Устанавливали их один за другим повдоль стометровки. Потом обметал о траву босые ноги и обувал шиповки. Был он до того жилистый, свирепый с виду, подстриженный коротко под «ежика», что мне мерещилось, когда он, как большой пес задними лапами, отбрасывал шиповками черную пыль от себя назад, разжигая кипучую злость, — мне мерещилось, вот как разгонится, как воспламенится, и не остановить его уже никак, хоть канатами привязывай, до самой Волги убежит, перемахивая через ограды и крыши. Летун!

— Рекорд побить собираешься, Митя? — приветствовал его Жучок.

— Побью, не задержится! Раздавлю шипами.

— Ох и жучий ты человек, сам порок! — подзуживал лениво Жучок. — Не напасешься на тебя рекордов. Не побейся вот.

Вообще-то бегун был не Митя, а Митянин, да Жучок по-свойски его окликнул, чтобы с другими не перепутать.

— А это что за букашка на газоне? — удивлялся бегун.

— Помощник! — говорил про меня Жучок. — Лихой паренек. И тебя обрызгать может, когда прохладиться захочешь.

И девушка подле них танцевала птичьим шагом. По-другому не скажешь: танцевала! Придавливала слегка жесткую дорожку тапочками по краю, заряжалась для захватывающей пробежки, мелко-мелко перетаптывалась.

— Тебе, Рита, посвящаю первый забег. Засекай. Ух! — рявкал приготовленный к броску Митянин. Багровая шея, тряс кистями рук, клацал зубами и взрывался, будто земля отсыпывала его щепкой.

Наверное, он спервоначалу не разогрелся как следует, захлестнула его могучая сила, потому и барьеры уложил один к одному с шикарного мау, точно бы суду с дороги. Сконфузился тотчас. А Рита, держа часики на отшибе, произнесла в тишине:

— Рекорд-ник! Вспотеть не успел.

— Убери ты букашку-то с поля! — закричал на Жучка бегун. — Он у меня в глазу торчит. Воду почем зря изводит.

Я тогда бросил «кишку» к ногам, она заизвивалась кольцами, закуражилась змейкой, и побрал на трибуну. Едят их волки!

Там, наверху, загорали в уголке двое за шахматной доской. И на горластого Митянинна даже не оглядывались: пускай себе бегает, стучится о барьеры.

Я вскарабкался к шахматистам, переживая за обзывающиеся, прямо-таки раскаленные слова бегуна: «Букашка!.. Сам он...». Задерживался на секунду, чтобы определить покруче, какой же он: «Сам он тигр бенгальский. Рекордник несчастный!». И, освободившись от тайного оскорблений, ахал: «Колчук с Поповым рубятся в шахматы! И про свет белый забыли...»

— Здравствуйте! — говорил я. — Меня зовут Бату... Бату я.

Молчание накрывало облезлые шахматные фигуры.

Ладно, посижу, погляжу, решал я. Игроки что надо, задумчивые.

Снимал майку, вытигрывал ноги. В шахматы играть я сам выучился по книжке Капабланки. И мат его знал с жертвой ферзя. Такой мат, каждый палец облизешь в отдельности, как сахарный. Вот и Колчину с Поповым могу показать, если утомятся, не жадный. Секрет раскрою на ладошке.

Попов в запасных вратарях ходил за «Динамо», а Колчин — тот сразу во все игры умел, как многорукий: и бегал, и прыгал, и копье кидал. Шест бамбуковый под ним гнулся, а не ломался.

— Шах! — сказал Колчин. Раскинул широкие плечи. — Как я тебя, а? Как я тебя! Одной левой.

Я чуть не захлебнулся, глазам своим не поверил.

— Конь же так не ходит! Он через клетку прыгнул...

Тут мой лоб раскололся пополам от шелбана. Брызнули искры!

— Не встревай!

— Ты, Коля, гигантски конем скачешь, — мрачно сказал мосластый Попов, возвращая фигуру на место. — Спасибо, мальчик.

Я проморгался. Но Колчин еще меня смазал по макушке.

— Это ты Букашка? Кого, думаю, снизу гонят. Глазастый, однако.

— Он очень хороший мальчик! — сказал Попов. — Не обижай маленьких.

— Дуй отсюда, малец! — приказал Колчин.

И я потек в сторонку от шахмат. Пускай портят древнюю игру, двигают фигурами как попадя. Если бы я им показал мат Капабланки, от восхищения бы Митянин прогнал с беговой дорожки за обзывающиеся привычки. За что же мне шелбан-то дали, как медаль в лоб вбили? А я им дурачок, завидовал: и Митянину, выдувающему из себя воздух, и Попову, горбившемуся над шахматами, и Колчину-обманщику...

Но странно, как только я подходил к воротам, как только прокатывались шелестом, неостановимым гулом и вздохом флаги по сини, печали мои улетучивались сами собой. Большое, высокое небо уносилось неведомо куда вечными облаками.

— Глянь, стоит! Не одемшишь... Тапочки напялил. Эй, хвальба, где задрипанную скрипку оставил? Замерзать пришел...

— Ноги худые показывают...

Задирали с угла Махмутка с Кокошкой: один — чернявый, с большой головой, другой — вихляющийся из стороны в сторону, белесенький, точно бы пухом присыпанный.

— Взгреем или погодим? — ерепенился Кокоша.

— Куда денется...

Я не отвечал. Нет их, и все, говорил себе. Места, может, много занимаю? Жалко им, что ли? Флаги небось не ихние. А во двор, где помойка прижимается к забору, не лезу штаны мелом марать. На что и глядеть там? В футбольный день с этой помойки, как с пружины, на забор взлетают и сгибают вниз панцы, никакой милицией не удержишь. А «хозяева», вот эти самые — Махмутка с Кокошкой, — при «барыше». Короли! К ним тогда уважение, улыбочки бесконечные, прянки, печенье, конфеты, еще не хочу. Кто что тащит за прыжок с забора. Обязательно страх берет за грудки, но лишь на миг короткий, когда пронравливаешься, проворство собираешь, зато потом нагуляешься, глазами кидая по простору зеленого поля.

— Оглох, что ли? А ну вали куда подальше!

— Фикстула! Не задерживайся. К тебе не ходим, и ты сюда не намыливайся. Франт выискался.

— Потопчи ему, Кокоша, тапочки...

А меня уже ветром подхватило, съели! Я на другой стороне улицы решетку изчуял. Легкий, как перышко. Подрасту и бегуном стану. Чего охраняют, флаги? Так я надышалась, насмотрелась, не век же стоять на месте. А в футбольный день с овражного края наведаюсь, там с дерева сподручнее прыгать.

Я оглядываюсь: Махмутка и Кокоша перестали помнить обо мне, тоже задрали подбородки к флагам. Чистота вокруг...

Без войны живем второй год, налаживаемся. И на столе не пусто. У матери вот тоска в глазах. Не у одной моей матери. Соберутся вечером на садовой лавочке, когда свет закатный льется, льется, — и переговариваются все равно о чем, лишь бы подле друг дружки быть. Аккордеонист Гена на березовом пеньке музыкой утешается. Он чуть пониже ремня раненный, к работе его не пускают. Молодой инвалид. С войны вернулся неразговорчивый: трофейный аккордеон привез и разрывное ранение. Теперь музыка во дворе с весны до снега. Как он появится на своем удобном пеньке, так и женщины потянутся к лавочке. Мы тут кричим, гоняя мяч, а они как глухие. Мельком глянешь — одинаковые как будто, одна к одной. Не посмеются невзначай, к музыке прислушиваются.

Я в окно Розалину увидел. Она частенько читает толстую книгу на ничейной террасе. Коса спускается с плеча, лохматясь кончиком. Оборочка шевелится на груди от прерывистого дыхания. Розалина перекидывает страницы. Меня не замечает. И надо же, успевает читать и музыку слушать. «Кто тут дышит?» — «Не узнаешь, что ли?» — удивляюсь я. «Ежа вытащу из рукава! Тогда что?» — «Придумаешь тоже!» — смеюсь я. «Уколю!» Я бы от нее все вытерпел. Она в техникуме самолеты чертит. Барышня уже.

Аккордеонист Гена покуриивает мечтательно, дымок запутался в волосах. Без музыки ему нельзя, помрет, так о нем говорят жители двора. А Розалина на меня и глаз не поднимает. «Такая она, наверное, любовь» — вздыхаю я тайно.

О Розалине я всегда помню. Махмутка с Кокошкой об этом не знают, вот бы потешились. Не видно их больше на углу, и слава богу. «У меня же мать приезжает, во как!» — обрадовался я.

Первым пароходом мать уплыла на медицинские курсы в Сталинград. А я отправился на побывку к дяде Амирхану. В который раз.

Перед отъездом мать в больнице отлежала, подстриглась. Какая нужда была стричься, не знаю. Болело-то сердце, не голова.

Пришел к матери в больницу, а она уже стриженная под мальчика и бледная, будто снежком ее закидало. Ветка на тумбочке тополиными листочками тянется из бутылки.

— С музыкой, сынок, придется отложить, — сказала мне. — Не управляешь ты повсюду один. Жалость-то какая!

— Ты не расстраивайся, — сказал я. — Через эту скрипку обсмеяли меня всего.

— Кто же посмел?

— Да уж досталось. Скрипач! Футляр таскаю тряпичный. Чего куклу прячешь, кричат. Стерпи-ка...

— Скрипка-то у тебя мировая.

— Ладно, брошу.

— Нет, ты временно. Завернешь и в шкаф положишь. Сам у дяди Амирхана погостишь. Исходил вон. Дом бы не обокрали. Хотя что красть, скрипку разве... Ключ от двери на шею привяжи.

— Ты поскорее поправляйся.

— А как же, а как же! Мне разве можно... Ты пропадешь без меня. Не помру.

— Подчиниству тебя выстригли.

— Отрастут, что за беда! Иди, сынынька. Иди, милый. Амирхан не обидит.

А я приготовился скрипачом быть, ха! Студент Миркасим, кудрявый, со значком красноармейским на пиджаке, отправился на войну поглядеть, а скрипку мне отдал на хранение: «Тебе она пригодится!». Ушел, да сразу Победа грянула суворовским маршем. Но Миркасим до чего упорный оказался — прислали письмо, что в другой стране задерживается... Год я поиграл, помучился.

Футляр большой, а бестолковый, картон наружу лохматится из-под материи... Все! Натерпелся! Хватит! Солдат Миркасим за меня доиграл, когда возвратится.

Тут дядя Амирхан взмолился: «Не бросай. Я тебя сам за руку водить буду».

— Мать велела, — сказал я. «Она кто, генерал? Я ей прикажу, а ты в это время играть станешь, чтоб скрипка плакала человеческим голосом».

Я-то знал, он, чуть рассвет перебежит двор, спускает ноги с горячей постели и сидит, покачиваясь, помаленьку побеждая сон. Готовится к прыжку. Потом крикает и галопчиком, галопчиком пришлепывает на кухню. После громкого умывальника стучит ложкой о тарелку. И хлопает дверью. До скрипки ли ему? Целый день грохочут вокруг него станки завода...

Отпели мои струны. И руки освободились.

А вышла мать из больницы, осмотрела меня со всех сторон, сказала: «Ненаглядный мой!» — и отплыла на учебу в Сталинград.

— Совсем как мальчик стала, — озадачился дядя Амирхан. — Волос короткий, жизни будет подольше. Молодая и глазастая. Грех, грех... — бурчал он непонятно. «Чак-чак, бялеш... Свадьба.

А времечко мое выделялось кренделя, курчавилось весенним парком. Не успел глубоко вздохнуть, мать уже назад плывет. И я ее встречаю на пристани.

Стук-стук каблуками по сходням. Вроде повыше стала, плечи приподняла.

Шляпка со слабых волос пот-пот скатится.

Я понюхал ее рукав: Сталинградом пахнет. Чужой запах опалил ноздри едкими цветами. Ну и ну.

— Что ты, как зверек, к матери принюхиваешься?

— Тебе цветы там дарили...

— Конечно. Какой смешной! И цветы подносили, и пирожные. Я тебе торт привезла, язык отъешь. И не видал такого.

Она покачала перед моим лицом белой коробкой. И тут вырос военный, точно из-под ее руки приподнялся и возвысился погонами, принакрыл меня тенью.

— Познакомься, сынок, это мой попутчик. Степан Грамзин, героический майор. Отдыхает после войны.

Ко мне протянулась рука, я нырнул в нее ладошкой.

— Привет с фронта,—кашлянул голос.

— Бату я,—скоренько отозвался и я.

— Ты, брат, футболист настоящий, а не горе мамкино. Я тебе открытки присас, глянь: команда ЦДКА! Бери, бери на память!

Я спрятал открытки под рубашку. И мы пошли по солнечным камням. Отчего-то я вдруг вспомнил о скрипке—она затомилась, заныла надо мной всеми странами. Улетела тоска из глаз матери, на цветы загляделась в Сталинграде, подумал я.

Торт пыль рядышком, сиял лентами. Я его зацепил крепенько пальцами. «Так, так,—обдумывал на ходу.—Этот—Грамзин, а у матери книжка есть, которую написал писатель Карамзин. «Бедная Лиза» называется. Ишь...»

— Как с учебой?—беззаботно спросила мать.

— В порядке,—сказал я.

— Четвертый закончил,—пояснила мать Степану-майору.—Он у меня цепкий.

— Ты, Аля, не беспокойся, для нас эти бастионы не помеха.

— Какие бастионы?—изумилась мать Аля.

— Ну, крепости науки,—поправился майор.

— А-а, ты все воюешь,—сказала мать Аля.

— Карамзин!—сказал я.

— Он Грамзин,—испугалась мать.

— Все равно,—сказал я.—Карамзин, ты летчик?

— Нет, я связист,—растерялся майор.—Не хуже летчика. Без меня вроде и маршал не покомандует. Я же связь.

— Значит, и нам телефон проведешь, ага?

— Какие дела!—воскликнул майор.—Бастионы-крепости!

— И не стыдно!—ущипнула меня мать Аля.—Орден не каждому дают.

— Только сначала торт съедим и в кино сходим,—одернул китель майор. Такое у нас состоялось знакомство: бастионы-крепости.

Почему это мать Альфия переделалась в Алю, я не понял, но торт был вкусный. Его обязательно надо было есть полным ртом, чего и жевать, не разберешь—крем сам утекал сладостью в живот.

Когда наелись и напились, Степан Грамзин смахнул китель своей орденской со спины стула, приобнял мать, кося глазом:

— Замечательный чаек!

Я подумал: «Как будто и отца не было... Хозяйничает...»

Занавеска вздувалась на окне, задевала фикус. Длинные стебли мальв стояли у близкой ограды. Там трудилась пчела.

Я заметил, майор вдруг ни с того ни с сего начал возиться и суетливо жестикулировать. И правый глаз моментально уползл к переносице. «Должно, его на войне шарахнуло. Окосел малость. Как не испугаешься, снаряды вокруг визжат»,—порассуждал я. Мать словно уменьшилась возле него.

— Карамзин,—сказал я.—У тебя руки в торте.

Он отодвинулся от матери, и глаз его стал на место.

— Помоемся—и в кино!—сказал он.—Ничего, Аля, ничего...

— Вы одни прогуляйтесь,—сказала быстро мать.—А я приберусь. Дом-то осиротел. На фикусе больно смотреть. Двое мужчин найдут о чем поговорить. Бату, не зайди,—возвысила голова.

Она избегала встречаться со мной взглядом, блуждала глазами. Волосы маленько отросли за месяц, распушились. Мне сильно захотелось прижаться к ней, обхватить руками и замереть так в собравшейся тишине.

Я повел майора мимо стадиона. Там он меня угостил морсом. Я пил долго. Но Махмутка и Кокоша, как назло, не вышли к воротам.

Неплохо было бы и Митянину, и Колчину, и Попову рассмотреть меня сейчас хоть издали. Карамзин, не гляди, что связист, а и врукашину может, когда потребуется. Букашку нашли... А тапочки английские не углядели: каучук, не дохлая резина!

Кинотеатр «Унион» нас встретил толпой. Но Карамзин недаром был майором, поставил меня к стене:

— Жди и никак не отлучайся.

— Ага!—сказал я.—Ни с места.

Я закинул голову, и большие буквы попадали на меня: «Девушка моей мечты», трофейный фильм с приключениями.

«Не пустят!—закрался страх.—И тут я «букашка».

Глянул, а около меня Махмутка и Кокоша улыбочки ехидные на весу держат.

— Ты куда нацелился?

— В кино. Дожидаюсь.

— Кого же?

— А вон идет,—спохватился я обрадованно.

Майор Степан твердо держал в пальцах билеты.

— Друзья, что ли?—спросил.

— Товарищи,—сказал я.

— А «товарища» не пустят! Ни-ни,—заохал Кокоша.

— Как пить дать. Ему бы мороженое слизывать,—добавил Махмутка.

— Мы и не такие бастионы брали,—сказал Карамзин.—Пошли. Держись за меня, не трусь.

И я приметил, как разом испытали ко мне уважение Махмутка с Кокошей—глаза расширились, а губы сомкнулись. «Поколотят!—пронеслось в горячей голове.—Теперь поколотят. Изловят...»

Майор, конечно, протащил меня, как танк. Билетерша, вконец замотанная неразберихой, отрывала билеты, точно пуговицы с изношенной кофты.

— Тыфу!—откинулась.—С ума посходили, с грудными лезут.

А я вцепился крепенько, приkleился к майору, и все звуки умерли во мне. Киношка, оказалось, так себе. Там дамочка одна, ловкая и бесстыжая, бежала по вокзалу и шубку расплачивала на ходу, чтобы все видели—под мехом она в ночной рубашке. Ну, еще в бочке купалась перед зрителями, сорила мыльной пеной. Шалила... Мне бы «Крейсер «Варяг» показали, я бы поплакал и посмеялся. Но Степан, попутчик мой, до бесконечности елозил под боком, всхлипывал, усмиряя веселье. Глядеть на него в темноте стыдно было, как и в окопах не воевал. И обратной дорогой нахваливал картину, восторгался.

— Трофей!—воскликнул.—В плен, значит, взяли девушку. Без мечты невозможно жить, факт! С такой женщиной не соскучишься.

Он был чубатый, словно пеплом его занесло. Когда на меня взглядал, глаза приуживал. Ходил звучно, блестел сапогами.

Я так измаялся за день со своими думами, свял, видно, от напряжения.

— Ты, может, недовольный? Молчишь,—взял меня за плечи Карамзин. Сказать бы ему напрямик: «Уезжай поскорее, по матери я соскучился. А ты шумишь, шумишь, поперек дороги стучишь сапогами...» Но голос матери всплыл из ниоткуда: «Не перечь там...»

Дома я вроде лишним прислонился. Майор освоился, перестал за стулья цеплять ногой. Расхаживал в носках, высывался за окно и докладывал: «Звезды начали появляться. Благодать...»

Досыта накормленный, он и во двор вышел, к завалинке. Примолк ненадолго, голову склонил. Или припомнилось что?

Мать уклонялась от меня. Один лишь раз пригрела, щекой погладила. Я альбом с фотографиями достал, чтобы на отца посмотреть, тут она и подоспела: «Потом, сынок, потом...» Пусто на коленях стало.

Верещало радио, звякала посуда. Рюмочки позванивали у стола. Я и заснул, устав от разогретого, взбалмошного дня.

Я раскрыл глаза—уже солнце. Всю землю залило. Растворило деревья. Над гнездами в саду кричат птицы.

Как же это сморило меня? Не слышал, как на подушку укладывали, как одеяло набрасывали. Не раздевали, нет, обувку скинули. И когда ночь успела кончиться...

Я ступил босыми ногами на пол: никого! Миновал кухню. Толкнул дверь в маленькую комнату, бывший кабинет отца. Дверь отпахнулась без сопротивления, плавно ушла в сторону.

На кровати, обнявшись, лежали двое. Перепутались волосами.

Мать отпрянула от подушки разом, напряглась, смаргивая сон. И глаз майора выхлестнулся на меня и побежал к переносице.

Я зашнуровал туго английские тапочки. Достал из шкафа скрипку в драном футляре. И вылез в окно.

Дядя Амирхан был в свой выходной в пижаме, как зебра. От него пахло зубным порошком, не станками. Побритые щеки смеялись, и глаза пошутивались, промытые свежей водой.

— Садись к чашке, Лаутон ты мой. А скрипку зачем принес?

— Пускай у тебя полежит. Как спать соберешься, поиграю.

— С ночевкой?

— Надоело мне дома. У тебя лучше. В школу-то не надо.

— У меня и мед есть,—сказал дядя Амирхан.—Мажь булочку.

Жена его Магинур молчаливо пекла пирог на кухне. Она тихая была, пахнувшая едой и теплыми травами. Видя меня, одно повторяла: «Бялекаем... Багрем...» Маленький, значит, драгоценный. От нее никому не было шума. Она показывалась и упивалась, а сияние от белого платка оставалось.

— Что же ты не заливаешься, как ваддайский колокольчик? Я привык. В ушах у меня после тебя чистая музыка. Говориши, мать приехала?

— Я не говорю. Пароход привез.

— Ты в доме приbralся?

— Полы вымыл. Печку бы истопил, да тепло. Макароны сварил.

— Почему позаброшенный-то? И не причесывался.

— У матери книжка есть «Бедная Лиза». Карамзин написал. Ты читал? Хотя где бы взял...

— Слыкал, кажется,—осторожно сказал дядя Амирхан.—Кара-мырза—это черный купец, по-нашему,—прибавил задумчиво.

— Я с ночевкой. Поиграю...

— Чак-чак, бялеш... Да-аа...—сказал дядя Амирхан.

— Бастионы,—сказал я.

— Какие такие?

— Всякие. Я в кино дамочку глядел, она мылась—купалась.

— Да-аа...—протянул еще раз дядя Амирхан.

Вечером в кромешной тьме за окнами крупно налилась луна. Я выпул канифоль из кармашка футляра и жирно натер смычок. Белая пыль посыпалась на штаны. Дядя Амирхан сидел, закрыв глаза. Жена Магинур косичку с полтинниками переложила на грудь.

Я заиграл. Скрипка как зашивалась в моих руках. Чего я там играл, и представить невозможно. Как слышал, так играл.

Разбудил меня дядя Амирхан рано. За чаем сказал:

— Всю ночь думал. Сам тебя по скрипке водить буду. Пенсия! Тобой займусь. Поешь, как следует,—и домой, Бату. Наведайся. А вдруг дом-то повалился! Дерево изнутри стареет.

— Багрем... Бялекаем...—вздохнула Магинур.

— Надо, Бату, дом стеречь. Джигит ведь!—озарился дядя.—Моя дверь для тебя всегда без замка. Скрипка пусть остается, не промокнет.

Рабочий человек, дядя Амирхан на улице преображался. Забота упиралась в его лоб. Может, он издали слышал гул станков. И убирал с дороги другие звуки.

На перекрестке покрыл ладонью мою голову.

— Не задумывайся больно-то. Шагай.

И я пошагал к стадиону. Час-то ранний, рассудил, на флаги полюбуюсь, ветерком подышу...

Они схватили меня за руки, когда я скользил за шелком глазами. Как за крылья, схватили.

— Попался!

— Мы те такое кино покажем!

Я силился что-то прокричать им, но голоса не стало. Я будто и продохнуть не мог: горло сдавило.

За воротами стадиона Жучок попытался придержать Махмутку, но папироса выпала из рта, и он за нее пригнулся.

Свернули вправо. Глубже, глубже утаскивали меня. К баскетбольной площадке, к песочной куче. Повалили. Содрали тапочки. Закопали их в песок. И ну топтать, приплясывать.

Освобожденный, я смотрел на Махмутку с Кокошкой. Смотрел на их изодраные, беспощадные башмаки, размальзывающие зарытые наглухо в песок мои каучуковые спортсменки. Совершали дикий танец, пыхтя и сплевывая. Не меня они ненавидели, а обувку мою! Вскрикивали, безостановочно работая ногами.

— Так их!

— А то хвальится!

И побежали, побежали прочь. Кустами, кустами.

Я раскидал весь песок, разровнял его, изгладил ладонями: нет тапочек! Сдуло их ветром.

Тогда я заплакал, забормотал, обманутый с каждого угла. Заметался среди акаций.

Не просыхали глаза до колонки. Грудь разрывалась.

Помылся ледяной водой. Попил, охладжая горло. Душа болела по всему телу.

Босиком я вышел к флагам. Они простирались надо мной, распластывались хлопающими крыльями, не переставая ни на миг мчаться за ветром.

Аккордеонист Гена играл во дворе утренний вальс «На сопках Маньчжурии».

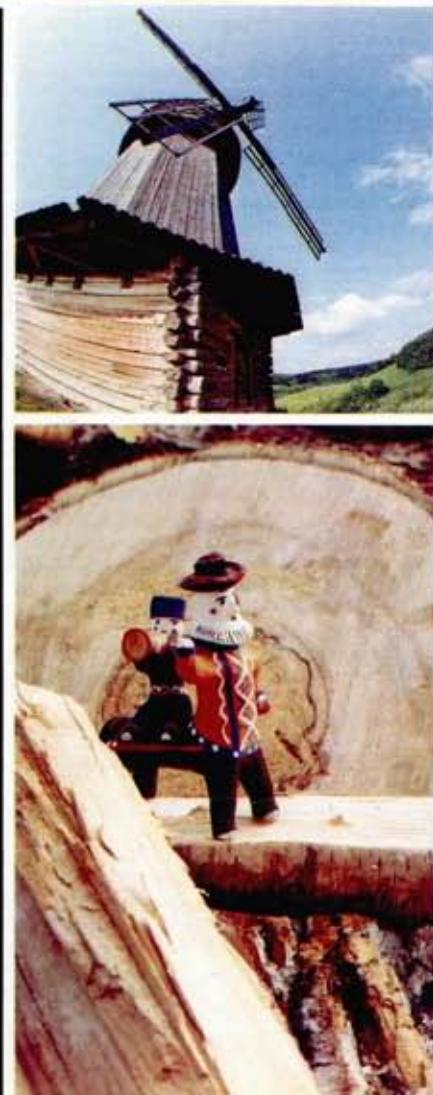

Отчество

КАРГО

Алексей НИКОЛАЕВ.

Фото Сергея ВЕТРОВА

КАРГОЛОЧКА.

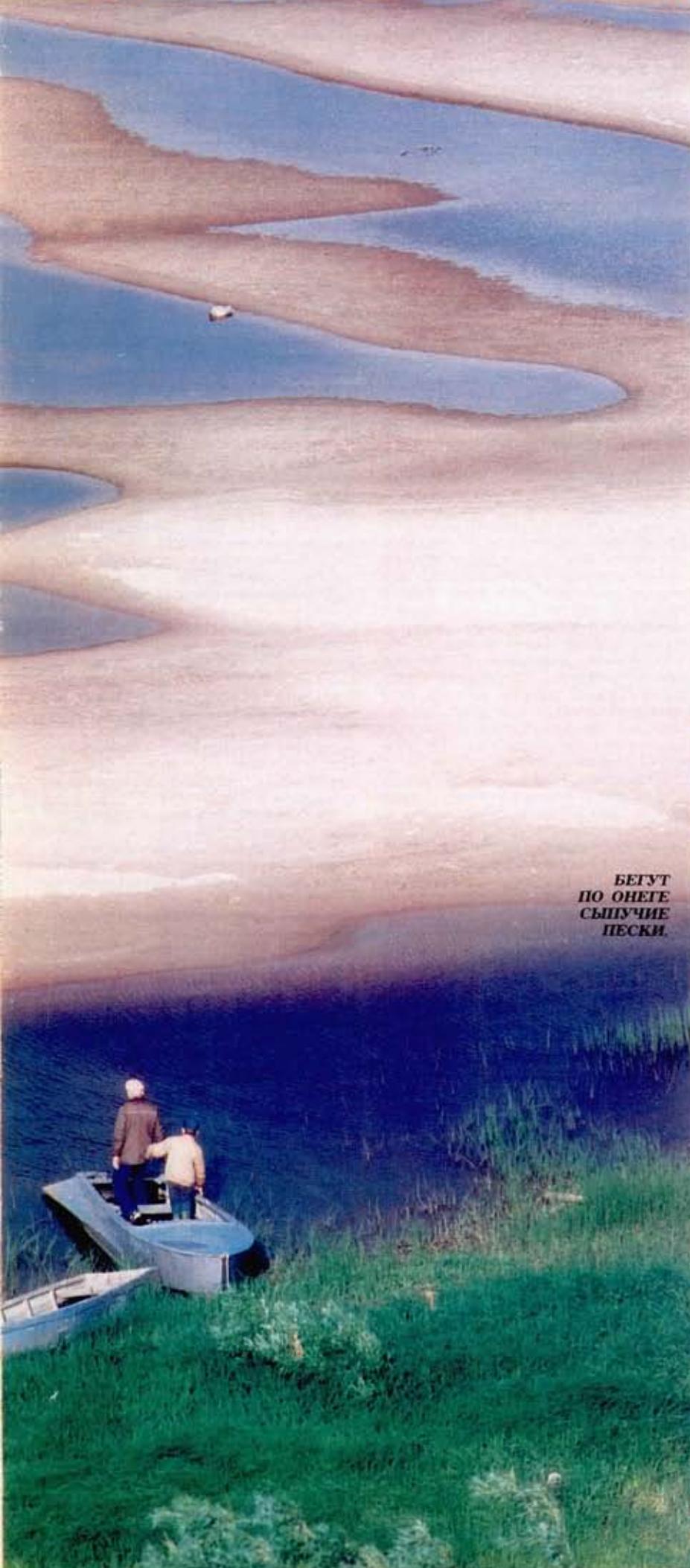
СТОИТ ВЕТРЯК
НАД ПОЛЕМ.

—А вот, помню, лет двадцать назад... Так начал я и хотел было продолжать, когда наш «Икарус» — чисто вымытый, сверкающий и длинный, как лайнер, — заурчал в далкой корме и, мягко качнувшись, минута в минуту по расписанию отвалил от вокзальной площади станции Няндома. Но продолжить мне не пришлось.

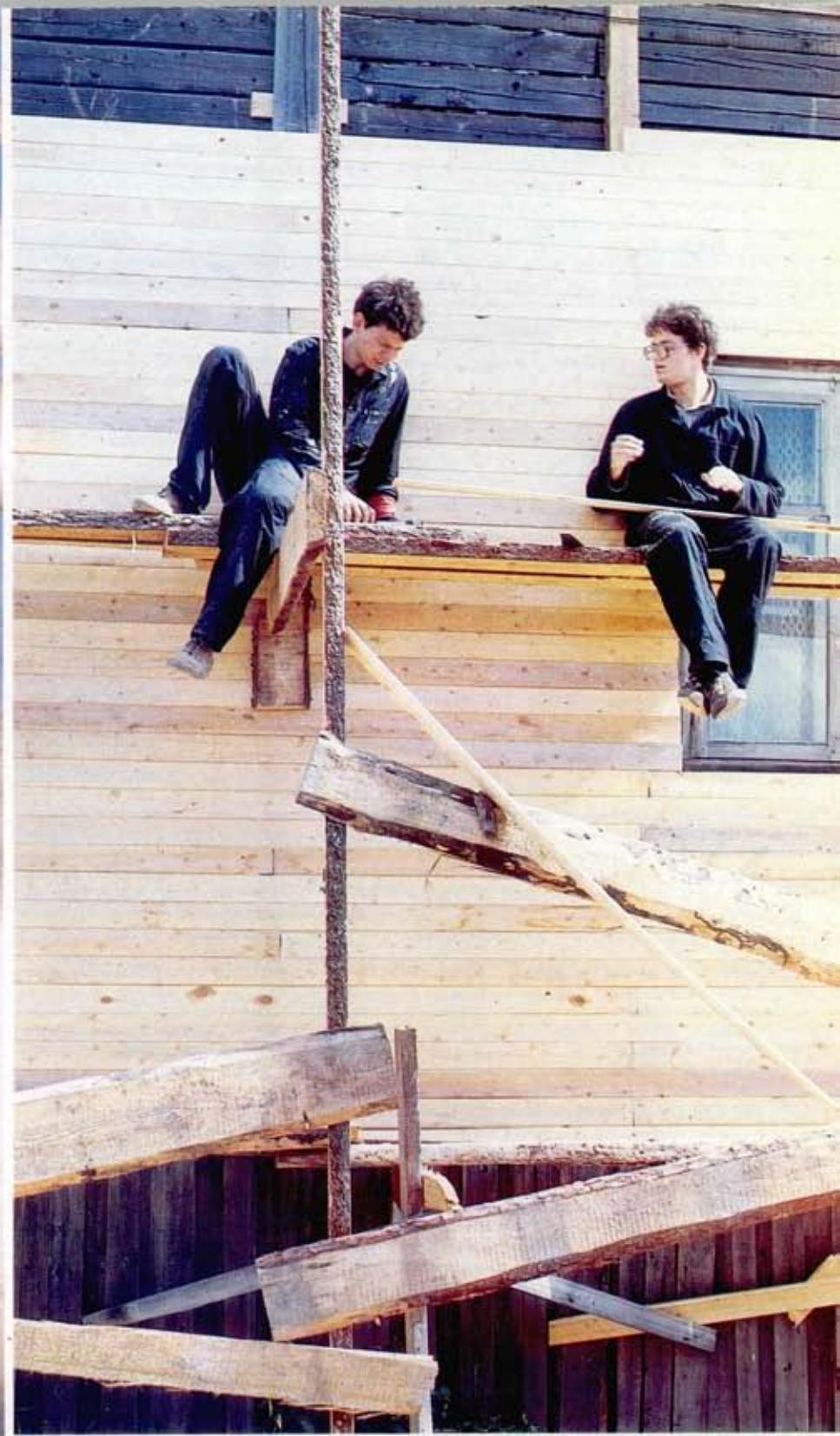
Сосед и возможный мой собеседник (безымянному этому пассажиру уделю я несколько строк с целью, которую читатель поймет чуть позже), — а был этот молодой человек в лебединой сорочке, в нейлоновой модной куртке и с плоским кейсом, с каким передвигаются в этих местах лесозаготовители, рыбинспекторы или механизаторы, едущие в районный центр на переподготовку, да и всякий другой здешний народ, которого дела или досуги понуждают к перемещению в этих краях. — так вот, этот возможный мой собеседник откинулся на крахмальный чехольчик авиационного кресла и, упрятав начищенные до блеска штиблеты в уютный полумрак обогреваемого пространства, прикрыл глаза с намерением, не допускавшим различных тол-

ГЛИНЯНАЯ ИГРУШКА —
ДАВНИЙ ПРОМЫСЕЛ КРАЯ.

ПОЛЬЕ

БЕГУТ
ПО ОНЕГЕ
СЫПУЧИЕ
ПЕСКИ.

ДЕРЕВО — ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.

кований. Произошло это в тот самый момент, когда пошли мелькать бегущие назад и вновь надвигавшиеся красоты хвойных перелесков, рассеянные прямой лентой серебристого асфальта. Воспоминания остались со мной.

А рассказать я хотел, как лет двадцать назад с этой самой площади Няндомы рыбаки, охотники, грибники-ягодники, другой местный житель по хозяйственным нуждам и, уж конечно, паломники-туристы, а с ними и из грешный попадали, как выражаются в этих местах, в «град славен Каргополь».

Ждали мы попутного, залетного или совсем уж случайного грузовика, если не до города, то хотя бы в ту сторону. И коли, спустя часы долгих ожиданий, таковой являлся — замызганный, разболтанный, густо облепленный глиной и с лысыми, в истертых цепях баллонами, — мы бросались на него гурьбой и в мгновение ока переваливались через борт в обшарпанный и повидавший на своем веку кузов.

Ах, дорога, дорога!.. И слов-то те-

перь не найти о ней рассказать! А не миновать — для истории хотя бы.

С увала на увал, скользя и приплясывая, цепями высекая из-под себя сырью глину, подымался и опускался наш «газик», то и дело проваливаясь в разбитые лесовозами колеи и выползая на тракторный след. Машина то вставала на дыбы, то кренилась так, что гляди — куда в случае чего прыгать. На взгорках шофер высекивал с мятным ведром, зачерпывал из бочажка мутной воды, окатывал перегревшийся и шипящим паром отвечающий двигатель. И снова — рев, скрежет, вверх, вниз, набок...

Семьдесят верст мытирила нас дорога, но пять ли, шесть ли часов пути позабылись, когда, позавинав цепями, вполз наш грузовичок на тесовый настил понтонного через Онегу моста. Река сверкнула стальной синевой, и противоположный берег открылся.

Длинный, чуть выгнутый, сплошь был одет он ожерельем лодок. Остроузорное, покойно лежало оно на бирюзовой ленте Онеги, и опушкой был ему невысокий, плавно подымавшийся береговой увал. Бок к боку тянулись по нему и весело глядели в просветы черемухи маленькие домики с крашенными резными наличниками. Кое-где подымались над ними двухэтажные, иногда каменные, но тоже старого века дома... А надо всем этим, словно вырастая из города и поддерживая небо над ним, царили — могучие и изящные — древние храмы в разноцветных куполах.

Сильный и звучный этот аккорд сам по себе завершил бы мог картину города, но вот в просветах куполов звучать начинает продолжение: там, за спиной города и как фон ему лежат просторные, чуть всхолмленные изумрудные поля, замкнутые у самого горизонта долгой дугой темно-зеленых лесов. В этой оправе стоит Каргополь. Бледный жемчуг древних стен кажется легким мазком кисти, добавленным природе рукой человека.

Было в этой картине что-то сразу не постигаемое, но властное, и потому, должно быть, когда выбрались мы из кузова грузовичка, то, несмотря на поздний, немузыкальный уже час, разбрелись по городу. Белая ночь и властное очарование увиденного спутали все карты, а без труда найденный служитель краеведческого музея с добрым провинциальным гостеприимством отомкнул нам резным увесистым ключом старинный, скрипучий, с нутряным хрустом замок...

«Начало построения города сего древность от нас скрыла...»

Нет, не из летописи эта эпическая, с ароматом таинственности фраза. Место имеет она в «Поденной записке» первого правителя Олонецкого наместничества и принадлежит Гавриле Романовичу Державину.

Каргопольских загадок от самих языческих времен и нынешнему ученыму веку не перегадать. Чуть проясняются тайны к началу нашего тысячелетия, когда оборотил к этому краю свои взоры бойкий народ с берегов Волхова. Но который новгородец — разумом ли, догадкой или слухом каким — провел о Зволочье, о землях по берегам Онеги и Двины, богатых горностаем, кунцей и соболем, о реках тамоших, изобилиющих белорыбицей и семгой, теперь не до знать. И которому первому приспела охота испытать судьбу в надежде примерить землицы любезному своему Господину Великому Новгороду, мы тоже не скажем — почти безымянна тех лет старина. Однако что новгородцы, народ лихий и удачливый, мечтам пределы полагали делами, мы знаем наверное. Этую черту характера объясним себе и дальнейшей истории ход.

С берегов Волхова путь в те земли лежал не близкий, а пуще — никем доселе не изведанный, но — легкие на подъем — отрядили новгородцы дружины и снялись. Без баб и ребятишек, надо полагать. Скоро ли, долго (принимем, однако: дорог окрест обжитой земли не проложено; леса, человеком не тронутые, — дебри непролазные; река не вся-

кая нужным путем течет, а там волок, там народец лесной, дикий, от которого всякий час беды жди, ступай да оглядывайся — так что, выходит, не скоро) воротились гонцы домой, но с вестями, думать надо, не худыми, коли по следу переселенцев снялись и в дальний путь переселенцы.

Лихой, как сказано, и вольнолюбивый характер новгородцев не обделила природа и крепкой хозяйственной сметкой. Изобильный, но в пространствах больших малолюдный этот край и с их приходом таковым пребывал по причинам не случайным, а, напротив, весьма разумным и размысленным. На новых землях клинья под жито распахивали не сплошь, острожки ставили не часто, избегая больших и скученных поселений. Смекнули прищельцы, что людные и невдалеке поставленные поселения оскудают реки рыбью, а леса зверем, потому и селились в далеких друг от друга верстах. Имелось тому, быть может, и другие причины — пространства, например, великие впереди, которые пройти и заселить надо бог весть до каких пределов, — но и ту, нами упомянутую, со счета сбрасывать никак нельзя. А тут есть о чем подумать и по нынешним временам.

Нынче почему-то считаем мы, что живых богатств природы в древних наших отеческих пределах обитался скоточный избыток. Но так ли, когда и рыба красная, и соболь с горностаем куда дороже иных товаров менялись, а в чужие земли за большущие шли деньги? Подумав же об этом, не лучше ли нам, теперешним, не поминать те баснословные (или кажущиеся таковыми) времена, а извлекать уроки из опыта своих же предков, которые этими самыми дарами природы пусть и побогаче нас были, но ни вод своих, ни лесов не губили. Каргополь же древнее в нынешнем его виде не мало — и ох, как не мало! — пищи дает для горьких на этот счет размышлений. В том и другие потом наезды довелось автору побродить по этому краю по причине первой и крепкой к нему любви, а потому, кроме восторгов красотою здешней природы, и иные чувства утаить он не вправе.

Когда год от года мелеют и вовсе изымаются малые реки, а по Онеге бегут сыпучие пески, когда иссыхают пытающие все иное болота, зарастают, заливаются чистейшие некогда озера Каргополья, ни молчать, ни горевать в одиночку нельзя. Потому что происходит все это не от «активного солнца», не от «естественного старения природы», но от преступного к ней небрежения. За примерами колесить далеко не станем — походим по городу и окрест. Тут и найдем то, чего ни от глаз, ни от разума, ни от совести своей не упрятать.

Вот и базарчик городской — невелик, в игрушечной такой стоит оградка. Но большего, выходит, и не нужно: на привалке десяток-другой окуньков, плотицы, и разве один какой рыбак-удачник подивит копченым лещом, да это редкость и в самый разгар сезона. Клюку же и морошки не кадушки торгуют, как прежде здесь бывало, а баночкими, гляди — и стаканчиками чайными. Грибы, те самые каргопольские рыхики, которые в столицах славились и которые заготовляли здесь бочками всякий хозяин, лежат жалкими кучками, как на южном каком-нибудь базаре. Тут мы и еще одно замечание вниманию не обойдем.

В Каргопольском районном обществе зарегистрировано тысяча четыреста охотников, считай — каждый двадцатый с двумя стволами. Исходя из простой этой арифметики, можно предположить, что в сезон на городском базаре селезнем, рыбчиком, тетеревом — а по тамошним лесным дебрям — и глухарем как-нибудь разживемся. Предположить, конечно, можно, но и только — на каргопольском базаре дичинкой не пахнет...

Но базар, как понимает читатель, — следствие. Причины поищем чуть подальше, не выходя, впрочем, за пределы района. Справедливости же ради отметим, однако, что и вне его

границ картина существенно не изменилась. Вот она, эта картина.

Река ли, озеро — тоня на тоне. Но дело не в этом даже, а в том, что рыбы черпают без разбору и меры, подрасти, нагуляться не давая сроку. Правда, говорят, что скучны стали уловы. А каким им быть, если по берегу семужной реки песчаный карьер не на одну версту разворочен, если леса, хранители и целители вод, прямо тут же, на берегу, — это в охранной-то зоне! — вырежены до чахлой щетинки, коли вовсе не сведены под корень! Заглянуть же на лесосеку человеку нетренированному посоветовать не могу — мороз по коже подирает: многометровые хлысты — да что там хлысты! — оставленные, брошенные в грязь целые, в обхват, деревья размолочены тракторами и щедро полты соляркой!

Отнюдь не лирическое это отступление вторглось в наш очерк и в строку попало не случайно — наболело. И хотя путь наш дальше — по дорогам древнего Каргополья, которые, как ни плутай по ним, выведут в день сегодняшний и к нынешним нашим заботам, — вернемся, однако, к началу.

Полагать нужно, не изобилием одним привлекнулось сметливым новгородцам отысканное ими Каргополье и не от тесноты обжитых земель они сюда двинулись. Глядели дальше: через озеро Лача и Онегу с ее притокамишли пути на Двину, Печору, в Юрьевские земли; отмечены в документах дороги и в иные пределы — из «европских стран» через Каргополь на Волгу и дальше — в Шемаху, Хиву, Бухару, а там и в Индию с Китаем. Легкий на подъем и на ногу крепкий торговый народ, не могли новгородцы ни проглядеть, ни упустить своего счастья — уверившись в Каргополье, обживали его умно и с толком. Но республике Новгородской немалый оставил еще срок, когда и Москва собирательница к земле той оборотила недреманное свое око. Иван Калита только мечтал приладить Каргополье к ширившимся своим владениям, а уже на Кулаково поле вышли каргопольцы под московскими знаменами. С тех пор крепко ухватилась Москва за Каргополь: Грязный записал его «на свой обход», включив в число девятнадцати опричных городов. Похоже, к тому времени стоил город дорого — по всем своим статьям и статям.

В памятном 1612 году, в смутное на Руси время, и, почувствав его, как чует зверь слабеющую добычу, кинулись шведы на поморские волости, для пущего устрашения предварив нашествие грамотой: «Пойдем жесть домов ваших, пойдем к Белу-озеру и к Каргополью». Из Каргополя же, которому грозили огнем и разбоем, пришло слово ответное: «А буде вы, господа, забыв свои души, учните с нами рознь чинить и кровь крестьянскую проливать, и на Каргопольские места войною приходить, или иной задор чинити: мы против вас стоять рады, сколько милосердный Бог помочи даст».

И стояли насмерть. В поте лица исполняли тяжкую ратную службу — во славу и в пользу отечества. Повторялось нашеество и год; и еще год спустя — приступ за приступом, один другого отчаянней, но всякий раз несолено хлебавши иноземцы поворачивали оглобли на те дороги, по которым пришли. Себя защищив, каргопольцы не дали врагу пробиться в Поморье.

Когда же, одумавшись, остерегся враг грызть государство наше с северного бока, отслужил Каргополь ратную свою службу. Скоро и другая на убыль пошла. С учреждением Петербурга и когда оторвались на беломорском берегу широкие ворота Архангельска, торговым перепутьем становился Каргополь уже не главным. Но с утерею важнейших этих достоинств не разделил он судьбы забытых и только по случаю разыскания древностей поминаемых городов. Каргополь и округа под этим именем остались на нашей земле — и быть продолжают — живым памятником творческому духу народа.

В первый приезд сюда, когда — после

вязкой, тряской и душу вытрясшей дороги — из кузова разбитого грузовика взглянула я на Каргополь, потом дивной белой ночью бродил по городу, в котором, как стражи, богатырями стояли белокаменные, затейливо изукрашенные храмы, а спустя день, другой и третий — в его окрестностях, столь богатых самобытным деревянным зодчеством, я подумал: найдется ли на нашей земле, особенно в далеких от центра окраинах, еще такое место, где на малом пространстве сосредоточено и сохранилось столько первоклассных памятников, а часто и истинных шедевров архитектуры? Причины же этому — не скажу «феномену», но чуду, чуду красоты и долгого бытия — почерпнем мы здесь же и отнюдь не из области догадок.

Лесной этот край сам по себе должен был породить, сказать же вернее — воспитать, народ, в особом к природному этому дару уважении и почтении. Здешний русский мужик жил с лесом душа в душе, понимая, что кормилец тот ему и украшатель жизни. Потому съезжала, с ребяческими самыми годков, острый кованый топорик служил каргополю как бы добавком к двум рукам, и навык дереводельной работы, мужая с годами, к будущим поколениям доходил уже в совершенстве, похожем на чудо.

Но мастерство, что ни говори, дело наживное. Откуда же бралась высочайшая та духовность, самобытнейшая фантазия, какая только из глубины сердца и только вольно — как народная песня — излияться может? Пожалуй, и этому таинству есть причина реальная: в глухих северных краях, где минуло русского мужика крепостное ярмо, строительство оказалось в руках самого народа, а не тех «начальных людей», которым топор и не по руке был, и не по разуму. Строили мастера, а не «ведомства», и так потому строили, словно дереву песню слагали.

Есть и другое примечательное, из чего и сегодня не грех будет извлечь урок.

При всей прелести дерева, пластической его выразительности и прочих достоинствах, знаем мы, что не вечный оно материал. Но вот чудо — стоят эти памятники на каргопольской земле не один уже век; сказать хочется — как заговоренные стоят. Дело же не в заговоре, конечно, а в умной — дадим уж тут место современному слову — технологии. В ней, а что еще более важно — в отношении к делу, и суть.

Мало сказать, что шел на строительство только кондовый лес, мелкослойный и смолистый. Дерево рубили в ту пору, когда оно «спит» — зимой. Работали же одним топором и пилы не жаловали не потому, что вопреки ходячему мнению в глухих этих краях ее не знали, но оттого, что пиленный лес обильно впитывает влагу и загнивает до срока. Рубленное же топором, дерево собственной смолой словно бы запечатывает свои поры, и тогда не страшны ему северные затяжные дожди и сырье здешние туманы. От гниения сверху надежно уберегал слой бересты, пропитанный по тесовине кровлю и покрытый осиновым, топориком же рубленным лемехом. Не говорю я уже об умнейшем устроенных водостоках, о хитроумной и не нарушающей при этом эстетического облика вентиляции... И о многом еще, за недостатком места, не имеем мы возможности сказать.

Хорошо-то оно хорошо, чую я вопрос привыкшего к современным скоростям читателя, а не долга ли, не хлопотна ли выхудила такая — пускай и добросовестная, конечно, — работа? Тут уж судите сами: большие храмы ставили на Каргополье не более двух лет, малые же рубили в сезон, бывало, и быстрее...

Но вот время шло, и лесное Каргополье, увековечившее уже себя чудесами дереводельными, другой обернулось иллюстрацией. Когда же и как постigli каргополы «дело камнесечной хитрости» — загадка только наполовину. Когда — скажут вмуранные в белые стены таблички с римским начертания цифрами — от XVI до XIX столетия. За-

легающий в недалеких окрестностях известняк, прочный, стойко переносящий дожди и лютые северные морозы, тоже кое-что объяснит. Да только не все. Как объяснить, что в давние времена, в глухом — лесами и топями оторванном от собственных столиц и иноzemных культурных центров — краю каменное строительство, возникнув вдруг, изначально же достигло совершенства, обраziвшимся не постигаемого?

Нет, нет, не стану я описывать того, что ныне всяким может быть видимо и осозаемо, сошлюсь разве на авторитет крупнейшего знатока и русского, и мирового зодчества академика Грабаря, свидетельствовавшего, что иные каргопольские храмы смело соперничать могут с дворцами раннего флорентийского Возрождения.

Да, вполне естественное здесь чувство национальной гордости, кажется, должно быть удовлетворено. Но вот утешит ли нас мысль, что жемчужина Италии и в русской лесной глухомани маленький городок авторитетно этим соперничеством уравнены? Такой воп-

рос без ответа оставить нельзя.

В тот первый приезд при всем неизбывном очаровании старины, которое не забудешь и по прошествии лет, увидел я Каргополь — мягко пока скажу — в запустении. На древнейшие, уникальные его памятники, сделавшие бы честь культу-

ре любого народа, смотреть тогда пришлось сквозь привычную глазу решетку прогнивших строительных лесов. Ветер громыхал листами проржавевшей кровли, могучие контрафорсы шестнадцатого века собора проросли плесенью, а на дивной красоты Никольском храме сиротливо глядела дощечка со словами «охраняется...» под метровыми — на той же белой стене черными — буквами: «Учись стрелять по-ворошиловски!»... Правда, времена тогда стояли другие, и грусти, сознаюсь, было у меня значительно больше, чем возмущения.

И вот двадцать лет спустя на сверкающем «Икарусе», по отличному новому шоссе, вместе с другими пассажирами, не знающими, что такое непролазная дорожная грязь, и одетыми соответственно этому обстоятельству, подкатил я к тому самому городу, который «Книга Большому чертежу» именует «град славен Каргополь», и по старым, протоптанным пошел дорожкам.

Писать дальше хотел я, признаюсь, по старинке — смягчая выражения и категоричность формулировок, словно извиняясь перед читателем за правду. Бог ты мой, как привыкли мы в последние десятилетия к очковтирательству! Прогнившие реставрационные леса приводили нас в умиление: а что? значит, делается дело! Даже в стилистике извинительный этот тон так глубоко въелся, что, говоря об искусстве нашего прошлого, стыдливо называли мы иконы «картинами», древние храмы «зданиями» или того пуще — «культовыми сооружениями»!. Так что, извините, говорить дальше будем начистоту и своими именами называть вещи, как бы горьки они ни были.

С того самого городского базарчика и начнем: ни грибов, ни ягод, ни рыбы путной, ни дичинки на прилавках не прибавилось, да и свой-то погреб, думаю, не у всякого хозяинаглядит веселее. Перемен, как видите, нет. Хотя, впрочем...

Лесосеки в окрестностях еще более жуткую являются картину. Леса — вековые каргопольские боры, густые ельники — даже в водоохраных зонах выражены до состояния, которому слов я не подберу, скажу только, что лес в Каргополье продолжают рубить с тем же залихватским кликом: «Даешь кубики!» Но рубят «по норме». По какой? Да по «негласно узаконенной» (ничего себе выраженьице!). А она такова: средний годовой прирост древесины на гектар составляет, как подсчитано, 1,5 кубометра, берут же с гектара 2,4 кубометра. Вот вам и арифметика! Да к тому же с геодезией.

По Онеге, лишенной лесной защиты, перекатываются пески, озера — по той

же причине — мелеют, заливаются, так что рыбё, какая и осталась, ни погулять, ни продохнуть; по грибы пойдешь — короба берестяного, заплечного у здешних старииков не проси, дачную бери корзиночку, в самую будет пору. Так что по окрестностям каргопольским ходить нынче невесело. Вернемся в город.

Изменился он с тех пор — тут не слукавлю. На центральных улицах положен асфальт, и, не пыля, почти по расписанию бегает по нему городской автобус. Удобства не отнимешь. Домишки, старые развалиюхи, на центральных улицах заменили нынче серые и серого кирпича... «дома», хотел было сказать, да нет — «типовые строения» — унылье, без роду и племени, но жить, говорят, можно. А нужно ли в таких жить и, главное, нужно ли такие строить в городе, который имеет свое неповторимое историческое лицо?!

Но вот одно изменение, согревшее, прямо скажу, мое сердце, заметил я сразу! На Никольском храме густо, так что не прочесть, забелили черные аршинные буквы «Учись стрелять по-ворошиловски!». Не думаю, оттого только, что охотничий каргопольский край в таковом призывае уже не нуждается. Пришли времена, когда поняли, что стены архитектурных наших памятников не место даже для самых красноречивых девизов.

Уже поняли! Значит, сдвиг есть? А дальше? Дальше дело идет, прямо скажем, тухо. По-прежнему в лесах не первого срока стоят знаменитые памятники Каргополя. По-прежнему не спорят молоточками два-три не всегда трезвых и уж, конечно, без всякой квалификации работника, латают очередные дыры с надеждой, что, даст бог, осень переживет, а уж весной не взыщет.

Своих реставраторов в Каргополе нет, из области не дают. Аргумент? Извольте и аргумент: есть в Архангельской области Соловки и Малые Корелы, до Каргополя руки не доходят да и со средствами не густо... Но тут, читатель, вернемся немного назад, на полгода

вернемся Немного назад, на полуодинца всего.

В ту пору заходила над Каргопольем туча; взглянуть сегодня — чернее ночи!.. Появились в городе и зачастии туда некие представители науки. Скоро поставили базу и дорогу на озеро Лача, к месту будущей плотины, уже повели... Тут ставлю я многоточие, а время поставлю точку. Твердлю.

Кому нынче объяснять нужно недавно объявившееся в нашем лексиконе слово «перебросчики» и определявшее этим неблагозвучием защитников проекта переброски стока северных рек на юг? Ни объяснять нынче не нужно и комментировать нет надобности, потому как вовремя — на самом краю пропасти! — остановлена была эта, столь же грандиозная, сколько и губительная «идея», граничившая, скажем прямо, с национальным бедствием. Дело прошлое, но почему же тогда эти самые «перебросчики» — не ко сну будь помянуты! — вторглись в наш очерк? А вот почему.

В те самые критические дни, когда под напором общественного мнения шаталась уже, но еще не рухнула эта «идея», слышал я из уст одного из «отцов города», что худо это, конечно, ох как худо, но... нет худа без добра: из беды общей выгоду городу можно извлечь!

Что же имел в виду мой собеседник? А то в виду он имел, что могучая организация несколько миллиончиков от своих миллиардов на благоустройство города «отстегнет» себе не в убыток, а уж прибыток-то будет густой — и на канализацию хватит, и на реставрацию останется.

ци останется.

О нравственных критериях компромисса пусть судит читатель. Но защищать моего собеседника должен я в том смысле, что далее говорил он вещи правильные: «У нас ведь, знаете, архитектурные памятники союзного значения», «Наша задача — мы мечтаем об этом! — музеифицировать Калгополь!»

Нет, не скажу я, что «отцы города» не обеспокоены его судьбой. Уверены они и в том, что достоин и должен стать Каргополь музыкальным центром самого высокого ранга. Но вот пути, ими к этому предлагаемые, представляются нам странными, хотя рассуждения наших оппонентов исходят из реального положения вещей: самому городу — в нынешнем его статусе — этого дела не под силу. Единственный, на их взгляд, выход: в Каргополе должна появиться некая мощная организация, которая взяв город под свое финансовое крыло, его облагодетельствует. Примеры и аргументы оппоненты наши берут не с неба, а в соседних районных центрах. Далее я излагаю их доводы.

жет дать средства для реставрации, но на туристов не дают фондов!..

Скажу честно, я не знаю, какой казен-
ный сундук первым откроет свою крыш-
ку для требующего помочи Каргополь-
я и какие доводы еще потребуются его
владельцу для благотворительной этой
акции, но, чтобы найти хоть маленькую
щель в замкнувшемся круге, приведу
здесь же, каргопольский, пример.

Стоит в Каргополе — пока еще стоит — Дом культуры, развалиюха-развалюхой, не ремонта требует, а сносить немедленного. Без ДК город жить не может. Нужно строить новый. Нужны, естественно, средства, и, столь же естественно, — откуда их взять? И вот районное начальство по служебным своим делам, но к этому ДК отношения не имеющим, прибывает в Москву. Попутно добивается приема в Министерство культуры, в высших его инстанциях. Но приходит туда не с пустыми руками — с набором фотографий этого самого ДК в нынешнем, естественном его виде. И что же вы думаете? Фотографии выстрелили, сработали безотказно: средства найдены, новый ДК Каргополя гарантирован.

Рассказали мне эту историю в райисполкоме, а я подумал: а ну-ка теперь собрать в папочку десяток-другой фотографий запустения бесценной каргопольской старины, да тем же путем — в Москву! А там, глядишь, у кого-то и дрогнет сердце. А там, поди, авторитетная, но и власть имеющая комиссия сядет вечером в поезд «Москва—Архангельск», сойдет утром на станции Няндома и на сверкающем «Икарусе» по новому шоссе приедет в «град славен Каргополь». Дорога, свидетельствующая отличная...

По той же дороге и другой комиссии проехаться не грех. Да только—с остановками в пути, чтобы, выйдя из автобуса и обочинку перешагнув, войти под своды каргопольских лесов—нынешней их поры...

Нужно ли говорить, что лес — явление, быть может, ни с чем иным в природе не сравнимое, та зеленая чаша из которой питаема Земля, из которой привлекают к ней и в горестях, и в радостях своих, и Человек утоляет не одну только физическую, но и нравственную жажду. Напоминать об этом, кажется, не нужно. Но нельзя не сказать о том, что сегодня так лихо наклонили мы зеленую эту чашу, что просвечивает уже пустое дно. А в пустоту этого страшнее, чем в пропасть заглянуть.

Понять и то нужно, что и природу, и культурное наследие куда легче спасти от хулигана или разгильдяя, чем от человека, иначе именуемого, но воршащего те же деяния под благословительным знаком хозяйствственно-экономической необходимости: вам мол, стариной и пейзажами умиляться, а нам строить и людей кормить. Так ведь кусок-то, таким путем добытый, простите за резкость, и в горло не полезет!

Здесь, в нынешнем Каргополье, подумалось и о другом.

В торопливый наш век, на память двух-трех соседствующих поколений культурное наследие наше и сама природа уж больно резво пробежали три горестных поры, требуя сначала охраны, потом защиты, а теперь спасения. Три этих глагола — увы! — не синонимы.

В горестных наших размышлениях не очень ли круто связываем мы в один узел природу земли и культуру народа? Но дело в том, что нравственных точек соприкосновения имеют они куда больше, чем привыкли мы думать. Может быть, и одни корни.

Припомните все здесь сказанное автор отдает себе отчет в том, что первом защитить памятник древнего зодчества или реликтовую рощу — задача не из легких, но тоже пером и с тою же целью поднять общественное мнение, вероятно.

В ДЕНЬ ПРОВОДОВ
РУССКОЙ ЗИМЫ.

Есть у нас пример великого противостояния писателей и публицистов той безымянной — до сих пор! — но страшной стихии, которая обернуться могла бедствием, похлеще иного нашествия. А ведь выстояли и отстояли! Следом за всенародным вздохом облегчения вздохнул, кажется, и наш Русский Север.

Радость это безмерная. Но вот сумеем ли мы сделать все остальное, чтобы, приехав в Каргополь, хотелось бы перед древним бором и перед творением древнего строителя снять шапку от чувства восхищения и почтения к ним, а не дожидаться дня, когда придется сделать то же, но по причине скорбной и невозвратимой уже утраты?..

Может показаться, что в повествовании нашем о Каргополе теней получилось значительно больше, чем света, но, как видит читатель, не наша в том вина. Журнал к тому же — не рекламный проспект, а место для серьезного и нелицеприятного разговора, да и время обязывает говорить начистоту. К этому мы и стремились.

ДЛЯ
ХУДОЖНИКОВ
КАРГОПОЛЬ
ВСЕГДА НОВ.

ПОРТРЕТ
ЛЕГЕНДАРНОЙ МАСТЕРИЩИ
БАБУШКИ УЛЬЯНЫ.
О ЧЕМ ЗАДУМАЛСЯ.
КАРГОПОЛ...

Но все же не хочется грустной нотой
заканчивать рассказ о прекрасном
этом крае,— пусть света добавят ему
несколько последних строк.

Совсем недавно в районном обществе охраны природы узнал я, что зреют здесь планы объявить Каргополье национальным парком. Это значит — взять под действенную защиту леса, реки, озера всего Каргополья, памятники его архитектуры, так давно того требующие. Спохватиться, предел поставить, подумать об этом и сегодня не поздно. Поздно будет завтра.

А когда, покидая город, оглянулся я назад с противоположного берега, когда увидел Онегу в остроузорном ожерелье лодок на бирюзовой воде, город, мерцающий жемчужной белизной древних стен, и изумрудные поля за ним, замкнутые дугой темно-зеленых лесов, подумал я о том, что планы мечтателей из общества охраны природы не могут, не должны остаться мечтами — время пришло.

Победитель конкурса одного стихотворения

Не ошибусь, если скажу, что литературный клуб «Молодость», который вот уже двадцать четыре года каждый четверг собирается в Кировском отделении Союза писателей, для Риты Котомцевой стал родным домом. Она живет далеко от областного центра в лесном поселке Речном (преподает в школе рисование и пение), несколько раз в год добирается до своих друзей «на перекладных» — на мотовозе, на автобусе, на поезде.

Судьба щедро одарила эту молодую женщину: она поет, пишет музыку и стихи. Но самое главное, по-моему, то, что все ее творчество — как бы естественное продолжение ее повседневной педагогической... нет, конечно, не службы, а службы. Преподавая сельским детям рисование и пение, иными словами, приобщая их к искусству, она и собственными произведениями — музыкальными и поэтическими — помогает им познавать окружающий их мир. Одновременно и ее творчество становится богаче благодаря тому, что живет она в самой, что называется, гуще народной.

Я знаю Риту с первых ее шагов, с неумелых еще стихов, которые уже тогда поражали точностью, верной интонацией и щедрой образностью. И в них, и в более поздних стихах «пахнет дождями, снегами, сеном край мой, любимый от недр до звезд». Рита родилась и живет в селе. Она знает трудную во все времена деревенскую жизнь изнутри, и, может быть, поэтому, не в пример многим, бывающим в деревне лишь наездами, счастливо избежала в своих стихах и приторного умиления, и ярмарочного, цветистого изображения деревни, и вселенского плача по ней, столь модного в последние годы.

Топорщится колючие ости пшеница,
Проклонулся дружно озимый посев,
Как памятник избам, навек
увезенным
И улицей ставшим в далеком селе...
Наверно — разумно.

Наверно — разумно.
А все-таки жаль. Да и как не жалеть? —

Здесь наших фамилий глубокие корни,
И наших умений, и наших удач...
Хорошая память — на пахоте черной
Веселая озимь и дождика плач.

Это передумано бессонными ночами, выстрадано. Рита смотрит на мир добрыми, внимательными глазами, и все в ее стихах вроде бы обыкновенное, земное, и сказано-то просто, без особых ухищрений, но почему же так часто внутренне ахашь от изумления: надо же! ...И в небе кружится луна,
Как с тонкою вышивкой пальцы.
... Вновь в бороде у тумана Светлой дождинкой звезда.
... Звездочка, словно кнопка,
Где-то у самой крыши.
... И ночь голубая пилоточку месяца Наденет на самый высокий стожар.

Не правда ли, это окружает каждого из нас? Но взгляд художника превращает в поэзию все, к чему прикасается. Стихи Риты очень живописны и музыкальны: почти все их можно петь. Но, кроме того, они густо населены, в них много, как правило, нелегких, даже трагических, судеб. Людей в ее стихах видишь сразу.

Она пишет об отце:

...Нечасто мне письма приходят
С клонящейся влево строкой —
Отец с сорок третьего года
Все делает левой рукой.
И уже на этих строчках обрывается сердце...

Стихи Котомцевой никого не могут оставить равнодушными. Они проплыты — именно проплыты! — чистым свежим голосом.

Ловлю себя на том, что все цитаты пишу на память: стихи запоминаются легко. Открываешь рукопись Риты Котомцевой — и без всяких усилий, естественно, начинаешь дышать с ней в одном ритме, жить в ее мире, потому что он и твой, все, о чем она говорит, тебе важно, ты все время ощущаешь себя соавтором. Я думаю, что среди читателей у Риты появится много единомышленников, родных по сердцу людей. Это для поэта главное.

Маргарита ЧЕБЫШЕВА

Маргарита КОТОМЦЕВА *

Яблоня

Метелью заболела улица.
Деревья и дома сутулятся.
И, ветрами листва разграблена,
Заглядывает в окна яблоня.

Она под небесами блеклыми
Утратила тепло до донышка,
А рядом, за двойными стеклами —
Три яблока, ее детеныши.

Румяные, как летом зарево,
Ох, как они красивы, боже мой!
Что яблоне весной подарено
Не зря в них было вложено.

Но горькие томят предчувствия,
А выюга, как на смерть, напутствует...
А в небе редки-редки просини...
...Ее срубили поздней осенью.

Нечасто мне письма приходят —
С клонящейся влево строкой —
Отец с сорок третьего года
Все делает левой рукой —
От свертыванья «ножки козьей»,
От латок на валенки мне
И до работы в колхозе...
А правая с ним лишь во сне.
Ох, как «левуха» устала
Лечить для полей трактора,
Мазут же с нее отмывали
То мама, то я, то сестра,
Ладошка совсем небольшая,
Шершава, как бок нааждака.
А правый рукав не ветшает —
Заправлен в карман пиджака.
Его пустоты одинокой
Я в детстве пугалась всегда —
Неистребимо жестоко
Смотрела оттуда беда.

О ездовом и коне

Нерусские воды
Закат окровавил,
Над берегом адовый вой.
От мук избавляя,
У той переправы
Пристрелил коня ездовой.

Толкнется винтовка,
А на сердце камень —
За пулью, Буланка, прости.
В истертых подковах
Мелькнут пауками
Чужих самолетов кресты.

Нерусские воды
Закат окровавил,
Над берегом адовый вой.
От мук избавляя,
У той переправы
Коня пристрелил ездовой.

И рядом со смертью,
Ослепший от дыма
Он думает, слез не гоня:
— Подростки и бабы
В деревне родимой
Впрягаются вместо коня.

В этом году в традиционном конкурсе одного стихотворения «Земля, мы дети твои» приняли участие несколько тысяч самодеятельных поэтов. География конкурса как всегда необычайно обширна. Почти из всех городов, крупных и маленьких, откликнулись начинающие поэты на призыв конкурса. Победителями этого года стали Маргарита КОТОМЦЕВА, учительница из поселка Речное Кировской области, и Юрий КЛЮЧНИКОВ, грузчик из Новосибирска. В этом номере мы публикуем подборку стихов М. Котомцевой, а стихи Ю. Ключникова напечатаем в одном из первых номеров следующего года.

Березами сентябрь одет,
Рябинами
сентябрь украшен.
И радуют
весь белый свет
Озимые
любимых пашен.
И первая
пришла любовь,
Весенняя—
пришла не в мае.
А музыка
лиловых снов
Услышана
осенней стаей.
Но в будущем себя не тешь,
Что с радостью
исчезнут муки:
На светлые
цветы надежд
Есть желтые цветы разлуки.

Мы снова с тобою в разладе,
И снова мне все не с руки.
Но ветер тихонечко гладит
Русалочки кобы ракит,
Но птица, кружка надо мною,
Как песенку, имя поет,
Конечно, не чье-то иное.
А звонкое имя твое.
И я уж обиду не помню,
И пальцы травиночку минут.
И жаль мне, как денег скопуму,
Украденных скорой минут.

Феврали

Феврали люблю снегоносцы.
Рук не прячу и щек не тру.
А дрова колю по морозу
И белье сушу на ветру.
Не бывает на них обиды.
Я ведь знаю, как трижды три:
Они грозные только с виду,
Они нежные лишь внутри.
Я февраль люблю непоседу,
Рук не прячу и щек не тру,
С ним о лете веду беседу.
Когда печь топлю поутру.

Воспоминание о первой любви

Льняные туманы
в ложбинах засветятся.
Над лесом погаснет
бездымный пожар.
И ночь голубая
пилоточку месяца
Наденет на самый высокий стожар.

И вспомнится мне
та речная излучина,
Где каждый июль
хороводят стога:
Ведь там мы встречались
от случая к случаю
И больше молчали под шум ивняка.

Пора бы забыть мне
то самое первое...
Но годы проходят—
забыть не могу.
Знать, в доме моем
(да и в сердце, наверное)
Ты будешь всегда
в самом красном углу.

Люблю я по лугу бродить спозаранку,
Он тянется вдаль на четыре версты.
Там поздняя осень
прилежной крестьянкой
Отбеливать стелет туманов холсты.

Там вышивкой леса украшены дали.
Там сена зароды равняют ряды.
Покой небывалый.
Лишь звезды-медали
Тоненько звенят у небес на груди.

Как мамины песни, как мамины руки,
Как шепот черемух за старой избой,
Как школьного вальса
прощальные звуки,
Во мне навсегда этот звон голубой.

Я нянчу позднее дитя,
С ним на руках вступаю в осень.
Недели светлые летят,
Сверкая капельками с весел.

Широкой дали синева,
Зимою кружево метели,
Ручей в лугу, в лесу листва—
Все это наше с колыбели.

...На сердце—боль. Малыш притих...
Что ждет любимую планету?
Да неужели там, у них,
Ни сыновей, ни внуков нету?!

Сыну

Мой мальчик, какая радость
Любить эту пашню, лес
И тучек кудрявых стадо
На синем лугу небес.

Любить этот вечер крепкий,
То солнечный, то в дождях.
И ласточек, как прищепки,
Висящих на проводах.

Мой мальчик, какая строгость
К себе самому нужна,
Чтоб жизни твоей дорога
Была для других важна.

Чтоб поле в тебе нуждалось,
Деревья, кусты, цветы,
Чтоб жизнь на сердцах держалась
Миллионов таких, как ты.

Мой мальчик, как надо честно,
Как надо упрямо жить,
Чтоб нас ни любви, ни песни
Никто не сумел лишить.

Бабье лето

Вовсе не все пропето,
И хороша погода.
Названо бабним летом
Пятое время года.
Облачко, как солонка,
В небе пустом застыло,
А за лесной заслонкой,
Как каравай, светило.
И, вопреки рассудку,
В послеосеннем лете,
Сон мне хороший—в руку.
Вечер ненастный—светел.
Звездочка, словно кнопка,
Где-то у самой крыши.
Днем у забора тропка
Словно тигренок рыжий.
Верится мне беспечно
В солнца скучные ласки.
Верится, что навечно
Теплые эти краски...
...Счастье быть полом слабым
Страшной дороживизны.
Названо летом бабним
Краткое время жизни.

В мечтах ты—крылья за спиной,
А в жизни—камушек на шее.
Мне страшно вымолвить: «Родной»,—
Не вымолвить—еще страшнее.

На этой лучшей из земель,
Высоконебой даже в грусти,
Не оттого ль бывает мне
То странно весело, то пусто.

Фото
Альберта
ЛЕХМУСА

Сергей
МИКУЛИК

ЦВЕТЫ И ШТАНГА

Скажите откровенно, вы видели где-нибудь еще такой зал, как у нас? — спросил Смирнов. — Все, что здесь есть, мы сделали своими руками. Шесть лет назад Валерий Смирнов, каменщик-монтажник треста «Киевгорстрой-4», штангист, мастер спорта, взялся за осуществление давней своей идеи — оборудовать зал для занятий тяжелой атлетикой, поскольку подобного в округе не было. В одном из общежитий строительного треста отыскался свободный подвал. Местные власти против его переоборудования не возражали. Оставалось найти рабочие руки и средства. С первым вопросом решился быстро — единомышленников из числа строителей у Смирнова нашлось немало. Сварщик Евгений Волошин, гранитчик Валерий Петренко, экскаваторщик Анатолий Вайтенок, водитель Иван Мирончик, машинисты башенных кранов братья Дидашки — Александр, Юрий и Николай.

Что же касается поиска средств, то перед Смирновым такого вопроса и не стояло — он решил, что все заказы на стройматериалы будет оплачивать... из своего кармана.

Детдомовский воспитанник, Валерий, окончив строительное ГПТУ и отслужив в армии, к тому времени проработал на стройке без малого два десятка лет. Зарабатывают квалифицированные каменщики прилично, и кое-какие сбережения Валерий имел — на кооператив или машину при желании хватило бы. Он же иного, кроме спортзала, приложения своим деньгам не видел.

Многие его не понимали, считали да и считают чудаком. Кто-то даже говорил: за славой погнался, раз почечувствовал, как все, жить не хочет. А Смирнов молчал и делал свое дело. Не станешь же всем объяснять, что еще с детдома привык он свое считать общим, а тем более растолковывать свои принципы людям: «умеющим жить»...

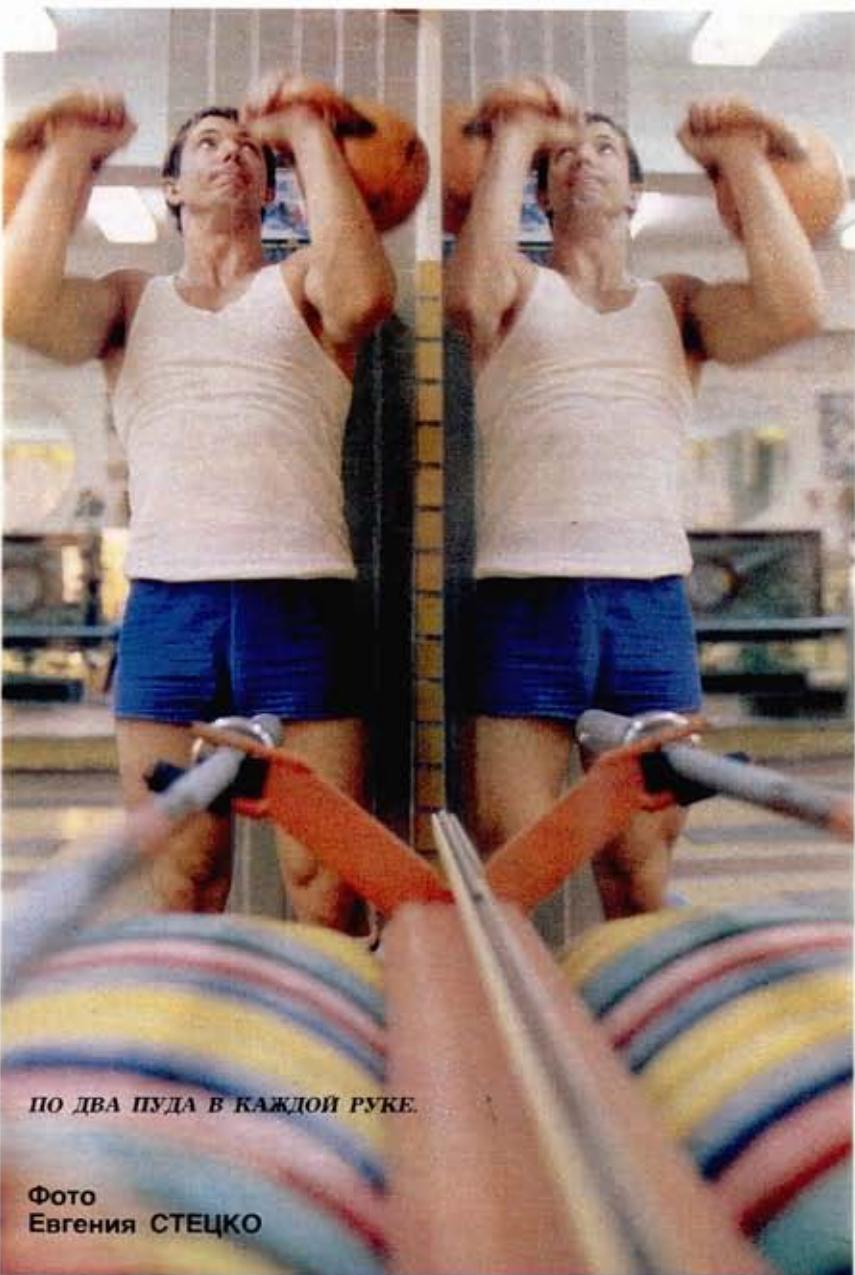
Когда заходишь в этот необычный зал, прежде всего обращаешь внимание на цветники и аквариумы вдоль стен, выставленную в витрине коллекцию значков, прислушиваешься к тихой, доносящейся откуда-то из-под потолка музыке... И уже только потом обращаешь внимание на тяжелоатлетические тренажеры, изобретенные каменщиком Смирновым.

ТАЖЕСТИ НА ЛЮБОЙ ВКУС.

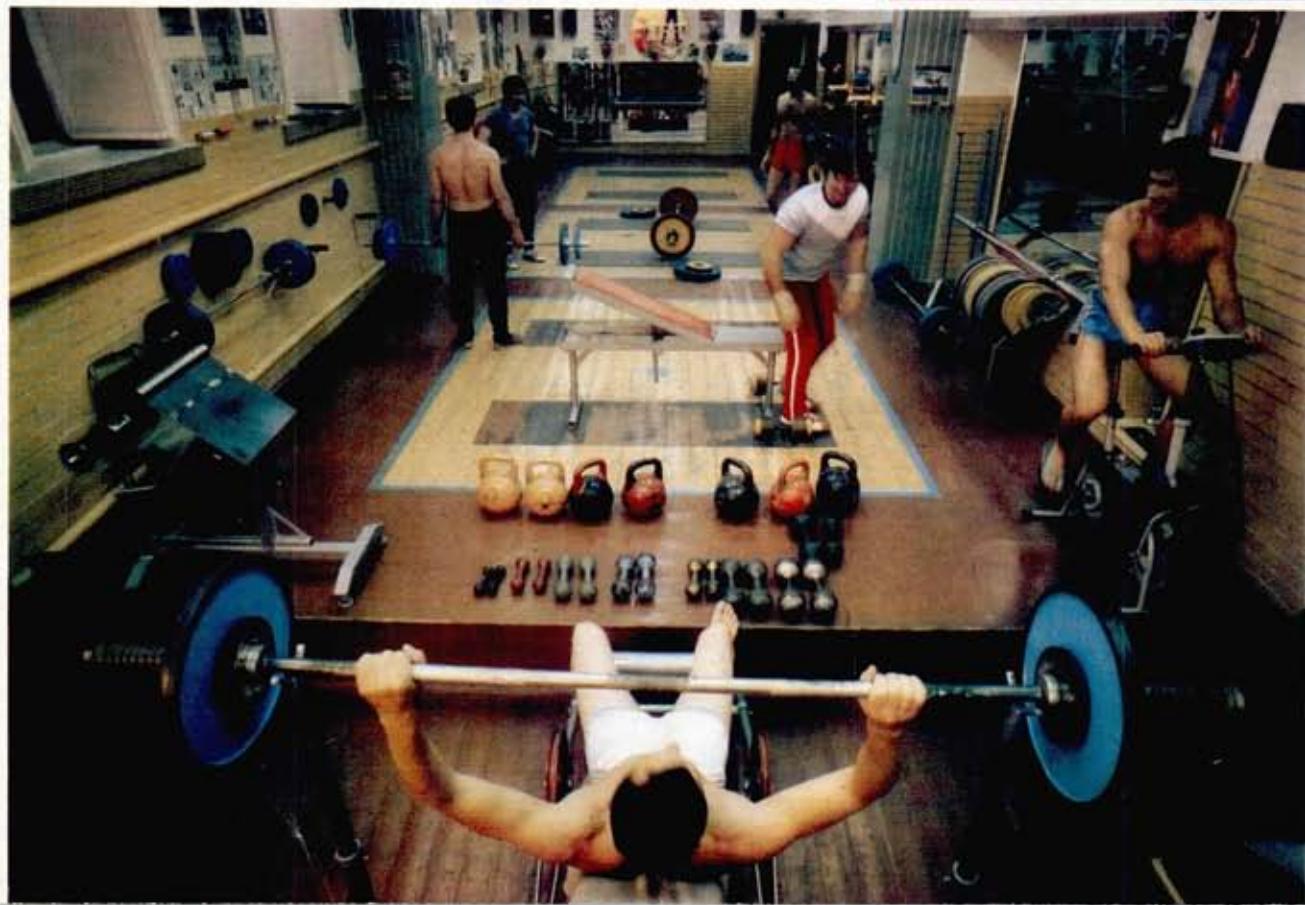
Всего их у него двадцать пять. На двадцать получены авторские свидетельства. Есть снаряды уникальные — например, тренажер, позволяющий практически исключить при тренировке атлета давление на позвоночный столб. Если спортсмен потянул спину или нерв защемил, вот тогда этот тренажер и может прийти на выручку. Не случайно специалисты из Всесоюзного научно-исследовательского института физкультуры попросили у Смирнова чертежи пятнадцати его изобретений для возможного их применения в подготовке сборной страны.

Когда зал открылся официально, режим работы ему установили с девяти утра до десяти вечера — такой график устраивал работающих в любую смену. Пришел, ключи у дежурной спросил, и занимайся себе на здоровье. В разное время зал посещало множество малоизвестных людей, и, естественно, дальше «здравьте до свидания» их отношения нешли.

Смирнов-то знал всех — и строителей треста, разбросанных по городским объектам, и людей многих других профессий — юристов, врачей, продавцов, электромонтажников, а еще — школьников, которым, когда пошла о зале молва по городу, посчастливилось попасть в группы атлетизма или общей физической подготовки. Валерий все эти группы сам и вел. На общественных началах. Деньги он по-прежнему только на стройке зарабатывает. И обидно было Смирнову видеть, что, выигрывая в здоровье, эти люди много теряют от недостатка

ПО ДВА ПУДА В КАЖДОЙ РУКЕ.

Фото
Евгения СТЕЦКООСНОВАТЕЛЬ КЛУБА
ВАЛЕРИЙ СМИРНОВ.

общения между собой. Систему «позанимались — разбежались» нужно было как-то менять. И тогда в зале появились два телевизора, на журнальные столики стали регулярно ложиться свежие газеты. Валерий решил: не ради увеличения объема мускулов здесь собираемся. Сфера общих интересов расширялась — спортзал начинал становиться клубом.

Сейчас здесь отмечаются дни рождения, проводятся в армию. Идя с работы, кто-нибудь из ребят непременно забежит в магазин купить конфет, печенья. После занятий за чаем они обсуждают последние новости, посмотрят по телевизору кинофильм или футбол. И если сборная страны либо киевское «Динамо» потерпит неудачу, обязательно вновь подойдет к тренажерам — остыть, дать выход эмоциям. Кстати, тренажеры при всей своей оригинальности просты и доступны для занятий любому желающему. Впрочем, нет, не любому. Те, без малого 200 человек, что «Монолит» вовлек в свою орбиту, — предел для клуба, больше вместить он не в состоянии. Сейчас Смирнов с ребятами собирается расширять помещение. Клубы, подобные созданному в Киеве Валерием Смирновым, пока редкость. Стоит ли лишний раз доказывать, как необходимы сегодня подобные объединения! Но кто поможет расширить сеть таких клубов — в городе, в республике, в стране? Думается, что прежде всего в эту полезную работу должен включиться комсомол.

Видели бы вы детские вешалки работы мастеров кировского объединения «Умелец»! Коснешься одной — мудрая сова, сидящая на веточке-крючке, замашет расписными деревянными крыльями. Потянем полотенце с другой — весело захлопочут, завертятся на своем настене резные петушки.

Волшебство, сказка начинаются с того, что оживает обычная, неприметная вещь, но вспомните: ведь и папа Карло выступил своего Буратино из обыкновенного полена. Старший художник объединения «Умелец» Валерий Жигальцев из тех мастеров, кто умеет в неживое дерево вдохнуть душу.

В Московском художественном училище имени М.И. Калинина, где Валерий учился, увидел он впервые глиняную расписанную дымковскую игрушку. И не только красоте поразился, но и над секретом ее задумался. «Дымка» — промысел чисто женский. Правда, говорят, пробовал один настырный мужичок у мастерниц-дымковчанок опыт перенимат, да не вышло ничего — глаз не тот и рука не та. А вот для дерева мужская рука нужна: испокон веку на Руси плотничать и столярничать мужским делом считалось. Ну, а резьбу по дереву особым талантом почитали. «А нельзя ли свою дымку сделать деревянную?» — задумался художник.

Наслышен был Валерий о вятских традициях деревянных ремесел и сам увлекся этим народным промыслом: ездил по глу-

Медведь с глазом поклоняется на музыке своей заикается

бинке, со старыми мастерами встречался, утраченные секреты вызывал. В Подсолнечниковом районе обратил внимание на роспись дверей, полатей, потолков в старых избах. После той поездки старая, почти забытая полукистевая живописная манера проявилась в новой росписи сувенирных шкатулок и разделочных досок.

Произведения художника Жигальцева на худсоветах и выставках обычно именуют «скульптурой малых форм», сам же автор предпочитает другое название — «деревянная пластика». На своем домашнем токарном станке он не просто вытачивает из

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

дерева игрушки-сувениры, а словно возвращает с лукавой улыбкой из прошлого «вятские типы». Вот «Плотник» и «Гончар», вот «Кузнец» и «Гармонных дел мастер», вот «Вышивальщица» и «Кружевница». Смотрит на них детвора и будто бабушкины сказки слушает.

От плоскостных изделий с росписью, выжиганием или инкрустацией пришел художник к деревянным объемным панно — своеобразным барельефам. Такого, пожалуй, еще никто не делал. Это традиционный русский лубок в нетрадиционном исполнении. Точечные геометрические фигуры располагаются на фоне крашеной мешковины, а резная доска — на то и лубок! — украшается назидательными надписями.

Творчество и производственный план, вдохновение и вал — понятия трудносовместимые. Вот и мечтает сейчас художник «Умельца» о системе индивидуальных заказов по альбому образцов. Среди многочисленных идей есть и такая: наладить межпроизводственные связи с местным объединением, выпускающим мебельные гарнитуры, чтобы можно было не только обставить, но и оформить в едином стиле прихожую, кухню, детскую комнату.

Хорошо, наверное, будет жить в такой квартире — лесом пахнет и расписанной петушком деревянным глазом косит: пораньше вставай, за работу берись!

ОБЫКНОВЕННЫЕ
БЕРЕСТА,
СОЛОМКА,
ЛОЗА
ОЖИВАЮТ.
ЕСЛИ
КОСНЕТСЯ
ИХ РУКА
МАСТЕРА.

Валерий ФОКИН

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО

Александр БОЙКО

Девочка росла сама по себе. Родители были загружены работой, а бабушка потакала всем ее капризам... Когда бабушка сказала вдруг, что с девочкой происходит что-то неладное—звонили из школы: она не посещает уроки, — родители обвинили во всем педагогов. А у девочки стало резко меняться настроение: то смеется без причины, то рыдает. Родители замечали на руках следы уколов, но каждый раз девочка говорила, что это просто царапины. И родители успокаивались.

Когда дочь поставили на учет в инспекцию по делам несовершеннолетних, мама во всех грехах обвинила инспекцию. А девочка уже в состоянии тяжелейшей депрессии утром вставала лишь для того, чтобы ввести наркотик. Ничего не ела, лежала пластиом. Днями. Только тут родители очнулись. Девочку, потерявшую за четыре месяца десять килограммов веса, ни на что не реагировавшую, привезли в наркологическую больницу.

...Мальчика привел к врачу папа. Папа был в недоумении: сын засыпает на занятиях... А мальчик уже не воспринимал окружающий мир, потому что находился в состоянии наркотического опьянения. Он ни в чем не хотел сознаваться, утверждал, что с ним ничего не происходит, только однажды он принял какую-то таблетку... На кистях его рук и локтевых сгибах были видны следы уколов, а мальчик твердил: «Это я поцарапался во время переноса шкафа». Отец встал на защиту сына, позвонил жене и возмущенно закричал: «Ты представляешь, в чем они обвиняют нашего сына? Что он колет себе наркотик!» Возмущенный папа увел мальчика, и больше они в больнице не появились...

...Молодому человеку 23 года. Отец занимает высокий пост. В доме полный достаток и вседозволенность. Любовь к сыну велика, а времени на его воспитание мало. Зато ни в чем нет отказа. Уехал учиться в Прибалтику с большой суммой денег. Слонялся по барам и ресторанам, сомнительные знакомые вывели его на наркоманов. Захотелось новых ощущений... Машину, подаренную после окончания института, продал: «Свои «Жигули» я прогнал по венам». Попав в наркологическое отделение, требовал повышенного внимания со стороны медперсонала. Потом убежал из больницы к родителям... И не вернулся.

Три истории, три судьбы. За каждой — трагедия молодой жизни. Ослепленные наркотиками, эти люди не понимают, не хотят понимать, на что обрекают себя, ступив на гибельный путь.

Комментарий специалиста

Нина Константиновна БОРОВКОВА, заведующая оргметодическим отделом по наркологии Главного управления здравоохранения при Мосгорисполкоме:

— Чем объясняется всплеск наркоманий? И случаен ли нынешний процесс? Это — как подводное неконтролируемое течение, которое в глубине набрало силу и прорвалось наружу. И одолеть его можно только всем миром, со всех сторон поставив жесткий заслон.

Особенно внимательными надо быть к детям из неблагополучных семей. Такие ребята собираются в группы, действия и направленность которых не контролируются. В этих группах могут быть и наркоманы.

Что же происходит с организмом молодого человека, употребляющего наркотики? Полностью подавляется эндокринная система, затормаживается рост, расстраивается высшая нервная деятельность. Юных наркоманов электрокардиограмма такая, как у взрослых в прединфарктном состоянии. Гибнут нервные клетки, изменяется психическая сфера. Утрачиваются все нравственные ценности, наколленные ранее. В эмоциональном плане человек к восемнадцати годам может быть полностью выхолощен.

Молодой наркоман перестает учиться. С одной стороны, потому, что пропадает желание, с другой — он уже просто не способен на это.

Для подростка, начавшего принимать наркотические препараты, все в жизни тускнеет. Утрачивается стремление к познанию, совершенствованию, исчезает интерес к будущему, к культурным ценностям. Все это заменяет ему доза дурмана.

У нас нет закона о принудительном обследовании лиц, подозреваемых в наркомании, хотя такой закон действует для лиц, подозреваемых в венерических заболеваниях. У нас нет законодательства о принудительном лечении подростков, пристрастившихся к наркотикам.

Если у человека защитные механизмы организма сильны, сначала он сам отторгнет наркотик. Но и такие люди могут стать наркоманами, принимая наркотики регулярно. Если же организм сопротивляется слабо при первых инъекциях, наркомания развивается стремительно. Сначала употребление наркотиков является формой развлечения. Потом возникает физическая и психическая зависимость от них. Затем они становятся необходимы пораженному организму.

Наркоман уже не помнит, что совсем недавно наркотик был необходим для «комфортных отношений» с друзьями. Теперь ему кажется, что без него нельзя жить! Эта зависимость заставляет вводить препарат не для общения в компании, а в одиночестве — уже нет сил справиться с самим собой.

Наркотик настолько глубоко вмешивается во все обменные процессы организма, что не оказывается ни одного органа, где бы он не произвел разрушения! Нервные клетки наркомана волят от боли, потому что боль — сторожевая собака организма. Это грозный сигнал: начался процесс распада. Организм разлаживается, и, если не начать лечение, наступает смерть.

Наркотическая боль — «лом-

«Поделиться кайфом». Да, я делаю наркотиком. Меня обвиняют, что я способствую наркомании, но никто не хочет меня понять. Я хочу, чтобы ему было хорошо. А меня вовлек лучший друг. Мне было плохо, и он мне сделал хорошо. Он сказал: смотри, все люди злы и плохие, а нам с тобой будет хорошо...

Что такое доброта для наркомана?

«Я хочу разделить с тобой кайф!» — призывает он новичка испытать неизвестные ощущения. Как он добр! Но что за этим «добром»?

Во-первых, подсознательное желание иметь сообщника, которого можно использовать для доставления сырья. Во-вторых, стремление избавиться от одиночества. В-третьих, животный страх, который наркоман начинает чувствовать очень скоро, оказавшись один в тяжелом состоянии.

Взрослый, предлагающий «от добра» наркотик подростку, — преступник, уголовный элемент. Дав два-три раза наркотик бесплатно, затем он потребует за него страшную цену, превратив начинающего наркомана в бесправного раба. Вот о чём прежде всего надо знать всем! Всем, кто получал или получает предложение разделить наркотическое «добро»...

Но пока их нет, все мы, взрослые, должны помочь молодым людям, которым грозит опасность. Если вовремя заметить ее, вовремя начать лечение, то вредные воздействия на организм могут быть устранены.

Медлить нельзя!

...Я и моя подруга в этом году закончили 10 классов, а курим анашу с 7-го класса. Что нас побудило к этому? Точного ответа даже не найдем. Сначала были просто сигареты, затем появилась анаша. Каждый вечер, собираясь на своем «пробивняке», пили, курили сигареты, анашу. В нашей компании появился новый парень, Леша, одетый по последней моде, наглый и грубый. Леша убеждал, что гораздо интересней сделать один укол, чем выкурить «косяк» анаши. Главной целью для всех стало уколоться, и мы кололись. Так продолжалось несколько месяцев. Мы стали в конечном счете наркоманами и наркоманками. Мы живем так, как нам нравится, и считаем убогими тех, кто плохо одевается, у кого нет модных шмоток, кто не курит, не пьет... Они никогда не поймут тече-чувствия, которые испытываешь от укола или «косяка» анаши. Эти люди не живут — они существуют.

Валерия К., Жанна Б.,
Ессентуки.

(Из письма в редакцию «Смены».)

Эти девушки не знают, что их ждет впереди. Не знают, к чему приведут их глупое любопытство, эксперименты на себе...

ка» — возрастает соразмерно степени пораженности организма. Если продолжать принимать наркотики, болезненные «ломки» будут на короткое время сниматься. Возникает замкнутый круг: наркотики нужны непрерывно! Тут уж не до кайфа, лишь бы чуть приглушить боль. А боль дикая — в мышцах и суставах, — словно сама природа наказывает за свое поруганное достоинство!..

Но наркоманы, даже сознавая пагубность происходящего, уже не в состоянии остановиться. Они корчатся, ползают по земле, сидят на корточках, не в силах разогнуться. Вызвано это разрушениями в клетках организма. Сделав себя больными, наркоманы все время панически увеличивают дозу наркотиков, чтобы спастись от боли. Знают ли об этом девушки из Ессентуков? Задумывались ли хоть раз над этим?

Как становятся наркоманами?

Иногда из глупого любопытства. Иногда из желания занять заметное место в компании. Или так, как девушки из Ессентуков.

В одной из газет писали, что в Николаеве возникла мода на наркоманов... Мальчики и девочки, ничего не подозревающие о том, что их ждет, одеваются «под наркоманов» и танцуют «под наркоманов»...

Признания наркомана

...Мы сами всегда предлагаем: «Хочешь? На, покури! На, дыши. На, ширни!» А когда нас ловят, мы все отрицаляем: «Я никого не сажал! («Сажать на иглу» — ввести наркотик.) Я никому не делал беды!» Мы говорим:

Куда зовет наркоман? Где протекает его жизнь?

В заплеванном подъезде. На грязном чердаке. На пустыре среди мусора. В полутемной, затхлой комнате, занавешенной непроницаемыми шторами...

Деградация личности в результате приема наркотиков наступает гораздо быстрее, чем у алкоголиков. Как утверждают специалисты, в 20 раз быстрее! Лихорадочный галоп к своей смерти — такова цена наркотического «добра».

Трудное это дело — беседовать со злостными наркоманами. Я разговаривал с ними в больнице. У них даже голос неестественный. Словно пластина, рассчитанная на 78 оборотов в минуту, поставили на 33 оборота... Что же тогда творится внутри такой полуразрушенной личности!

Вот их исповеди.

...С четырнадцати лет я постоянно куря «дурь» — анашу, в пятнадцать лет попробовал «черкху», это такой самодельный наркотик. Нас было четверо; трое сейчас находятся в заключении, а я лечусь. Как узнаю наркомана? У меня интуиция. Мы друг друга видим издали. По взгляду. По манере разговора. По выражению лица, землистому цвету, жестам.

...Я истощен, а значит, любое заболевание — и я умру... Настолько я слаб...

...Надо писать о людях, которые вылечились от наркомании. Покажите их мне! Я сам должен поверить, что это реально! Это придаст мне силы...

...Даже сейчас, когда лечусь, с полной ответственностью заявляю: нет у меня жизни... Меня спрашивают, я киваю головой, а мысли — там. Не могу ни работать, ни думать о будущем. Мне трудно ходить, трудно говорить, мне жить не хочется.

...Поверив в свое излечение, надуяты от тех, с кем был связан. Мне надо вернуться к старым друзьям, оставив тех, с кем я общался в последние годы. Только примут ли они меня?..

...Мне стыдно перед трехлетним сыном. Я все время думаю: вырастет и не захочет меня понять. И правило сделает, что не простит меня: его я променял на иглу...

...Решил попробовать. Три дня по-колосся, потом перерыв. На работе все пошло вкрай и вкось. С девушкой порвал, хотя она ничего не знает. Однажды меня забрали в милицию. Посмотрели вены. Теперь после больницы меня ждет суд. Приехали родители, плачут...

...Я знал наркоманов в институте, но не здоровался с ними, считал их безвольными людьми. Однако случилось так, что сам попробовал. И в дальнейшем кололся по праздникам. Я готовился стать врачом и хорошо

пускали слюни, играли с куклами, короче, впали в детство...

Есть обстоятельство, о котором должны знать все: если наркоман обращается к врачу сам, если он откровенен, идет на контакт с врачом, если он еще контролирует свое состояние, если его поддерживает семья, если во время лечения ему не мешают, результаты лечения будут хорошие!

В больнице врач проводит программу восстановления и возвращает больного к естественному состоянию. Больной становится более уверенным в себе, он не зависит от наркотиков, ему возвращается в общем-то прежний уровень мыслительной деятельности.

Наркоман постепенно утрачивает трудовые навыки, он только числится на работе, его жизнь — это поиски и доставание наркотиков. Для приобретения наркотиков нужны деньги, и немалые. И наркоманы не останавливаются ни перед чем. Они идут на мошенничество, спекуляцию, грабежи, подлоги, квартирные кражи. Постепенно наркоман утрачивает всякие связи со здоровыми людьми, с обществом.

Даже летом наркоманы стараются не обнажать руки до локтей, они не бывают на пляжах, носят перчатки. А под одеждой — многочисленные следы уко-

кой-то промежуток времени люди, употребляющие наркотические вещества, становятся похожими на больных эпилепсией и другими органическими заболеваниями головного мозга.

Применение наркотиков приводит к крайнему истощению сердечной и нервно-эндокринной системы. Нарушается гормональный обмен. Очень быстро развивается сердечно-легочная недостаточность. Наркоманы страдают многими заболеваниями, о которых здоровые люди не знают. Тридцать процентов наркоманов умирают от инфекционных заболеваний, тридцать кончают жизнь самоубийством, оставшиеся вымирают. От превышения доз, из-за невозможности воспринять медицинскую помощь.

...Больной Александр П. Отец злоупотреблял алкоголем, а затем и наркотиками. Стал ежедневно давать сыну трехкратную терапевтическую дозу снотворного. Сыну понравилось, и он начал воровать средства у отца. Познакомился с другими наркоманами. Доставать трудно. Однажды принял много таблеток и в состоянии крайнего возбуждения был доставлен в специализированное отделение. Смерть наступила от остановки

Комментарий специалиста

Главный врач московской наркологической больницы № 17 Эдуард Семенович ДРОЗДОВ:

— В свое время молодая Советская страна успешно боролась с трахомой, сифилисом и наркоманией и достигла огромных успехов уже в предвоенные годы. Даже когда тяжело больным врачи предписывали наркотики, многие из них возражали: «Доктор, а может, не надо?». Впоследствии отсутствие должного воспитания молодежи привело к тому, что мы начали забывать необходимость воспитания этого чувства опасности. Исчезла настороженность! Раннее выявление людей, начавших употреблять дурманящие вещества, — главное условие их спасения. Из любого, самого тяжелого положения надо искать выход. Человек обязан сохранить свою жизнь.

Я хотел бы, чтобы слышали все, кому трудно: врач ожидает каждого!

На любом этапе, особенно если человек только пристрастился к наркотикам, есть неограниченная возможность получить медицинскую помощь. Многие считают: если развелась болезнь, обратного хода нет. Это ошибочное мнение, с ним надо бороться!

Мы, врачи, всегда стараемся понять наркомана. Для нас это больной человек, ему сложно и трудно. И об этом должны знать все.

Некоторые останавливают страх перед обращением к врачу, пугают наблюдение, контроль. Главный разговор, который мы ведем с больными, строится по одной схеме: «Ты можешь и должен преодолеть себя. Если чувствуешь, что у тебя не хватает сил, обратись к нам на самых ранних этапах».

Наркоман должен признать себя больным, и в этом случае государство окажет ему помощь.

Что делать тем, кто рядом? Что делать, если к наркотикам пристрастился брат, сын, дочь, муж, отец? Не опускать руки. Не молчать. Не стоять в стороне. Не терять надежду. Иначе надо заранее согласиться с их физической и нравственной гибелью. Если мы останемся безразличны, сами они не выберутся. А ведь они так молоды!

Анализ, проведенный в Грузии, утверждает: наркомания четко провела возрастную границу: свыше восьмидесяти пяти процентов наркоманов — люди от 16 до 35 лет.

Сегодня все усилия должны быть направлены на то, чтобы не состоялось ПЕРВОЕ знакомство с наркотиками. Если это случится, будет трудно!

Мы говорим о профилактике. Если наркоман просит меня написать о милиционере из города Покров Владимирской области, который неустанно требует от ребят: «Идите, лечитесь, еще не все потеряно!» — значит, так должно быть повсюду. Вам, Арам Леонидович Костянин, спасибо! Мне рассказал о вас человек, который благодаря вам вернулся к нормальной жизни.

90 процентов молодых людей, испробовавших наркотики, не знали, какие последствия их ожидают. Надо, чтобы знали все.

В борьбе с наркоманией надо быть терпеливыми с теми, кто только начал, безжалостными к тем, кто отказывается лечиться, и беспощадными к тем, кто вовлекает других.

Чем раньше мы поставим застон перед наркоманами, тем меньше трагедий предстоит пережить в будущем.

Куда ведет пагубное пристрастие к наркотическому дурману

знал, что делаю, но твердо верил: захочу и брошу. Через два года уже кололся систематически. Организм был крепкий, я стал колоться двадцать раз в неделю. Деньги были. Никого не грабил, приезжал в Москву, покупал что-нибудь дефицитное и дома продавал. Окончил институт и устроился на работу в онкологическую клинику, где много наркотических препаратов. Доза все время возрастала, и я дошел до 50 (пятидесяти!) ампул в день. Сильно похудел, начались бессонницы... А мысли одни: «Уколюсь в последний раз — и все». Пришло время, и я за день ввел восемьдесят ампул. Понял: сам бросить не могу...

Комментарий специалиста

Кандидат медицинских наук Алексей Павлович МАСТЕРАПУЛО:

— Особенno беспокоит то обстоятельство, что число наркоманов-подростков за последнее время увеличилось.

Есть свидетельство об уникальном (незапланированном) эксперименте в США. На черный рынок был выброшен очень концентрированный героин, и сто человек испытали его воздействие. Все они попали в специализированный центр наркомании, прошли интенсивное лечение, но... Разрушения были настолько сильными, что, говоря образно, они «потеряли» кору головного мозга, ведающую высшими проявлениями психики. Это трудно представить, но химическое воздействие на психику превратило их в двух-трехлетних детей: они

лов во все места, где проходят вены. Приходит время, и вены сжигаются. Над ними меняется кожа, и в зависимости от наркотика вены могут быть и черные, и желтые, и коричневые... Все выжжено наркотиками. Они напоминают жгуты, по которым еле-еле проходит кровь. Вены настолько поражены, что полностью трудно оказать медицинскую помощь.

Иные из них считают себя «героями». Хотя весь их «героизм» заключается в том, чтобы, «сев на иглу», дожидаться химического удовольствия.

Мужчина, которым управляет наркотик, — не мужчина. В полном и переносном смысле слова.

И еще больше и страшнее говорить о девушкиах, женщинах, изломанных, искалеченных, развращенных страшным зельем.

Смерть наркомана

Медицинская статистика безоговорочно определила средний возраст жизни наркомана: до 30 лет. И удивляется нечему — никакой организм не в состоянии выдержать изнурительного взаимодействия химическими или природными стимуляторами. Природа мстит наркоманам, отирая у них жизнь.

У наркомана только один выход, одно спасение — обращение к врачу. Все остальное ведет к распаду личности — сначала в умственном плане, а затем и в физическом.

В процессе наркотизации изменяется состав крови, возникает склонность к тромбозам и незаживающим язвам. Мозг, сердце, легкие, печень, желудочно-кишечный тракт, половая сфера — все приходит в негодность. Через

дыхания. Возраст наркомана — 15 лет...

...Владимир С. начал употреблять наркотик в шестнадцать лет. Попал в лечебно-трудовой профилакторий для наркоманов. Выкрал наркотики. Принял дозу и был замечен в состоянии наркотического опьянения. Переведен в изолятор и там умер. Возраст — 18 лет...

...Миша Б. вместе с другом зашел в подъезд и там предложил понюхать «из портфеля». Друг отказался. Мишу на следующее утро нашли мертвым, склонившимся над портфелем. Возраст 12 лет...

...Владимир Б. 30 лет. Взял в долг наркотики. От него потребовали сумму, исчисляемую по законам черного рынка, отдать не сумел; изрезанные ножами, найден мертвым в подвале...

...Василий Ш. Лечился в больнице. Принял повышенную дозу наркотиков и умер в 23 года.

Наркоманы сами готовят наркотические вещества и вводят их всем членам «семьи» — так они называют свои группы. Нравы такой «семьи» бесчеловечны и бессовестны. Тот из скатившихся вниз, кто воровать не может, становится «кроликом». Для него готовят «чернуху», не зная, какая концентрация получилась. Он принимает первый — либо погибает, либо выживает. До следующего раза. Это страшно, но зато даром. Павел С. умер в возрасте 17 лет, став жертвой испытания наркотика.

Лев ОЗЕРОВ

С н принадлежал к поколению Брюсова, Блока, Андрея Белого (разница в двух-трех годах). Пережил первого на семь лет, второго — на одиннадцать. Андрей Белый пережил Волошина на два года. Их жизни вписываются в одну эпоху, которую в творчестве своем каждый из них выразил по-своему.

Как ядро, к ноге прикован
Шар земной. Свершая путь,
Я не смею, зачарован,
Вниз на звезды заглянуть.

Эти строки из посвященного Брюсову стихотворения, написанного в 1903 году. Шар земной оказался для поэта весьма привлекательным. «Земля настолько маленькая планета, что стыдно не побывать везде», — писал Волошин в письме к матери за два года до упомянутого стихотворения (1901). Земля землей, но поэт посмел и заглянуть «вниз на звезды» (обращает на себя этот планетарный взгляд, это «вниз» — с земли, прикованной к ноге, он смотрит на звезды вниз). Он научается видеть песчинку и планету не отдельно друг от друга, а во взаимодействии. Он идет еще дальше:

Так будь же сам
вселенной и творцом!

Рывок мысли от планеты к человеку. Поэт писал о космосе, возвеличивая человека и его дело, и оказался нашим современником.

Нынешняя эпоха космических полетов дала возможность по-новому взглянуть на те стихи Волошина, которые обращены к мируозданию.

В одном из писем 1923 года поэт пишет: «...приходится идти соверенно непротоптанными дорогами, и не знаю, что удалось формулировать, что нет». Речь идет о цикле «Космос» (1923), состоящем из семи фрагментов. От мифических озарений молодости поэт прошел путь к «теории относительности» и новейшим открытиям в области физики и астрономии. Казалось бы, неактуальный и надмирный в год написания, этот цикл, равно как и другие стихи на эту и родственные темы стали крайне современными и даже актуальными в наши дни.

Так современность открывает в наследии поэта то одну, то другую его часть, имея в виду в будущем (оно уже наступает) раскрыть его целостно и всесторонне.

Напомню читателю основные биогра-

ПРИСТАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА

фические данные. Максимилиан Александрович Волошин-Кириенко родился 28 мая 1877 года в Киеве. Он рано потерял отца (принадлежавшего к старому казачьему роду) и остался на попечении матери Елены Оттобальдовны, оказавшей на сына большое влияние. Это была энергичная, умная, обширительная женщина.

Жизнь в Москве и московскую гимназию в силу разных обстоятельств пришлось сменить на Крым, который сыграл решающую роль в судьбе Волошина. Елене Оттобальдовне удалось купить участок в Коктебеле. В 1893 году будущий поэт поступил в феодосийскую гимназию. Рано зародившийся и всевозраставший интерес к поэзии, к искусству вообще, особенно к живописи, овладевал всем существом Волошина. Творчество и суждение о творчестве, не мешая друг другу, шли рядом всю жизнь.

В 1897 году М. А. Волошин по окончании гимназии поступил на юридический факультет Московского университета. Здесь он увлечен задуманным им «Студенческим сборником», выпускавшимся

в пользу нуждающихся студентов. Он неблагонадежен. Находится под негласным надзором полиции.

«Что-то скажем, наконец, мы — первое поколение двадцатого столетия?..» Он пишет:

Не жилица в нашем мире
Наша муз. Ведь она
В глубине самой Сибири
Жгучим горем рождена.

Эти песни прилетели
И родились среди степей —
В буйном ропоте метели,
Под зловещий звон цепей...

В этих ранних стихах Максимилиана Волошина слышатся отголоски революционно-демократической поэзии, поэзии Некрасова и поэтов некрасовской школы. В дальнейшем они будут звучать все глуше и глуше. Бунтарские порывы юности сменятся страстью к путешествиям по европейским странам, по Средней Азии, где поэт почувствовал «древность, относительность европейской культуры». Взгляд на мир с высоты тысячелетних культур разных народов

становится у Волошина главенствующим в пору его творческого созревания.

Принято говорить и писать, что Максимилиан Волошин — поэт Киммерии. Это справедливо. Восточный Крым, его горы и море, сизые и сиреневые складки его земли, овеянной древнегреческими легендами о «Гомеровой стране» — все это с молодых лет было близко поэту. Это отразилось и на его внешнем, и на его духовном облике.

Современный пейзаж Коктебеля и его окрестностей, покоряющий своей красотой, внушиает вместе с тем мысль о древности этой земли, об огромных исторических эпохах, здесь наглядно явленных. Пространство и время здесь как бы объединились, чтобы своей двуединой силой держать в плену наше поэтическое чувство. Максимилиан Волошин именно это и стремился выразить своей поэзией. Он искал гармонии. Рожденный для гармонии, он жил в мире, раздираемом противоречиями, в расколотом мире. В эпоху войн и революций.

И ты, и я — мы все имели честь
«Мир посетить в минуты роковые»
И стать грустней и зорче,
Чем мы есть.

Я — не изгой, а пасынок России
И в эти дни — немой ее укор.

Следует напомнить, что изгой — это князь без княжения, владения, проторговавшийся гость, не платящий податей. Пасынок — неродной, по Даю, «одному из супругов сын; так, сын от первого брака, приведенный ко второму браку, будет второму супругу пасынок».

Поэт не покидал страну в тревожные годы — в годы революции и гражданской войны. Муза Волошина оказалась восприимчивой не только к природе Крыма, но и к коллизиям истории нового революционного времени.

«Ни война, ни революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали», — признался Волошин в одном из писем. — Я их ожидал давно и в формах еще более жестких». Время, события, люди выражены в стихах 1917—1919 годов, объединенных под названием «Пути России».

Страницы
отечественной
словесности

Рисунок Ильяса АЙДАРОВА

Неопалимая купина

Кто ты, Россия? Мираж? Наважденье?
Была ли ты? Есть или нет?
Омут... Стремнина... Головокруженье...
Бездна... Безумие... Бред...
Все неразумно, необычайно...
Взмахи побед и разруш...
Мысль замирает пред вещею тайной
И ужасается дух.
Каждый, коснувшись дерзкой рукою,
Молнией поражен.
Карл под Полтавой; ужален Москвою,
Падает Наполеон.
Помню квадратные спины и плечи
Грузных германских солдат.
Год... и в Германии русское вече:
Красные флаги кипят.
Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверт!
Не прикасаися до наших пожарищ!
Прикосновение — смерть.
Реки вздывают безмерные воды,
Стынет в равнинах метель;
Бродит в точиле, качает народы
Русский разычный хмель.
Мы — зараженные совестью: в каждом
Стеньке — святой Серафим,
Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим.
Мы погибаем, не умирая.
Дух обнажаем до дна...
Дивное диво — горит, не горяя,
Неопалимая купина!

Максимилиан ВОЛОШИН

Гроза

Запал багровый день. Над тусклою водой
Зарница синие трепещут беглой дрожью.
Шуршит глухая степь сухим быльем и рожью.
Вся млеет травами, вся дышит душной мглой
И тутнет, гулкая. Див кличет пред бедой
Ардравде, Корсуню, Поморью, Посурожью,—
Земле незнамой разносит весть Стрибожью:
Птиц стоном убуди, и вста звериный вой.
С туч ветр плеснул дождем и мечется с испугом
По бледным заводям, по ярам, по яругам...
Тьма прыщет молнии в зыбучее стекло...
То, Землю древнюю тревожа долгим зовом,
Обида вещая раскинула крыло
Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.

Див кличет по древию, велич послушати
Волзе, Поморью, Посулью, Су-
розу...

Майе

Когда февраль чернит бугор
И талый снег синеет в балке,
У нас в Крыму
по склонам гор
Цветут весенние фиалки.
Они чудесно проросли
Меж влажных камней
в снежных лапах,
И смешан с запахом земли

Стеблей зеленых тонкий запах.
И ваших писем лепестки
Так нежны, тонки и легки,
Так чем-то веющим сердцу жалки,
Как будто бьется в них,
дыша,
Темно-лиловая душа
Февральской
маленькой фиалки.

Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока,
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть, ведет священный путь.
Под серым временем небесного покрова
Пить всеми ранами потоки темных вод.

Быть вспаханной землей... И долго ждать, что вот
В меня сойдет, во мне распинется Слово.
Быть Матерью-Землей. Внимать, как ночью рожь
Шуршит про таинства возврата и возмездья,
И видеть над собой алмазных рун чертеж:
По небу черному плывущие созвездья.

Киммерийские сумерки

1
Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры
Клоки косматых трав, как пряди рыхлой шкуры.
В огне кустарники и воды как металлы.
А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых владинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках — намеки и фигуры...
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,
Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам.
Чей согнутый хребет горос как шерстью чобром?
Кто этих мест жилец: чудовище? титан?
Здесь душно в тесноте... А там — простор, свобода,
Там дышит тяжело усталый Океан
И веет запахом гниющих трав и йода.

2
Здесь был священный лес. Божественный гонец
Ногой крылатою касался сих прогалин.
На месте городов ни камней, ни развалин.
По склонам бронзовым ползут стада овец.
Безлесны скаты гор. Зубчатый их венец
В зеленых сумерках таинственно печален.
Чьей древнею тоской мой веющий дух ужален?
Кто знает путь богов — начало и конец?
Размыты осьпей, как прежде, звонки щебни
И море древнее, вздымая тяжко гребни,
Кипит по отмелам гудящих берегов.
И ночи звездные в слезах проходят мимо,
И лики темные отвергнутых богов
Глядят и требуют, зовут... неотвратимо.

Изгнанники, скитальцы и поэты,
Кто жаждал быть, но стать никем не смог...
У птиц — гнездо, у зверя — лог.
А посох — нам и нищенства заветы.
Долг не свершен, не сдержаны обеты,
Не пройден путь, и жребий нас обрек
Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог...
Расплескан мед и песни недопеты.
О, в срывах воль найти, познать себя,
И, горький стыд смиренно взлюбя,
Приласти к земле, искать в пустыне воду,
К чужим шатрам идти просить свой хлеб,
Подобным стать бродячему рапсоду —
Тому, кто зряч, но светом дня ослеп.

Как некий юноша, в скитаньях без возврата
Иду из края в край и от костра к костру...
Я в каждой девушке предчувствую сестру
И между юношей ищу напрасно брата.
Щемящей радостью душа моя объята;
Я верю в жизнь, и в сон, и в правду, и в игру,
И знаю, что приду к отцовскому шатру,
Где ждут меня мои и где я жил когда-то.
Бездомный долгий путь назначен мне судьбой...
Пускай другим он чужд... я не зову с собой —
Я странник и поэт, мечтатель и прохожий.
Любимое со мной. Минувшего не жаль.
А ты, что за плечом, — со мною тайно схожий, —
Несбыточной мечтой сильнее жги и жаль!

Критики-вульгаризаторы, самозванно и самодовольно писавшие от имени народа, обвиняли Волошина в противостоянии революции. Волошин пытался им возразить, но критики не унимались. Поэт воспринял это как официальное суждение, ушел в себя, перестал писать. К счастью, он не перестал писать. И его стихи последнего периода исполнены глубины и силы.

Не только сочинения, но и его внешность останавливала внимание и запоминалась своей несходностью с окружающими людьми.

Одним мог он напомнить древнего грека-философа, другим — итальянского художника эпохи Возрождения, третьим — скитающегося по Украине бандуриста, исполняющего свои думы и песни.

«На нем был костюм серого бархата — куртка с отложным воротником и короткие, до колен, штаны — испанский гранд в пенсне русского земского врача, с головой древнего грека, с голыми коричневыми икрами бакинского грузчика и в сандалиях на босу ногу», — писал

Эм. Миндлин в своей книге «Необыкновенные собеседники». Серые мерцающие глаза Волошина он называет смеющимися.

М. И. Цветаева эти же глаза рисует по-другому. Иное она видит «...в его белых, без улыбки, глазах, всегда без улыбки — при неизменной улыбке губ». Не помнит ни у кого таких глаз: «...глаза точь-в-точь как у врублевского Пана: две светящиеся точки...» Цветаева взгляда не отводит от «...светлых почти добела, острых почти до боли (так слезы выступают, когда глядишь на сильный свет, только здесь свет глядит на тебя), не глаз, а сверл, глаз действительно — прозорливых». Постепенно приходит определение: «Не две капли морской воды, а две искры морского живого фосфора, две капли живой воды».

В описании глаз и взгляда Волошина двумя писателями-современниками можно найти противоречия. Это говорит о том, что разные собеседники видели человека по-разному. Но здесь имеет место и другое. Сам Волошин бывал

разным. И это от богатства натуры. От постоянно ищащей пытливой мысли.

По рассказам моих знакомых и друзей я мог живо воссоздать образ Максимилиана Александровича Волошина. Так картина, будто я видел его воочию. Мне казалось: видел и говорил с ним. Но я не мог ни видеть его, ни говорить с ним. В год его смерти (1932) я еще жил в городе, где он родился, — в Киеве, ничего о нем не знал, был юн и едва только написал начальные строки свои. В дальнейшем я прочитал несколько его стихотворений, стал все больше и больше узнавать о нем. Образ его укреплялся и заодно с этим углублялся. Перед мной была его возрожденческая фигура, которая при всей солидности и тяжести не лишина изящества, его глаза, так сочетавшиеся с заливом и небом над заливом, его кудри, перехваченные лентой или мягким обручем. Так выглядел человек, построивший «Дом поэта».

В написанной в конце 1926 года поэме «Дом поэта» (иногда ее называют большими стихотворением) Максимилиан Волошин писал:

Дрожало море вечной дрожью,
Из тьмы пришедший синий вал
Победной пеной потрясал,
Ложась к гранитному подножью.
Звенели звезды, пели сны...
Мой дух прозрел под шум волны.

Сердце мира, солнце Алкиана.
Сноп огня в сиянии Плеяд!
Над зеркальной влагой Океана —
Грозди солнц, созвездий виноград.

С тихим звоном, стройно и нескоро,
Возносясь над чуткою водой,
Золотые числа Лифагора
Выпадают мерной чередой.

Как рыбак из малой Галилеи,
Как в степях халдейские волхвы,
Ночь-Фиал, из уст твоей лилии
Пью алмазы влажной синевы!

Солнце! Твой родник
В недрах бьет по темным жилам...
Воззывающий свой лик
Обрати к земным могилам!
Солнце! Из земли
Руки черные простерты...
Воды снежные стекли,
Тали в поле ветром стерты.
Солнце! Прикажи
Виться лозам винограда.
Завязь почек развязи
Властью пристального взгляда!

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт
навстречу всех дорог.
В прохладных кельях,
беленных известкой,
Вздыхает ветер,
живет глухой раскат
Волны,
взмывающей на берег плоский...

Много и увлеченно скитавшийся по миру, Волошин в одесности своей проявил такую же увлеченность. Он выбрал место и построил дом, удобный для жизни и работы. Как прежде он кочевал, чтобы увидеть мир и люди стремились к нему. «Дом Волошина — целое единственный жизни, живой сплек неповторимого лица, вечная память о нем», — говорил Андрей Белый. Сам поэт пишет об этом в письме искусствоведу Голлербаху: «Волошинский дом» — это не я. А целый коллектив. Коллектив художников, поэтов, философов, музыкантов, ученых».

В разные эпохи в России были салоны,

знатные дома, клубы, где собирались интересные люди. Были имения и квартиры, ныне ставшие памятниками культуры. Но никому не удалось создать столь долговременную, столь дружную артель художников, как это удалось Волошину. Коктебель — это дом поэта, в котором жил и работал не только его владелец, но в котором жили и работали десятки художников, поэтов, ученых разных поколений.

«Дом поэта» имеет и прямой, и переносный смысл. Местожительство, мастерская. И вместе с тем «Дом поэта» расширяется до понятия «мир поэта».

Волошин самозабвенно работал в своей мастерской поэта и художника. Здесь он видел и слушал море. Наблюдал за небом, за сменой времен года, за деревьями и птицами.

Над домом площадка с башней для наблюдения ночного неба. Здесь поэт ощущал связь дома, одинокой души и безмерности Вселенной. Киммерия становится не только местом физического пребывания Волошина, местожительством его, но и главным образом «истинной родиной его духа».

Существует обывательское понятие: удобно устроился. О Волошине этого не скажешь. Впервые увидев Коктебель, он почувствовал, что именно здесь ему надо жить, именно здесь работать, здесь творить. Это был человек, задумавший свою жизнь крепко и лепивший ее, как великий скульптор. Жизнь Волошина показывает, как много может человек, если он почувствует себя творцем жизни. Если поставит перед собой крупную задачу. Волошин видел эту задачу в продолжении русской классической традиции в поэзии и живописи, в сплоченных усилиях художников разных индивидуальностей.

Никогда у Волошина не было намерения отгородиться каменным домом у залива от ветров жизни. Они бушевали вокруг дома, в душе поэта. И он жил и работал с готовностью в любой час послужить людям.

В трех точках Коктебельского залива узнается Волошин. Первая точка — дом, где он жил и работал. Вторая — могила, которую можно увидеть, стоя рядом с домом. Третья точка — склон горы Карадаг. Если смотреть в эту сторону из дома поэта, абрис скалы напоминает профиль Волошина. В последнем стихотворении из цикла «Киммерийская весна» (1918) говорится о Коктебеле:

*Его полны хмелья моей тоской,
Мой стих поет
в волнах его пролива,
И на скале,
замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами
изваян профиль мой.*

«Судьбой и ветрами» изваяны и поэтические создания Волошина. «Огонь древних лет и дождевая влага двойным резцом ваяли облик» поэта и его поэзии, с годами все более отходившей от канонов символизма и современных ему течений и обретавшей самостоятельность и самобытность.

Дом поэта был похож на корабль. Этот дом так и называют — корабельным. Дом-пристанище? Не только дом-мастерская, площадка для наблюдений за звездами, притягательное место для всех окружающих — художников, поэтов, философов, музыкантов. Дом — место для собеседования. Обаяние Дома поэта было велико и после кончины поэта, когда вокруг него вдовы Марии Степановны собирались молодые и старые поклонники поэзии, ныне здравствующие и действующие художники, писатели, ученые.

Щедро одаренный, он мог делать все — от садовой скамейки до дома-мастерской. Подобно тому, как в видном деятеле литовской культуры начала нашего века Чирленис сочетались художник и музыкант, в Волошине соединились поэт и художник. Он был мастером и выглядел потомком какого-то племени крепышей, путешественников, художников. В нем было нечто прочное, надежное, основательное.

*Утихла буря. Догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом,
как дар —*

Нечаянный,

*— мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлен землею.
Всей грудью к морю, прямо на восток,
Обращена, как церковь, мастерская,
И снова человеческий поток
Сквозь дверь ее течет, не иссякая.*

Пытливость сочеталась в поэте с редчайшим дружелюбием, интересом к людям, к художникам и мыслителям.

Среди людей есть мастера разлучать, разводить даже недавних добрых друзей, ссорить, разобщать. Волошин сводил, сочетал, образовывал гроздья и гнезда тружеников и творцов, радовался встречам и горевал по поводу не встреч. Он верил (и в этой вере пребывал до конца жизни), что человек от рождения гений, что в нем заложена энергия солнца.

Сам Волошин определял себя как коробейника идей. Цветаева добавляла: «и коробейника друзей». Он не любил брать — давал, давал щедро:nochleg, свежую акварель, обед, мысль, надежду. Он предотвращал возможную вражду, зависть, недоброжелательство. Опять Цветаева: «Всякую занесенную для удара руку он, изумлением своим, превращал в опущенную, а бывало, и в протянутую». Делал он это легко и душевно.

Максимилиан Волошин относится к числу тех художников слова, которые не сразу вошли в культурный обиход современников. Это вхождение происходило постепенно. Оно продолжается и в наши дни.

Для произведений Волошина в стихах и в прозе, для его живописи наступает черед. Наступает ныне, за пределами жизни автора.

При жизни Волошина и после его смерти было немало примечательных деятелей культуры, высоко ценивших его и оставивших убедительные свидетельства этого.

В моем распоряжении среди других материалов — ценная, еще не опубликованная работа художника и поэта Л. Фейнберга «Три лета в гостях у Максимилиана Волошина. Коктебель в годы 1911—1912—1913». Эта книга закончена автором в 1978 году и снабжена его уникальными снимками тех лет (один из них — портрет М. А. Волошина в его мастерской в июне 1911 года — особенно у нас ценим).

Автор говорит, что три лета, проведенные им у Волошина, были самым значительным и плодотворным периодом его жизни. Более того — они определили его жизненный и творческий путь. «Образ Максимилиана Волошина», пишет Л. Е. Фейнберг, «всю жизнь не покидал меня. Он и сейчас живет со мною... Во мне. Двести пятьдесят дней он был моим учителем. Более того — руководителем. Зорким, проницательным, мудрым, всегда доброжелательным». Это сказано в начале книги, а в конце ее автор резюмирует свои воспоминания: «Во всех моих трудах, во всех начинаниях он был около меня, вернее сказать — во мне, и я, так хорошо изучивший его облик зорким отеческим взглядом, мог — в воображении — говорить за него — его голосом, то дружелюбным и приветливым, то отчужденным и неодобрительным... В трудные годы он был моим помощником и руководителем. Моя повышенная работоспособность опиралась на его исключительную работоспособность. Моя грусть смягчалась, когда я чувствовал в себе мужество Макса. Когда «худшая обида», случалась, могла неожиданно грянуть на мою голову, я вспоминал непоколебимое спокойствие Макса при всех насмешках и безосновательных оскорблений... И я оставался спокойным при больших похвалах моему искусству и равнодушным к большим обидам».

Помнится, в Дубултах, на Рижском взморье, в 1956 году, в последнюю осень жизни Владимира Луговского, мы много и увлеченно говорили о Волошине. Началось с того, что, глубоко вбирая воздух в грудь, Владимир Александрович восхищенно, не объявив автора, стал читать — почему-то со второй строфы:

*Ветер клонит
Ряд ракит.
Листья гонят
И вихрят.
Вихрей рати,
И на скате
Перекати-
Поле мчит.*

Луговской читал эти стихи Волошина с нескрываемым удовольствием, лихо, озорно, будто вспоминал свою юность, свои ветры, обутые «в солдатские гетры».

Когда он дочитал стихотворение «Осенью», я восхликал:

— Волошин!

— Узнали? — удивился Луговской. — Это меня радует, потому что этого блестательного мастера успели порядком подзабыть. Давно не издается, старые книги редки... — И после паузы: — Я многому учился у него...

Мы стали по памяти цитировать отдельные строки и строфы из Волошина. Читали их, восторгаясь, причмокивая, улюлюкая, получая истинное удовольствие. Поззия!

Мы много раз убеждались в том, что слово поэта передает его тончайшие ощущения.

О, запах цветов,

доходящий до крика!

Каким надо обладать чутьем, чтобы в слове выразить запах, доходящий до крика... «Крик» — слуховое ощущение распространено на запах. Диффузия ощущений и чувств делает поэзию Волошина многомерной.

На его акварелях, названных подчас строками из его стихов или подписанных его двустишиями, видны морщины, нет, скорее борозды земли. Он не копировал коктебельские уголки и извилины лазурного залива, он воссоздавал свой мир, в котором современность сочеталась с историей и археологией. Надо было много и долго бродить по земле, чтобы воссоздать ее утренний, дневной, вечерний, ночной облик. Облик пустыни и сада, парижского людского муравейника и среднерусского раздумчатого пейзажа воссозданы в его стихах и поэмах, акварелях и статьях.

Однажды в районе Коктебеля работали геологии. Познакомившись с Волошиным и его акварелями, они нашли, что его не натурный, а как бы условный пейзаж «дает более точное и правдивое представление о характере геологического строения района, нежели фотография!». Геологи заказали Волошину серию акварелей. Он с гордостью говорил об этом, исполненный веры «в искусство, как в самую точную и верную меру вещей».

Не только в живописи, но и в поэзии он сочетал планетарное видение с видением деталей. И то и другое видение позволяло ему проникнуть в тайники природы и души человеческой.

Стих Волошина разнообразен, как и тема, к которой он обращался, как образы, которые были для него характерны.

В стихах своих Волошин драматичен и созерцателен, весел и угрюм, раздумчив и певуч. В стихе выражена напряженная жизнь его души. Слово, ритм, интонация чутко передают внутреннюю энергию автора.

Вячеслав Иванов в 1904 году писал Волошину: «У вас глаз непосредственно соединен с языком. Вы какой-то говорящий глаз». Это верно. Но этого мало. У Волошина абсолютный слух. Мелодика его стиха подключена к системе его зрительных образов, к звукозаписи, к мысли.

Изобразительность слова Волошина можно объяснить его живописным даром. Но этого объяснения недостаточно. Его проницательность историка и психолога видна во всех его произведениях. Он оставил после себя статьи о поэзии и живописи, имеющие научное значение. Он художник-акварелист. Не профес-

сионал-археолог, он открыл в Коктебеле следы Каллиери — древнего города. Зная склоны и тропы Коктебеля, он установил наличие здесь восходящих воздушных потоков, столь удобных для планеризма. Как известно, существовала коктебельская школа планеристов, давшая целую когорту авиаконструкторов и летчиков.

Он работал всегда, и всегда ждал гостей в своей дом, и был готов к тому, что его работу прервут. Он был радушен и гостеприимен, и к нему, на свет, далеко видимый из его венецианских окон, съезжались поэты, живописцы, музыканты, ученые, артисты. Некоторые говорили о нем как о крымском отшельнике. Его рисуют домоседом, чуть ли не бирюком. А он был общительнейшим из русских поэтов. Он собирал силы новой литературной, живописной, мыслящей России.

Гармония, чувство меры и сообразности, архитектоники были в Волошине главенствующими. Это выражалось даже в манере чтения. Волошин не поддавался моде. В ту пору, когда все поэты читали с самовлюбленным завыванием, он читал так, что слова в его чтении были осозаемы, четко очерчены, рельефны.

Настоящий мастер всегда подмастерье, ученик, всегда в поиске и заботах. Таков Волошин в стихотворении «Подмастерье» (1917). Он говорит об основных принципах своей работы:

*Мне было сказано:
Не светлым лириком, что пишет
Широкие и щедрые слова
На вихри струнные,
качающие душу,
Ты будешь подмастерьем
Словесного святого ремесла,
Ты будешь кузнецом
Упорных слов...*

Мастерство поэта и художника, градостроителя иченого-физика не существует обособленно от духовных исканий каждого из них. Мастерство подключено к общей системе идей и образов, владеющей каждым из них.

Древняя Русь и современный Париж, строители соборов и кузнецы, летописцы и новейшие художники, авиаторы и путешественники — все это занимало свое место в поэтическом мире Максимилиана Волошина и помогало ему стать одним из видных мастеров русской поэзии нашего века. Он был хранителем «святого ремесла», как называла работу поэта Каролина Павлова.

Творческие достижения Волошина признавали М. Горький и А. Луначарский, И. Анненский и М. Сарьян, В. Брюсов и М. Кузмин, В. Вересаев, М. Цветаева и А. Белый, А. Толстой и И. Эренбург и многие другие. Однако, изданный скучными дореволюционными тиражами, он оставался поэтом, известным сравнительно небольшому кругу любителей.

Не исключена популярность М. А. Волошина в будущем. С поэтами, истинными поэтами, иногда это случается. Наша скромная задача как раз и состояла в том, чтобы показать, что Максимилиан Волошин достоин нашего внимания и нашей признательности.

Те, кто постарше, помнят, что Блок долгое время был автором только «Двенадцати» и «Скифов». Все остальное им написанное тонуло в туманах символизма. Прошло много лет, и весь корпус блоковских сочинений вошел в читательский обиход.

По-разному складывались посмертные судьбы Есенина и Брюсова, Ахматовой и Цветаевой, Пастернака и Заболоцкого. По-разному и в разное время «оттавивала» то одна, то другая часть наследия, то на виду у читателей, то за сферой их внимания.

Впрочем, схожие процессы происходили и с поэтами старых эпох, в том числе и в XIX веке. Возможно, в будущем образуется особая отрасль истории литературы, литературоведения, которая будет изучать именно печатные, изустные, читательские судьбы авторов, произведений. Именно судьбы.

ШАНГАЙ

ФЕЙН НИН

Y

въезда в Бонкур примерно в сотне метров за щитом с названием этого городка расположена кондитерская. Место для торговли невыгодное. Здесь только тот может заработать, кто продаёт самые крупные булки, самый хрустящий хлеб и самые изысканные торты, превосходя конкурента с рыночной площади.

Все три года, что прошли со смерти хозяина, командует пекарями и товарами его вдова, Жильберта Рибо, полная решительная женщина лет сорока пяти. А хозяйки кондитерской в Бонкуре испокон веку не бывало. Это не значит, что против такой женщины, как Жильберта, что-то имели, нет, она была старожил в городе и дама вполне респектабельная. Кондитерская на въезде в Бонкур оказалась первой остановкой молодого человека. Во всяком случае, так выяснилось позже, когда мадам Рибо давала показания в комиссариате.

Она сказала:

— Я сразу обратила на него внимание. Вы же понимаете, в семь утра чужого в лавке не часто увидишь. Не то чтобы он на меня страху нагнал. Нет, он не был одним из тех, кто делает покупки со складным ножом или кастетом в кармане. Я сказала бы, вид у него был робкий, пожалуй, даже какой-то подавленный. Похоже, он приехал из Парижа ранним поездом. Он попросил два пирожных, как раз были свежие. Я подала ему пирожные, он расплатился мелкими монетами, я хорошо помню. Он слова не произнес. Просто показал на пирожные и поднял два пальца. Как будто у него было какое-то расстройство речи, заикание, например, и он боялся говорить. Но оказалось-то не так. Уходя, он сказал очень отчетливо: «До свидания, мадам».

Если идти от кондитерской к центру города, нельзя не обратить внимания на дома, стоящие по обе стороны улицы. Красивые, уютные дома. А если на каком-либо из них висит объявление о продаже, нельзя не почувствовать желания провести здесь закат своей жизни.

У поворота улицы к рынку дома начинают толпиться, напирать друг на друга. Они стоят здесь вплотную, порой смыкаясь крышами, и архитектура у них очень разная. Один — широкий, с оштукатуренным фасадом и сворачивающимися жалюзи на окнах, другой — совсем маленький, едва втиснулся в узкое пространство между двумя пузатыми домишками. В домишке с крошечными окнами и узкой дымовой трубой расположена лавка, скорее даже лавочонка; ей не хватило места, чтобы устроить настоящую витрину. В чем-то вроде ниши лежат запыленные и несколько уже выцветшие пачки сигарет популярных сортов — «Голубаз» и «Житан», а за ними можно найти и пару блоков «Уинстона» и «Пэлл-Мэлл»: они похожи на павлинов среди стаи кур. Рядом со входом стоит проволочная подставка, на ней всевозможные ежедневные газеты, выше всех — «Монд».

Хозяина этой табачно-газетной лавки знали в Бонкуре только по имени — Серж. Он был родом из Югославии, а сюда его занес ветер войны.

Молодой человек купил у него газету.

В комиссариате Серж потом сказал следующее:

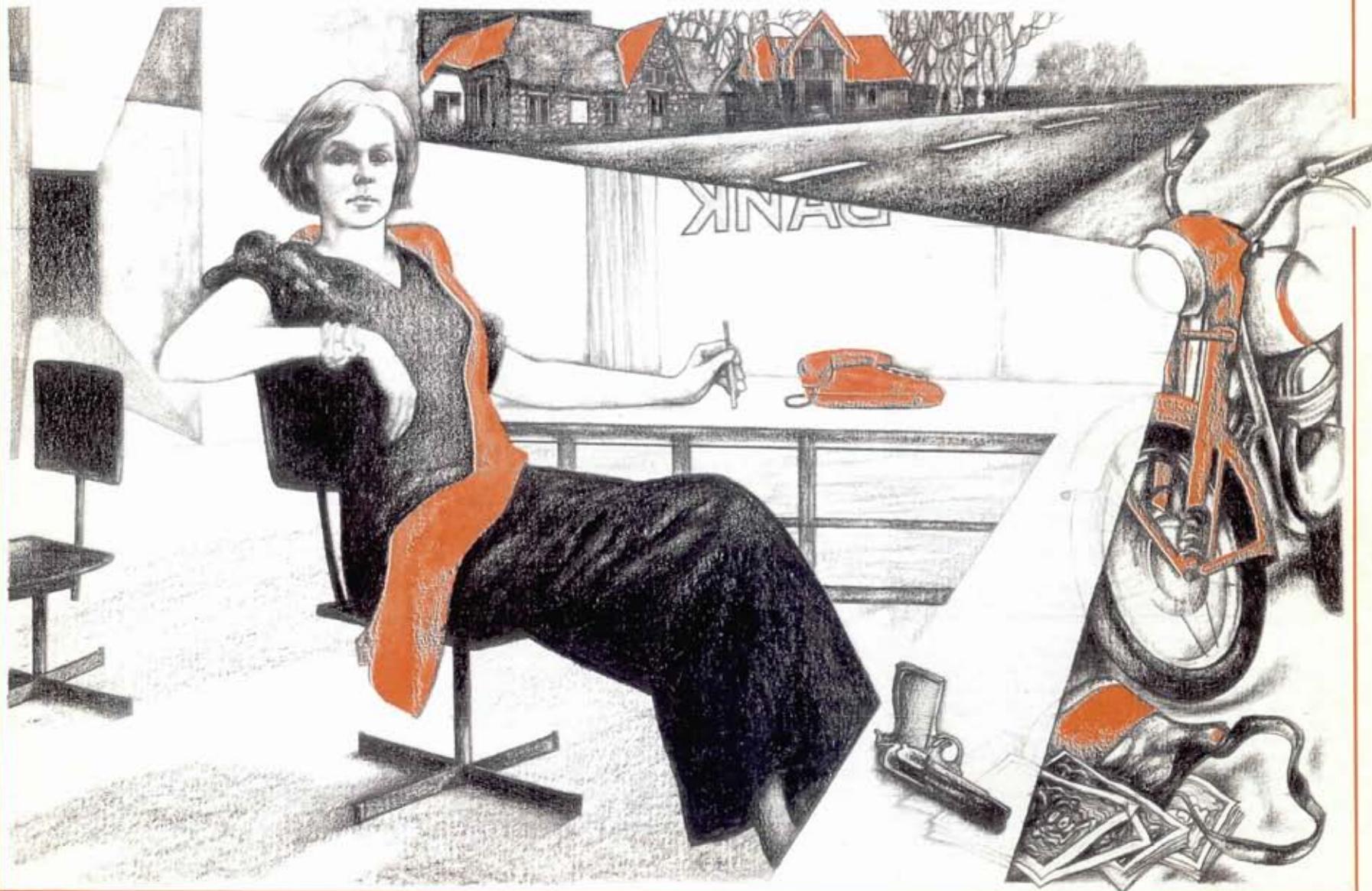
— Молодой человек, я имею в виду грабителя, уже стоял около моей лавки, когда я отпер дверь. Он говорил со мной, да, но очень тихо, как будто был простужен. Он не произвел на меня впечатления озлобленного или опустившегося человека. А попросил он у меня газету. «Какую?» — уточнил я, потому что их ведь много, сосчитать и то трудно. Он показал

на «Фигаро». Это меня немного удивило. Никогда раньше не видел, чтобы человек его возраста читал «Фигаро». Но я думаю, что это не имело значения, он просто показал пальцем на первую попавшуюся газету. Потом он заплатил, газету сложил и засунул в карман куртки. На нем была броская коричневая куртка в зеленую и красную шашку. Но я особенно не рассматривал куртку, я смотрел на его ботинки. Меня научил этому один человек, который приехал из Нью-Йорка. Он сказал, что там в метро есть типы, которые грабят пассажиров, если подворачивается удобный случай — например, когда богатый по виду человек оказывается один в вагоне. Эти типы, грабители, так сказал мой знакомый, приехавший из Нью-Йорка, обычно носят баскетбольные кеды. Поэтому, посоветовал он, всегда нужно смотреть, что у человека на ногах, если он вызывает какие-то подозрения. Да, вот я и посмотрел на этого молодого человека. А у него были не баскетбольные туфли, а обычные кожаные полуботинки.

Жильберта Рибо и Серж были единственными в Бонкуре, кто встретился с молодым человеком до трагических событий. Они и догадываться не могли, что произойдет дальше: нападение на банк, захват заложников, убийство. Такого в Бонкуре еще никогда не было.

Понятно, что показания этих двоих мало что дали следствию. Рассказ трех банковских служащих тоже особой пользы не принес. Оставались только те показания, на которых, собственно, все и строилось. Но эти показания вызывали определенные сомнения...

Что действительно произошло в банке Бонкура, навсегда останется не вполне ясным. Это нужно подчеркнуть заранее, так как ниже следующее описа-

ние событий того утра основано главным образом на предположениях. Не следует умалчивать и о том, что это описание читал комиссар Фриссак. никто не ожидал, что он официально его поддержит — это не разрешается, но и опровергать он ничего не стал.

В некоторых местах, прежде всего там, где упоминался он сам, комиссар громко и отчетливо выражал свое недовольство, но пусть это никого не удивляет. А чтобы избежать односторонности в описании, самые важные замечания комиссара Фриссака я в несколько сокращенном виде привел в соответствующих местах.

Антуан Раппар был ничем не примечательный молодой человек. Когда он вышел на вокзале Бонкура из парижского поезда, по нему не было видно, знаком ли он с городом. Однако потом в сарае у скоростного шоссе на Париж нашли бесхозный мотоцикл «хонда».

Комиссар Фриссак утверждал, что Раппар эту японскую машину украл и незадолго до нападения на банк пригнал в Бонкур, чтобы обеспечить себе быстрое бегство. Бензобак был полон.

(Здесь комиссар Фриссак несколько раз кивает, соглашаясь.)

И верно, юноша привел японский мотоцикл, но он не был украден. Антуан Раппар взял его напрокат на несколько дней в Париже. Он приехал в Бонкур на мотоцикле, оставил его и на следующий день вернулся сюда уже в поезде. Таким образом, комиссар ошибался.

(Комиссар Фриссак отреагировал на это заявление вялым движением руки. Неудивительно.)

Комиссар Фриссак был во всем прямой противоположностью Антуана Раппара. Он мог бы быть его дедом, а по взглядам и образу жизни не имел с ним ничего общего. Возможно, поэтому он относился к юноше предубежденно.

(Здесь Фриссак энергично запротестовал. Криминалист, заявил он, никогда не имеет предубежденных, хотя может и не иметь с преступником ничего общего.)

Поль Фриссак жил в Бонкуре уже двадцать лет. Когда он приехал сюда, он не был недоволен. Комиссар в сорок два года — это неплохо. В тот день он сказал жене, что эта захолустная дыра — лишь трамплин для прыжка в Париж, Марсель или, на худой конец, в Лион. Но из этого ничего не получилось. Лет через десять Фриссак начал понимать, что его «задвинули за шкаф», что Бонкур — это его последняя станция перед пенсией.

(Было ясно видно, что этот абзац комиссара Фриссака рассердил. Он сказал, что об этом писать не следовало.)

Осознание своей обойденности тяжело далось комиссару. У него развилась язва, он становился все более желчными. Понятно, что страдала от этого его жена, но доставалось и полицейским, а больше всего — молодым хулиганам из «Парижского кино» на рыночной площади.

(Это, очевидно, было уж чересчур. Фриссак вскочил, не желая слушать дальше. И только уверение, что дальше о нем лично ничего не будет, понудило его снова сесть.)

Молодой человек, Антуан Раппар, знал маленький банк Бонкура как снаружи, так и изнутри. Путешествуя несколько лет назад автостопом, он случайно заехал в этот городок. Гуляя без цели по улицам, он увидел и банк вблизи рынка. Но тогда он его не интересовал. А вот потом, когда Раппар начал обдумывать план ограбления какого-нибудь банка, он о нем вспомнил. Юноша понимал, что в Париже ему поживиться не удастся, оставалась провинция.

В тот день, когда он приехал на «хонду», Антуан впервые вошел в банк. Он сел за один из столиков, на котором лежали чистые бланки, разложил для виду несколько перед собой и стал изучать кассовый зал.

Беспрерывно приходили и уходили клиенты. Они его не интересовали.

Интерес представляли служащие. Он увидел двух женщин, одну постарше, другую помоложе, и мужчину лет тридцати пяти.

Наблюдая за ними, Раппар запоминал их лица и поведение.

Он видел, что люди у кассовых окон заполняли какие-то бумаги. Одни получали в обмен на эти бумаги пачки банкнот, другие отдавали банкноты вместе с бумажками. Для юноши это было игрой, правил которой он не знал. Он представлял себе, что где-то здесь деньги лежат большой кучей — бумажные и монеты — и что они, подобно мышам или крысам, беспрестанно порождают себе подобных: идет бесконечный процесс накопления...

(Здесь лицо комиссара скривилось в едкой гримасе. Он сказал, что знает молодежь — она вовсе не такая наивная.)

Ну хорошо, возможно, у Антуана Раппара были более точные представления о банковском деле, это в общем-то не очень важно. В то утро, после того, как он купил пирожные у Жильберты Рибо и газету у

Сержа, он первым вошел в банк. У входа натянул на лицо нейлоновый чулок, но никто не обратил на это внимания. И только когда он запер на засов входную дверь и направил на служащих револьвер, обе женщины и мужчина испуганно замерли.

Раппар, обрадованный тем, что пока все идет так гладко, сказал служащим:

— С вами ничего не случится, если будете делать то, что я прикажу. Оставьте все на местах и медленно идите туда, в туалет. Я вас запру. Это все. Я возьму нужную мне сумму. Потом покину ваше заведение, и вы меня больше не увидите. Повторяю: если будете меня слушаться, можете ничего не бояться.

Антуан Раппар сам открыл одну из двух дверей в туалеты и вытащил торчавший изнутри ключ. Он не обратил внимания на фигуру в юбке, изображенную на двери. Рукой, в которой был зажат револьвер, он показал на открытую дверь:

— Ну, идите!

Все трое служащих повиновались. Первой шла женщина постарше, за ней — женщина помоложе и последним — мужчина. Раппар был доволен.

И вдруг — обе женщины были уже в туалете — кассир повернулся и заявил, что ни в коем случае в эту комнату не войдет. Юноша подумал, что тот изображает из себя героя. Он подошел к кассиру, угрожая оружием.

— Я говорю в последний раз и в ваших собственных интересах: входит немедленно.

Не сводя глаз с револьвера, мужчина пробормотал, что никогда за свою жизнь не заходил еще в женский туалет.

Раппар засмеялся и с облегчением сказал:

— Ничего, можете войти, всю ответственность я беру на себя.

Шепотом возмущаясь, кассир последовал наконец за женщинами. Юноша запер дверь и швырнул ключ в соседний, мужской, туалет.

На улице у банка почти никого не было. Пожилой, просто одетый мужчина стоял в некотором смущении у двери. Он позвонил, взглянул на часы, покачал головой. Почему не открывают? Он видел стоявшего в кассовом зале человека, но что именно там происходит, разглядеть не мог.

Он медленно пошел прочь.

Теперь юноша совсем успокоился. Продолжавший возмущаться в туалете мужчина ему не мешал. Чувствуя себя в безопасности, он даже снял мешавшую ему маску. Перед ним лежали деньги. Без спешки он начал укладывать пачки банкнот в сумку. Когда она оказалась наполовину полной, он утрамбовал содержимое рукой. А уложив последнюю банкноту, был разочарован тем, что места оставалось еще много.

Антуан Раппар давно не был в таком хорошем настроении. Его план осуществлялся просто прекрасно. Он вытащил «Фигаро» из кармана куртки и начал аккуратно закрывать деньги в сумке.

За его спиной открылась дверь. Он стремительно повернулся, схватив револьвер.

Перед ним стояла женщина. Расстояние между ними было не более пяти метров. Откуда она появилась? Только сейчас он увидел потайную дверь, скрытую обоями, еще полуотворенную — это была совсем небольшая дверь, он и не подозревал о ее существовании. Она находилась за столом пожилой служащей и вела, очевидно, во двор.

«Я совершил ошибку, — подумал он. — Боже мой, какую ошибку я совершил!» Он чувствовал себя совершенно разбитым. Если в эту дверь вошла женщина, то кто еще мог войти? Другие служащие, сопровождающие машины с деньгами, полиция...

— Что здесь происходит? — спросила женщина. Она казалась менее испуганной, чем юноша.

— А вы не видите? — сдавленным голосом проговорил Раппар. — Стойте, не двигайтесь с места, иначе... — Он поднял револьвер.

— А ты нахал, — сказала женщина. Она вернулась к двери, быстро заперла ее и опустила ключ в карман жакета. Потом она повернулась и стала внимательно изучать юношу, словно оценивая, насколько он опасен и решителен.

— Кто вы и что вам здесь нужно? — спросил он.

— Ты еще спрашиваешь! Я жена директора. Мне нужны наличные деньги. Я всегда ставлю машину в переулке за банком, потому что на рынке часто нет места, и вхожу в эту дверь, от которой у меня есть ключ. Ну, доволен? — Женщина сделала еще два или три шага. Теперь она была метрах в двух от юноши.

— Стойте на месте, я вам сказал! — крикнул тот.

— А я тебя слушаться не обязана, — очень спокойно сказала женщина и сделала еще один шаг.

Раппар выстрелил в пол. Звук получился очень громкий. Женщина отшатнулась. Запертые в туалете служащие начали колотить в дверь.

Антуан Раппар нервничал.

«Нужно сохранять ясную голову, иначе я отсюда не выйду».

— Значит, вы жена директора? — Он говорил негромко, с легкой хрипотцой.

— Откуда этот шум? — спросила женщина.

Он объяснил, что это служащие банка. Она спросила, не ранен ли кто-нибудь из них.

Юноша сказал, что нет.

— Можно ли вам верить, вы же так любите стрелять?

— Ничего я не люблю, — возмутился он. — Вы сами виноваты, почему не стояли на месте?

Женщина промолчала.

(Если такая порода журналистов, сказал комиссар Фриссак, которые непременно защищают «несчастных» преступников. Что бы эти мерзавцы ни сделали, у «писак» — так он выразился, дословно — всегда найдется оправдание. А для него, комиссара, преступник — это преступник. Баста.)

Женщина огляделась, увидела стул пожилой служащей, осторожно, не спуская глаз с юноши, подошла к нему и села.

Юноша не вмешивался. Его удивляло, что женщина так владеет собой.

Вдруг он сказал:

— Мне нужен ключ.

Женщина засмеялась.

— Не так быстро. Сначала скажи, зачем ты это делаешь. На преступника ты не похож. Сколько тебе лет? Я думаю, лет двадцать? Правильно?

— Оставьте меня в покое с вашими дурацкими вопросами. Что здесь? Кто ты? Зачем ты это делаешь? Сколько тебе лет? — Раппар говорил насмешливым «квакающим» голосом, ясно показывая свое отношение к вопросам женщины.

Что же будет дальше? Через заднюю дверь ему не выйти, если женщина не отдаст ключ. Отобрать ключ? Нет, это немыслимо. Главный вход!

За ним-то он давно перестал следить. Повернувшись, он увидел нескольких мужчин и женщин, наблюдавших за ним через стекло.

— Дерьмо! — выругался он. — Только этого не хватало. Как в театре.

Подняв револьвер, юноша, медленно пятаясь, подошел к главному входу, нащупал ручку наружного жалюзи и начал поворачивать. Черт возьми, удивился он, эта штука работает.

Сейчас они были отрезаны от внешнего мира.

Он и эта женщина. Всему виной она. Вначале операция шла строго по плану. Но почему ей понадобились наличные именно сейчас? Пришла бы она хоть на десять минут позже... А теперь она висит у него на шее, как мельничный жернов. Через переднюю дверь он уже не выйдет, а ключ от задней она ему не отдаст.

Некоторое время было тихо, но тут запертые в туалете опять стали колотить в дверь. Чего они хотели этим добиться?

— Тихо! — крикнул он. Но они как будто не слышали.

— Плохи твои дела, — сказала женщина. Она не скрывала злорадства.

— Я вашего мнения не спрашивал, — резко выкрикнул юноша. — Как я понимаю, ваши дела еще хуже. Если что-нибудь произойдет, вы умрете первой. Это понятно?

Женщина ничего не сказала. Она рассчитывала на свое интеллектуальное превосходство и, как опытный игрок, не сомневалась в конечном успехе.

(Но это как раз похвально, сказал комиссар Фриссак. Кто знаком с этой женщиной, тот знает, что она умеет держать себя в руках. В конце концов она не кто-нибудь, а урожденная графиня де Бомон. А кто об этой семье ничего не знает, того остается только пожалеть.)

Антуану Раппару было все труднее сохранять спокойствие в ситуации, развивающейся не по плану. Вдруг ему пришла идея.

— Подойдите к телефону, — приказал он женщине.

Она удивленно посмотрела на него и не двинулась с места.

— Один шанс для вас, да и для меня тоже. Позвоните в полицейский участок. Скажите, что они должны пропустить меня с деньгами. Тогда вами и теми трямя, что заперты, ничего не случится. Потому что вы все, можно сказать, мои заложники. Ваши жизни в моих руках. Но я никому не причиню зла, если полиция меня пропустит. Вы поняли? Ну, звоните!

Женщина неторопливо поднялась, подошла к столу, где стоял телефон, и под недоверчивым взглядом юноши набрала номер.

Вначале она стояла молча.

— Вы соединились с полицией? — нетерпеливо спросил Раппар. Женщина отмахнулась.

— Говорит Елена Гинар, — назвала она себя и повторила в трубку то, что сказал ей юноша.

— Что они ответили? — спросил Раппар, когда разговор был закончен.

— Комиссар скоро сам позвонит, он хочет с тобой поговорить.

— Так,—пробормотал юноша, явно недовольный, что никаких результатов пока нет.

Женщина села на прежнее место, голову подперла ладонями. Она размышляла. Ограбление банка? Раньше для нее это было чем-то из телевидения, щекочущим нервы развлечением. Все происходило драматично и жестоко. Но сейчас это коснулось ее лично. Совершенно неподготовленной она попала в рискованное положение. Что ей делать? Упасть перед юношей на колени и вымаливать свою жизнь? Нет, на это она неспособна.

Никто из де Бомонов не теряет хладнокровия, это им внушали с детства. Может быть, прибегнуть к силе? Она немного знакома с дзюдо. Но дзюдо — это для нее искусство обороны, для нападения ее скромное умение непригодно. В конце концов у юноши есть оружие, и можно ожидать, что при необходимости он его применит. Самообладание — это, конечно, хорошо, но сейчас она заложник в руках грабителя. С учетом этого она должна хорошо все продумать и потом действовать. Ей было страшно, хотя признается в этом она себе не хотела...

(Комиссар Фриссак, похоже, был согласен с этой оценкой. Его лицо несколько просветлело.)

— Спорим, что они тебя схватят. Твоя жизнь не стоит и одного су, если ты меня застрелишь, — спокойно заявила женщина.

— Не надо беспокоиться о моей жизни. Раньше вы и подобные вам этого не делали. Моя жизнь? Да что вы можете понять, вы, жена директора банка? Хотелось бы знать, кем вы были раньше. Его секретаршей? Или просто маленькой шлюшкой?

(Лицо комиссара Фриссака опять потемнело. Он разразился гневной речью против падких на сенсации журналистов. Нормальному человеку должно было нетрудно понять, кто такая Елена Гинар. Ее семья, де Бомон, за свою историю подарила Франции пять генералов, причем один из них стал маршалом, семь епископов, трех губернаторов заморских колоний и множество видных дипломатов. Кто порочит эту семью, тот порочит Францию...)

Женщина, не обращая внимания на слова юноши, размышляла, углубившись в себя. Для Раппара это было масло в огонь. Ее молчание он расценил как признание собственной слабости и решил, пользуясь моментом, высказать наболевшее.

— Вы спрашиваете о моей жизни, — громко заговорил он. — А у меня вообще жизни не было. Сначала пихали меня туда и сюда — в детский сад, из детского сада, в школу, из школы — а потом высыпнули вон. С тех пор я неизвестно куда качусь по какому-то закону инерции. Профессионального образования я не получил, работы у меня нет. А нет работы, нет и денег. Ну, а поскольку у меня нет денег, я пришел сюда. Все очень просто. И не надо мне мораль читать. Это со мной не пройдет.

Женщина хотела отреагировать с присущим ей высокомерием («А ком бы ты хотел стать? Миллионером? Или, может быть, космонавтом?»), но сдержалась. И спросила без всякой иронии:

— А какую профессию ты хотел получить?

— Я хотел стать авиационным механиком. Но был бы рад, если бы меня выучили хоть на автомеханика или электрика. Но взяли меня только на железную дорогу, шпалы укладывать. Мой старик там работает, если хотите знать. Всю жизнь на это убил. Вы бы на него посмотрели, сразу поняли бы, почему я этого не хочу.

Мадам Гинар внимательно слушала. Она начинала понимать, что перед ней не бандит, не прожженный искатель приключений, а несчастный мальчишка. В обычных обстоятельствах она с такими людьми не сталкивалась. Но теперешняя ситуация неожиданно как бы привязала ее к этому человеку крепко-накрепко...

— Я могла бы поговорить с мужем, — предложила она. — У него большие связи, он тебе поможет. — Она поднялась.

— Сидите на месте, — прошипел юноша. — Вы хотите мне помочь? Вдруг, ни с того ни сего? А вы не думаете, что уже слишком поздно?

— Ну, это было предложение... — сказала мадам Гинар.

Зазвонил телефон.

— Подойдите, это комиссар, — повелительно сказала она юноше. Впервые она не «тыкала» ему.

Раппар медленно подошел к телефону, не спуская глаз с женщины, поднял трубку:

— Алло.

Это был комиссар Фриссак. Он оказался хорошо информированным, не спросил имени юноши, не поинтересовался какими-либо другими деталями, задал вопросы только о заложниках. Сколько их? Четверо?

— Нет, — ответил Антуан Раппар. — Только один заложник, жена директора.

Остальные, в туалете, не имели для него значения, они были заперты, ключ выброшен, дверь выломать они не решатся, так что пусть себе шумят.

— Жена директора... Я не какое-нибудь бесплатное приложение! Я из семьи де Бомон! — возмутилась женщина.

Но он не обратил на нее внимания. Этот разговор был чрезвычайно важен, он решал его судьбу.

Комиссар Фриссак спросил, как он представляет себе дальнейшее развитие событий.

— Я же вам говорил: отзовите своих полицейских, разгоните людей у банка, тогда я исчезну и ни у кого волос с головы не упадет.

— С добычей или без нее? — спросил комиссар.

— Конечно, с деньгами. Неужели я должен отпустить жену директора даром?

На другом конце провода молчание.

Раппар опять заговорил:

— Я эту даму, что сидит напротив, сюда не звал. Если б она не появилась, я бы давно уже был далеко... Алло, вы слушаете?

Никакого ответа.

Юноша не хотел поверить, что комиссар просто положил трубку на стол. Он несколько раз прокричал «алло». Комиссар даже не ответил на его предложение...

(Ответил, ответил, вставил здесь комиссар, но уже после того, как повесил трубку. Отзылся состоял из одного-единственного слова: «Начинающий!»)

Елена Гинар непринужденно сидела на стуле, голову чуть запрокинув, ноги вытянув перед собой. Раппар на нее не смотрел. После разговора с комиссаром у него был совершенно убитый вид. Было бы слишком хорошо, если б комиссар согласился... Конечно, всегда говорят, что жизнь заложников дороже денег. Но если бы даже комиссар согласился, смог ли бы он сохранить деньги и свободу? Опять послышался грохот из туалета, теперь он казался ему более громким и угрожающим. Может быть, сдаться? Все равно ведь эту телегу не вытащишь...

— У тебя есть подружка? — заговорила внезапно женщина.

Юноша не прислушивался, он не уловил новую интонацию в голосе женщины. Он думал только о своем положении и как раз поэтому был неспособен рассуждать спокойно и здраво. Одна и лишь одна мысль занимала его мозг. Не сдаваться. Еще ничего не потеряно.

— Посмотри-ка на меня. Как тебя зовут, кстати? У тебя, конечно, красивое имя. Ари или Клод? Я же не могу все время говорить тебе «ты»...

Антуан Раппар слышал ее как будто очень издалека. Он не хотел, чтобы ему мешали думать. Вот лежат деньги, они гарантируют ему какое-то будущее, но он не может просто взять их и скрыться.

Да и есть ли у него будущее? Или это его последняя станция?

Почти незаметно он начал отодвигаться от денег. Что, если именно эти деньги лишают его будущего? Не умнее ли будет избавиться от них?

— Ты на меня не смотришь, не слушаешь меня, — опять заговорила женщина. Она хотела, чтобы он отреагировал на конец, стал отвечать на ее вопросы. И ей это удалось.

Раппар повернулся к ней.

— Поступайте, — сказал он. — У нас тут не вечеринка! Вы этого еще не поняли? Мне все равно: будем говорить «ты». Но — оба. Сейчас я тебе объясню, что с тобой не в порядке. Слушай внимательно, ты... Представим, что ты едешь с внуком в поезд, сидишь на месте, которое уступил тебе семидесятилетний старик из жалости, из чистой жалости, подчеркиваю я, и вдруг, я отчетливо вижу эту картину, твой внук, сидящий у тебя на коленях, говорит, к удовольствию остальных пассажиров: «Ты ведь уже очень старая, бабушка, когда ты наконец умрешь?»

Если бы он ее ударил, ей было бы, наверное, легче. Елена Гинар почувствовала, как кровь бросилась ей в голову. На мгновение могло показаться, что положение в чем-то изменилось. Юноша, казалось, наслаждался эффектом, который произвело его оскорбление. Да, сейчас он чувствовал свое превосходство. И это чувство придало ему сил. Жена директора — тоже всего лишь обычная женщина.

— Теперь между нами все ясно, — сказал он, — и каждый знает, чего ждать от другого.

Стремясь как-то обозначить свое превосходство, он вытащил револьвер из кармана куртки, снял с предохранителя и прицелился в женщину. Через несколько секунд он опустил руку и поставил оружие на предохранитель. Вздохнула ли женщина облегчение? По ней этого не было видно. И он повторил все заново: снял с предохранителя, прицелился...

Наконец он громко рассмеялся.

— Спорим, что вам страшно?

Естественно, ей было страшно. Хотя юноша и напоминал дикого зверя, окруженного охотниками и бросающегося то туда, то сюда, но он был еще очень опасен. Может быть, она отнеслась к ситуации недостаточно серьезно? Неравенство было очевидно: здесь — опытная, привыкшая к успеху дочь из хороших семей и жена влиятельного человека, там — безработный мальчишка, который пришел ниоткуда и уйдет в никуда. И который сам ничто. Это неравенство и привело ее постепенно к мысли, что для нее все кончится благополучно. Всегда события развивались так, как хотела она, дочь графа де Бомон. Вот и на браке с директором банка она настояла, хотя, конечно, в глазах семьи Елены ее муж оставался «буржуа». Она отказалась от частички «де», выйдя за него замуж, а это далось отцу и матери нелегко.

Для нее мир изначально состоял из четырех категорий людей. Первая — дворянство, откуда была она сама; вторая — это люди, выбывшие из буржуазии на самый верх благодаря умению ловко делать дела, то есть такие, как ее муж; третья — рабочие и служащие, все вместе; и четвертая — как этот мелкий преступник, завистливые, анархические элементы, противопоставляющие себя обществу.

(Комиссар Фриссак наморщил лоб. Когда он так делал, вид у него становился очень мрачный. Возможно, его разозлило упоминание о служащих, к числу которых относился и он.)

Елена Гинар такого несколько упрощенного разделения общества на группы раньше хватало, и сейчас оно как бы подтверждалось еще раз, хотя ее «установки» в отношении этого молодого человека отчасти пошатнулись. Появился интерес, даже симпатия. Если она и заперта с ним в одной комнате, как в камере, это еще не значит, что они стоят на одной ступени.

Она вновь увидела себя, графиню де Бомон, в закрытой школе в Лозанне, где она лучше всех скакала на лошади, плывала, стреляла. Я и сейчас такая же, сказала она себе. Конечно, я никогда не попадала в подобное положение, но и здесь я буду прежней: умной, спокойной, умелой. Да и не так уж все ужасно. В конце концов у меня ведь ключ от задней двери. Антуан Раппар не мешал ей размышлять. Хотя он понимал, что добился некоторого преимущества в поединке с женщиной, но совершенно не представлял себе, как это преимущество увеличить или хотя бы сохранить. Револьвер он по-прежнему держал в правой руке, левая покоялась на сумке с деньгами. А между револьвером и сумкой был он сам, двадцатилетний, неопытный, не знающий, как вести себя дальше. Если бы все прошло так, как он задумал, он бы уже давно был на автостраде, один из множества молодых людей на мотоциклах. И никто не думал бы, что он сделал нечто плохое. Да и кому бы он причинил вред? Банку или тем, кто хранит в нем свои сбережения? Это же смешно. Денег в банке осталось еще много, к тому же такие убытки покрываются страховкой.

Теперь он сделал то, чего требовала от него мадам Гинар, — посмотрел на нее. «И зачем только она в моем деле вмешалась? Я ведь никому не хотел ничего плохого делать, хотел всего лишь взять пару кусочков от большого пирога». Раньше ему и в голову не приходило, что при ограблении, возможно, он должен будет убить человека. Ему нужны были деньги, чтобы получить те шансы, которых жизнь таким, как он, не дала. Он посмотрел на оружие в своей руке, потом опять на женщину. «Черт возьми, — подумал он, — я не могу, и она чувствует, что я не могу. Должен быть другой выход».

— Позвоните еще раз в полицию, — резко сказал он.

— Зачем? — последовал равнодушный ответ.

Оба уже поняли, что началась конечная фаза в развитии событий. Никто теперь не мог позволить себе сделать ошибку. Все допускалось, любой блеф.

Мадам Гинар чувствовала, что ей выигрыш во времени на пользу. С растущей неуверенностью юноши увеличивалась ее вера в себя. Так или иначе она с ним справится. Запертые в туалете люди вновь зашумели и этим шумом поддерживали ее, сами того не зная. Зажатый между грохотом за спиной и решительной женщиной перед собой, юноша не мог связно мыслить. К тому же Раппар не знал, что происходит на улице возле банка. А если решался представить себе это, то его фантазия рисовала снайперов на крыши соседних домов, на заднем плане несколько машин «Скорой помощи» с работающими моторами и толпы зевак, ждущих кровавого финала.

Может быть, сдаться?

— Я хочу, чтобы вы еще раз позвонили комиссару. Скажите, что он ошибается, если думает, что я сдамся. Пусть сделает то, что я потребовал, — уберет своих людей.

— А что будет со мной? — спросила женщина. — Только не говорите, что уже мне это объясняли. Положение все время меняется. Я хочу сейчас от вас услышать, какое решение вы приняли в отношении меня.

— А чего бы вы хотели? Чтобы я сказал: забирайте деньги, за которыми пришли, и катитесь, вы и так уже

потеряли много времени, да? Наверно, вам нужно своего пуделя купать? Или пить чай с женой мэра? Только скажите...

Не обращая внимания на его слова, она повторила:

— Я хочу знать, что со мной будет. В конце концов я ваш заложник, вы сами сказали.

— Естественно, вы мой заложник. Вы единственная гарантия того, что я выйду отсюда живым. И я очень хорошо подумаю, что с вами делать.

— Вы проведете остаток жизни в тюрьме, если убьете меня.

— Вы повторяйтесь. А почему вы и подобные вам не в тюрьме? Разве вы не держите постоянно заложников? Безработных? Разве они не являются постоянной угрозой тем, у кого еще есть работа? Заложников используют для того, чтобы принудить других к чему-то, правильно? Вы то объясняете это иначе, конечно, но я говорю так, как вижу. Вы не даете таким, как я, работы, а кого-то ее лишаете и выбрасываете на улицу. Звучит это безобидно: безработные. А что делают те, у кого работа еще есть? Они становятся все осторожнее и пугливее, потому что у них постоянно перед глазами мы и вы, имеющие власть сделать человека безработным. И вот нами, безработными, вы шантажируете тех, других: не требуй увеличения зарплаты, а то мы обменяем тебя на одного из безработных, они только этого и ждут. И я сейчас поступаю точно так же, как вы. Обмен за вас — мой беспрепятственный уход с этой сумкой. Очень просто. Скажите это комиссару.

Женщина не шелохнулась.

«Почему же она не подчиняется?» — подумал юноша. Он надеялся на какую-то перемену. Оставшуюся часть жизни он проведет в тюрьме, сказала она. Теперь и он видел, как медленно и неумолимо к нему приближается то, что он и представить раньше не мог. «Я должен защищаться, нужно как-то уйти отсюда. А если тюрьма, то... Тогда пусть она прежде отправится ко всем чертам...»

— Поговорите с комиссаром! — Он опять снял револьвер с предохранителя и направил на женщину.

Елена Гинар встала и подошла к телефону. Набрала номер.

— Это опять я. Юноша сдается. Ему нужно только уйти...

— Вы сошли с ума? — закричал Раппар. — Вы должны передать комиссару то, что я сказал, иначе с вами покончено. Мое терпение вышло. И не думайте, что меня так легко одолеть.

— Послушайте, комиссар Фриссак, — сказала женщина, — я ошиблась. Я должна вам передать, что юноша не сдается. Он, как и прежде, считает меня своим заложником. Вид у него серьезный, он целился в меня из револьвера. Отпустит он меня только в том случае, если сможет уйти с деньгами...

Юноша не спускал с женщины глаз. Ей нельзя доверять. Хотя сейчас она и сказала то, что нужно, ответа он не слышал. Женщина плотно прижимала трубку к уху... Ответ комиссара оказался очень долгим...

(Конечно, улыбнулся комиссар Фриссак. Со стороны Раппара было ошибкой позволить мадам Гинар самой говорить по телефону. А так он смог в деталях рассказать ей свой план.)

Антуан Раппар окончательно терял терпение. Женщина не говорила ни «да», ни «нет», только слушала.

— Ну, что? Что он говорит, комиссар? — окликнул он ее, но она отмахивалась.

Наконец он уже не знал, есть ли кто на том конце провода, — может, она просто держит трубку около уха, чтобы спокойно подумать.

— Хорошо, комиссар Фриссак, я ему передам.

— Что вы должны мне сказать?

Елена Гинар посмотрела на юношу. Он казался ей растерянным, но от этого еще более опасным, чем прежде. Сейчас он легко мог потерять контроль над собой.

— Не тяните, — угрожающе сказал он. — Это, наверное, комиссар вам так посоветовал, чтобы потом как-нибудь меня обмануть. Ну, что теперь? Он согласен? Или...

— Вы спрашиваете меня, что будет? Но это я у вас должна узнать. Ну хорошо, буду откровенной. Комиссар не дает нам ни шанса. Да и может ли он? Скажу прямо: он существует для того, чтобы охранять граждан от преступлений и задерживать преступников. Такова реальность. Следовательно, вам от него ждать нечего. Для него вы «субъект», песчинка в часовом механизме, которую необходимо удалить. Это звучит жестоко, я знаю. Вы, собственно говоря, не преступник. Но это знаю только я, так как мне известна ваша история, я вижу ваши мотивы и цели. Предположим, что я выступила бы на суде в вашу пользу. Это могло бы вам помочь. Но если я умру... Ну, вы сами понимаете, какие у вас шансы будут в этом случае... Почему я обещаю помочь вам? Скажу совершенно серьезно: впервые в жизни я встретила такого человека, как вы. Мы сказали друг другу немало грубых слов, но я при этом многому научилась, надеюсь, что и вы тоже. И поэтому поймите меня

правильно, только поэтому я хочу дать вам шанс. Но вы должны в точности выполнять то, что я скажу, о'кей?

Юноша кивнул. Шанс ему нужен, и неважно, кто его даст, ибо исход этого дела от него самого уже не зависит. Наполовину веря мадам Гинар, наполовину не веря этой женщине из другого мира, он только послушно кивал.

— Хорошо, — сказала Елена. — Комиссар требует, чтобы вы с поднятыми руками вышли через главную дверь и чтобы вы, конечно, ничего плохого не сделали мне и запертым служащим. Он до тех пор не будет штурмовать банк, пока здесь не послышится хотя бы один выстрел. Его полицейские стоят у входа и ждут вас не позднее чем через десять минут. Теперь мой план. За дверью, в которую я вошла и которая ведет в коридор, никого нет. Можете убедиться. Я обмениваю ключ от этой двери на ваш револьвер. Подчеркиваю: это обмен, я не отдала бы его ни добровольно, ни под угрозами. Если вы на это согласны — а вы согласитесь, — то уйдете отсюда в заднюю дверь, а я выстреляю один или два раза в пол. Люди комиссара сразу ворвутся со стороны рынка. Комиссар будет думать, что стреляли вы. Дальше все определится тем, насколько вы проворны. Дверь во двор вам ни к чему, тот выход под наблюдением. Попытайтесь достичь лестницы в конце коридора. Она ведет на крышу. Спрячьтесь там или переберитесь на соседнюю крышу, это уже ваше дело. Если будете действовать быстро и вам немного повезет, вы спасены.

Раппар почувствовал, насколько велико превосходство этой женщины. Она одна решает, чем закончится его авантюра. «Она меня погубит, мелькнула мысль, так или иначе она меня погубит. Да и ее ли это план? По телефону она ничего не говорила, только слушала. Что, если все это внущил ей комиссар? Через десять минут они будут штурмовать банк, сказала она. Нужно скорее решаться на что-то».

(Тут комиссар Фриссак откровенно рассмеялся, как человек, который знает больше, чем хочет сказать.)

Антуан Раппар был уже неспособен разработать собственный план или выйти из сложившейся ситуации самостоятельно, не опираясь на советы женщины директора. Мысли носились у него в голове, как машины по перекрестку в большом городе, появлялись и тут же, не додуманные до конца, исчезали. Чем же было то, что предложила ему женщина, — спасением или туником? Сейчас она в его власти, он угрожает ей оружием, он оскорбляет ее, так почему же ей хочется спасти его?

— Почему вы это для меня делаете? — спросил он.

— Вы меня не слышали? Я же сказала: я испытываю к вам симпатию. Видите ли, вначале вы для меня были всего лишь мелким гангстером, примитивным преступником. Но вы не такой. Вы просто отчаявшийся юноша, один из тех, кто ищет счастья не там. Вы совершили глупость, но вы еще так молоды. Только тюрьма, в которую вы непременно попали бы, сделала бы вас тем, кем вы сейчас кажетесь. И то, что вы пережили здесь, станет для вас уроком. Вы этого уже не повторите.

— Да, — подумал Раппар. — Она права. К тому же у меня не остается больше времени и выбора. Я подошел к концу.

А если в ее предложении действительно нет никакого «ключка»? Она сказала, что задний выход не контролируется. Значит, он может ее застрелить или хотя бы ранить и убежать с деньгами. Ключ, который все еще у нее, он бы быстро забрал бы. Однако он слишком хорошо знал, что выстрелить в нее не сможет, уж во всяком случае не сейчас. Возможно, вначале он бы и смог, когда она была ему совсем чужой, когда они еще не успели поговорить друг с другом. У нее к нему сочувствие, даже симпатия? Почему это не может быть правдой?

— Вы мне не доверяете, — заявила Елена Гинар. — У вас, конечно, есть основания быть недоверчивым после всего, что вы мне сделали. Меня тоже не прельщает братание с вами. Пропасть между нами широка и глубока и останется навечно. Но вы, вероятно, сын добропорядочной матери, быть может, брат очаровательной сестры. По-моему, вам все нужно обдумать. Для вас существуют три возможности: вы можете меня убить, но тогда рассчитывайте на худшее. Вы можете еще некоторое время простоять здесь в нерешительности, но я не гарантирую, что комиссар сохранит спокойствие. Или, наконец, вы можете последовать моему плану, тогда у вас есть шанс, не больше. Вы должны на что-то решиться, и побыстрее.

Юноша казалось, что срок, установленный комиссаром, давно прошел.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Я согласен. Сделаем, как вы предложили... Нет, с одной поправкой. Вы сами откроете дверь и выйдете со мной. Только когда я увижу, что коридор пуст, я отдам вам револьвер.

Елена Гинар задумалась.

— Это слишком ненадежно. Вы не хотите рисковать, я тоже не хочу. Если я отопру и мы вместе

выидем, то что помешает вам застрелить меня, если револьвер будет еще у вас? Вы должны отдать револьвер заранее, так как мне тоже нужна гарантия, что я выйду отсюда невредимой.

— Тогда сделаем так: я положу револьвер на этот стол и пойду туда, где сейчас вы. Одновременно вы подойдете к двери и отоприте ее. Потом вы отступите к стене. Я выбегу в коридор. Только не пытайтесь сбежать; когда дверь будет открыта, я еще успею оказаться у стола и схватить револьвер.

— Договорились, — сказала женщина.

Когда раздался выстрел, комиссар Фриссак немедленно начал действовать. Двое из его людей, как было условлено, перекрыли переднюю входную дверь банка. Другие, ждавшие в укрытиях позади банка, получили по радио приказ блокировать заднюю дверь и все подходы к ней.

Вокзал и улицы, ведущие к шоссе, были уже под наблюдением. Он не уйдет, этот начинающий, этот дилетант, он поймет, что в Бонкурке комиссар энергичен и знает свое дело.

(Фриссак заметил, что это самая разумная фраза во всем тексте.)

Через переднюю дверь в кассовый зал ворвался вместе с двумя полицейскими и сам комиссар. Возможно, женщину еще удастся спасти. Но у открытой задней двери стояла с револьвером в руке Елена Гинар. Грабителя не было видно.

— Где он? Кто стрелял? — прокричал комиссар. Женщина покачала плечами.

— Стреляла я, — сказала она.

— А грабитель, он убежал?

— Далеко он не ушел. Вон он лежит. — Она указала револьвером в сторону коридора.

Антуан Раппар лежал на первой ступеньке лестницы, парусиновая сумка с деньгами — рядом с ним. Там были уже двое полицейских, они стояли, как почетный караул.

— Мертв, — сказал один из них, увидев подходящего комиссара Фриссака. Елену Гинар тем временем заключили в объятия мужа.

— Моя дорогая бедняжка, что тебе пришлось пережить, — сказал он. Потом вспомнил о сотрудниках банка, запертых в туалете, и выпустил их, воспользовавшись своим ключом. Освобожденные поклонились ему руку, всхлипывали и плакали от радости. Директор Гинар положил обеим женщинам руки на плечи и пообещал им денежное вознаграждение за пережитый страх. Мужчина дрожал всем телом, он говорил что-то бессвязное и хлопал себя по голове.

Вдруг он увидел лежащего юношу.

— Так тебе и надо, свинья, — воскликнул он, потом подбежал к телу, пнул ногой. Полицейские оттащили его, объяснили, что грабитель мертв.

— Мертв? — повторил служащий. — Он что же, сам себя убил?

Директор Гинар и его жена Елена тоже вышли в коридор.

— Его убила я, — сказала мадам Гинар, и это произвело почти гордо.

— Неужели было необходимо его убивать? — спросил комиссар Фриссак.

— Вы еще спрашиваете, — возмутился директор банка. — Сами видите, что это была самозащита.

Комиссар склонился над мертвым. Никто уже не обращал на него внимания: теперь юноша опасности не представлял...

Жизнь банка постепенно приходила в норму.

Странно, подумал Фриссак, выстрел-то был произведен с довольно большого расстояния. Входное отверстие расположено на ладони ниже левого плеча. И это называется самозащитой?

(Комиссар Фриссак, замерев, смотрел в окно. Вдруг он повернулся и, красный от злости, потребовал, чтобы я вычеркнул весь последний абзац. Он на многое закрывал глаза, даже на нелестные замечания о нем лично. Но этот абзац он и обсуждать не станет, его необходимо убрать. Он, конечно, составит официальный доклад и в нем, вероятно, тоже будет говорить нечто подобное, но это же разные вещи. Его доклад прочтет только прокурор. И какие выводы сделает суд, от него не зависит. «Однако, — так дословно сказал он, — если подобные слова появятся в газете... Вы и представить себе не можете, какие это будет иметь для меня последствия. Мне осталось несколько лет до пенсии и, хотите верьте, хотите нет, я давно решил оставаться в Бонкурке. Мне здесь, в общем, нравится. Я неоднократно пытаюсь объяснить, кто такой граф де Бомон, отец Елены Гинар. Его воля — закон. Я говорю прямо: если репортаж с таким заключением появится где бы то ни было, даже в самой маленькой провинциальной газетенке, мне конец. Конец! Погодите со своими разоблачениями, пока я не умру. Тогда я не смогу вам помешать. Тогда — нет».)

Перевел с немецкого
Лев ДЫМОВ

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

Итоги третьего тура

«ЗНАЙ СВОЮ РОДИНУ»

В этом домашнем задании было всего двенадцать вопросов, но, к сожалению, ограниченный срок не позволил участникам интересно ответить на них. Впереди большей частью оказались постоянные, испытанные бойцы, которые в поисках знаний научились хорошо работать с литературой и которых не останавливают первоначальные неудачи в этих поисках. Судя по письмам, некоторые читатели просматривали и прочитывали десятки книг, чтобы ответить на тот или иной вопрос. Разумеется, от таких настойчивых участников удача просто некуда спрятаться.

Вот, например, какое письмо предпослал своей работе В. Салтыков: «Уважаемая редакция! Прежде всего хочу поблагодарить жюри за столь высокую оценку моих «опусов» по второму туру. Признаться, я не надеялся попасть в число призеров. Я просто люблю поиски неизвестного.

В третьем туре попал в цейтнот. Был в отпуске и возвращался через Ленинград (я коренной ленинградец, только четырнадцатый год работаю на газовых месторождениях тюменского Севера). Увидел в «Смене» вопросы и огорчился — слишком мало времени у меня осталось. Но все-таки мне повезло: в Ленинграде отличные библиотеки, музеи, да и ряд вопросов «ленинградские». Прежде всего позвонил Ю. С. Антонову на Кировский завод. Юрий Степанович любезно меня обо всем информировал. Встретился в Военно-Морском музее с А. Н. Бахметьевым, выпускником первого набора Тбилисского нахимовского училища. В общем, ответил на девять вопросов — на остальные времени не хватило. Третий вопрос нужно именовать: Р. Шершнева совершила подвиг раньше А. Матросова.

Приятно было узнать, что в новом году вы продолжите конкурс».

«Вопросы третьего тура, по нашему мнению, оказались трудными, а значит, и интересными», — написали супруги Кузнецова из Сочи. — Если мы на какие-то из них и ответили неверно, то все равно узнали массу интересного. Кстати, география конкурсных вопросов потрясающа — это большой плюс их составителям: Москва, Тбилиси, Ташкент, Белоруссия. Целый круиз по Советскому Союзу! Пусть мы и не станем победителями, главное — приобретение знаний, самообразование, с увлечением проведенное свободное время, радость творчества, наконец. У нас подрастают два сына. При каждом удобном случае мы читаем им книги не про кошку-мышку, а про Мальчиша-Кибальчиша, про В. Котика, Л. Голикова, про красных дьяволят. Не все им еще понятно, но все могут сразу осмыслить, но ведь главное — посеять зерна...»

На этот раз мнения читателей в оценках отдельных вопросов резко разошлись. То, что не понравилось одним, пришлось по душе другим. Правда, больше положительных баллов собрали первый, второй и четвертый вопросы.

Изучив все конкурсные письма, жюри определило победителей. Лучшими признаны работы И. Позняка из Днепропетровска и Т. Русаковой из Макеевки Донецкой области, у которых по одиннадцать правильных ответов. Им присуждены «Записки о Шерлоке Холмсе» А. Конан Дойла. Кроме того, И. Позняку будет выслан роман Ж. Амаду «Дона Флор и два ее мужа», а Т. Русаковой — роман М. Ларни «Четвертый позвонок».

Книгами «Записки о Шерлоке Холмсе» и «Четвертый позвонок» награждены А. Брынцев и М. Смородинова из Москвы, ответившие на десять вопросов.

Книгу «Записки о Шерлоке Холмсе» получат Г. Ясников из Киева, В. Федоров из Магнитогорской области, Н. Чернуха из пос. Видяево Мурманской области и

И. Якушева из Читы. Книгой «Четвертый позвонок» награждены участники клуба книголюбов из пос. Южный Алтайского края, И. Афанасьева из Уфы, Ю. Бородовский из Ленинграда, В. Гужов из Шенкурска Архангельской области, В. Казак из Орла, семья Кузнецовых из Сочи и В. Салтыков из пос. Игра Тюменской области. Книгой «Дона Флор и два ее мужа» отмечены работы Е. Агафоновой из Ангарска Иркутской области, Н. Каслова из Читы, В. Овсянниковой из пос. Верхний Мамон Воронежской области, А. Сидоренко из Орши Витебской области и Л. Черновой из Светлогорска Ленинградской области.

Все призеры отмечены почетными дипломами «Смены». Диплом и книга «Силуэты» будут высланы также в адрес И. Антоновой из Донецка, которая второй тур подряд показала высокий результат.

Редакция и жюри сердечно поздравляют победителей и благодарят всех участников конкурса. До новых встреч в 1987 году!

Приводим вопросы и ответы на них:

1. «У меня на письменном столе, — рассказывает старая большевичка, — лежала открытка сrepidукцией картины... Владимир Ильич увидел открытку и говорит: «Вот замечательный художник... Это кадровый военный человек, и, представьте себе, какой он прекрасный психолог действительной жизни, такие у него чудесные вещи!» Критик В. Стасов писал: «Этого художника можно назвать по преимуществу портретистом молодого поколения, которого натуру, жизнь и характер он глубоко понимает, скрывает и передает». Назовите революционерку, художника и его картину.

— Маргарита Васильевна Фофанова, на квартире которой В. И. Ленин жил нелегально перед Октябрьским восстанием. Картина «Всюду жизнь» Н. А. Ярошенко.

2. Во время обороны Севастополя в 1942 году в одном из подразделений выходила рукописная газета-листовка. Как она называлась и кто был ее редактором? Когда в «Правде» был опубликован последний номер этой газеты?

— «Окопная правда». Ее выпускал в окопе 13-летний пионер Валерий Волков. Последний номер газеты-листовки был опубликован в «Правде» 8 февраля 1963 года.

3. Среди воинов, повторивших подвиг А. Матросова, была девушка-комсомолка, партизанка. Назовите ее. Где она совершила подвиг?

— Римма Шершнева. Это было 24 ноября 1942 года у деревни Ломовицы Гомельской области.

4. Все мы хорошо знаем города-герои, овеянные славой в Великой Отечественной войне. Но в истории нашей Родины известен и такой факт: в гражданскую войну одному из городов за почти трехмесячную героическую оборону было присвоено звание «Город-герой». Кто и какому городу присвоил это почетное звание?

— В 1918 году городу Кизляр — Реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта.

5. Когда и где был создан первый в Средней Азии вуз?

— Им стал Туркестанский университет, созданный в 1920 году в Ташкенте. Теперь это Ташкентский государственный университет имени В. И. Ленина.

6. Трудно найти человека, который бы не знал об озере Разлив. Каким путем и как давно оно возникло?

— Озеро возникло в 1716 году, когда Петр I приказал соорудить запруду в низовьях рек Сестра и Черная. Вода была нужна для заложенного чуть позже Сестрорецкого оружейного завода.

7. В 1934 году во время сессии ЦИК зрители

увидели на сцене Большого театра СССР не спектакль, а спортивное соревнование. Какое?

— С целью пропаганды волейбола на сцене прошел показательный матч между сборными командами Днепропетровска и Москвы.

8. Назовите дату открытия первого в нашей стране нахимовского училища. Сколько их было всего и сколько сейчас?

— Первое нахимовское училище было открыто в Тбилиси в октябре 1943 года. Затем в июне 1944 года было образовано Ленинградское и в июле 1945 года — Рижское нахимовские училища. В середине 50-х годов воспитанники Рижского и Тбилисского училищ были переведены в Ленинградское училище, ставшее единственным в стране.

9. Известно, что Л. Н. Толстой любил музыку. На каком инструменте и где он учился играть? Какое музыкальное произведение он написал и в каком кинофильме оно звучит?

— Во время учебы в Казанском университете Л. Н. Толстой дружил с братьями Зыбинами — музыкантами. Там он учился играть на флейте и вместе с одним из братьев написал вальс, который звучит в кинофильме И. Таланкина «Отец Серый».

10. На Кировском заводе в Ленинграде работает механик-испытатель Герой Социалистического Труда Ю. С. Антонов. На какой улице города он родился и почему она так называется?

— Он родился неподалеку от завода на улице Тракторная. Она названа так потому, что в 1924 году по ней промышляли стальными колесами, направляясь на первомайский парад, два первых «Фордзона-Путиновца». Головную машину вел тогда сияющий от счастья слесарь Костя Яковлев.

11. В прошлом веке на Волге при спуске на воду новых деревянных судов их владельцы старались получить полный груз соли. За первый рейс судно так пропитывалось солью, что дерево служило вдвое дольше обычного. Назовите единственный русский военный корабль, который был «посолен». Сколько лет он проплавал без переборки?

— Фрегат «Камчатка», проплававший без переборки пятнадцать навигаций, не заменяя даже конопатки в пазах обшивки, тогда как другие корабли служили без переборки лишь десять лет, ежегодно заменяя конопатку.

12. Впервые советские боксеры завоевали олимпийское золото в Мельбурне. Среди победителей был ереванец В. Енигбaryan. И все-таки он, оказывается, был первым олимпийским чемпионом из Армении. А кто же?

— Более полугода назад олимпийским чемпионом по кулакному бою стал армянский царь Варсадатес (или, по иной транскрипции, Вараздат).

Приводим основные источники вопросов для третьего тура: сб. «Говорят погибшие герои», М., Политиздат, 1973; «Славный путь Ленинского комсомола», М., 1978; «Путешествия на поезде», М., Профиздат, 1985; «100 вопросов — 100 ответов», 1985; сборники «Хочу все знать!» за 1972, 1976 и 1985 годы; «Гlobus-80», Г. Шебель, «Олимпия и ее игры», Л., 1967; И. Быховский, «Рассказы о русских кораблестроителях», Л., 1966; «Русские писатели в Москве», М., 1977; «Советская Россия» за 4 ноября 1985 года; «Филателия СССР» №6 за 1985 год.

Редакция ждет ваших новых писем с интересными вопросами для конкурса эрудитов «Знай свою Родину», который будет продолжен в 1987 году. Читатели, приславшие наиболее интересные вопросы (с обязательной ссылкой на источники), ждут призы.

Советую от всей души!

Читатель
«Смена» —
читатель

Хотя мы с женой уже давно не молоды, мы много лет выписываем «Смену». Это интересный, многогранный, как говорится, широкозахватный журнал. В нем затрагиваются вопросы, над которыми полезно подумать не только молодым, но и людям любого возраста, всем, кому стоит вникнуть в глубины и тайны становления личности, кто хочет разобраться, как развивается подросток, как воздействовать на школьника, девушки, юношу, как жить общими интересами с новым поколением. Я вспоминаю свою далекую юность. Это были двадцатые

годы. Отец, мать, я и младший брат с интересом читали одни и те же журналы того времени — «Прожектор», «Экран», «Огонек», «Смехач», «Вокруг света», «Всемирный следопыт» — и у нас в семье не было деления: это — для взрослых, а это — для младших. Все было для всех. Поэтому в доме царили подлинная дружба, взаимопонимание, общность.

Я пишу это для того, чтобы посоветовать дедушкам, бабушкам, мамам и папам: выписывайте и вместе с молодыми читайте «Смену» — умный, содержательный, глубокий журнал. Это принесет вашей семье большую пользу и радость.

С. КУНИЦИН,
Запорожье

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1986 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

Александру
БОЙКО—
за цикл статей
«Курить или жить?»
(№№ 13, 14, 15)

Федору БУРЛАЦКОМУ—
за публицистический
диалог
«Покушение на планету
людей» (№ 1)

Валерию
ВИНОГРАДОВУ—
за статью «Звездный
час и «звездная
болезнь» (№ 12)

Валерию
ГАВРИЛИНУ
(Ленинград)—за эссе
«Высокое и чистое
звукание» (№ 10)

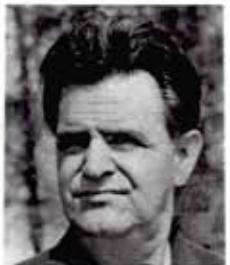
Татьяне
ГОНЧАРОВОЙ
(Ленинград)—за статью
«Соратники — мои
ученики» (№ 22)

Михаилу
ДУДИНУ
(Ленинград)—за очерки
«Ахматова» (№ 3)
и «Хлебников» (№ 16)

Евгению
ЕВТУШЕНКО—
за подборку стихов
«Несвершенное
все совершится» (№ 6)

Фазилю
ИСКАНДЕРУ—
за рассказ
«Троє в синих
макинтошах» (№ 8)

Антону
КУМАНЬКОВУ—
за серию портретов
воспитанников
детских домов (№ 7)

Николаю
ЛЕОНОВУ—
за повесть
«Обречены на победу»
(№№ 1—7)

Юстинасу
МАРЦИНКЯВИЧЮСУ
(Вильнюс)—
за «Поэму любви»
(№ 3)

Юрию
НАГИБИНУ—
за очерки «Анненский»
(№ 7) и «Страсти от
Иоганна» (№ 23)

Льву ОЗЕРОВУ—
за эссе «Россия. Этот
звук — свирель» (№ 20)
и «Властью присталь-
ного взгляда» (№ 24)

Анатолию
ОРЛОВСКОМУ
(Сургут)—за статью
«Не праздные
вопросы» (№ 4)

Леониду
ПЛЕШАКОВУ—
за статью
«Яблоки»
(№№ 9—10)

Юрию РАГОЗИНУ—
за очерки «Трудности
роста» (№ 5) и
«Директор из нашего
класса» (№ 22)

Кутлибеке
РАХИМБАЕВОЙ
(Ташкент)—
за подборку
стихов (№ 13)

Наталье
ДАРДАКИНОЙ—
за перевод стихов
с узбекского языка
(№ 13)

Евгению
СТЕЦКО—
за фотоочерки
«Все не так просто»
(№ 12), «Прыжок» (№ 21)

Дмитрию
ФИЛИМОНОВУ
(Ленинград)—
за подборку
стихов (№ 9)

ПРЕМИЯ ИМЕНИ МАТЕ ЗАЛКИ
Георгию ДАНАИЛОВУ (Болгария)—
за цикл статей о педагогике
«Не убить Моцарта» (№№ 5, 6, 8, 9, 10)

Дорогие друзья!
Пришла пора подвести итоги нашего конкурса «Юмор-86». По количеству участников он был не менее представительным, чем предыдущие. А судя по тому, что рисунки на конкурс поступали от читателей молодых и умудренных жизненным опытом, карикатуристов-любителей и профессиональных художников из различных географических точек страны, мы делаем вывод: «запасы юмора» неисчерпаемы, и наш конкурс затронул только некоторые пластины всеми любимого жанра.

Итак, итоги. На сей раз лауреатами конкурса «Юмор-86» стали: Николай Воронцов из Ленинграда (№ 9), Виктор Богорад из Ленинграда (№ 9), Вадим Адамович из Херсона (№ 14), Олег Теслер из Москвы (№ 18), Ю. Базык из Иркутска (№ 18).

Молодцы! Заслуги победителей будут отмечены дипломами «Смены». Поздравляем лауреатов!

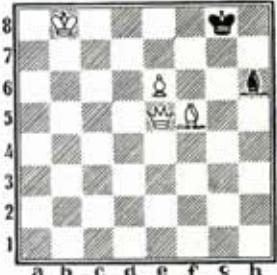
ШАХМАТЫ

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ

Александр Павлович Гуляев в числе первых в нашей стране в 1934 г. вместе с А. Троицким, Л. Куббелем и М. Барулиным получил звание мастера по шахматной композиции. Сейчас на счету маститого композитора (выступающего под псевдонимом А. Грин) свыше 600 задач и этюдов, более половины которых отмечено на конкурсах. Главной чертой творчества А. Гуляева является высокая требовательность к форме произведения, максимальная «занятость» белых фигур в главных вариантах решения. Большое внимание уделяет композитор и жанру миниатюры. Он считает ее важным средством популяризации шахматной композиции.

Конкурс миниатюр
I приз, 1974 г.

«Смена» № 17. Феро. 1. 38—32! 30—35 2. 39—33! 29:27 3. 40—34×. II. Клете. 1. 46—41 6—11 2. 41—37 11—17 3. 37—32 17—21 4. 27—22 21—26 5. 32—27 16—21 6. 27:16 26—31 7. 13—8 3:12 8. 22—17×.

«Смена» № 18. И. Ю. Шмидт. 1. 29:21 gf2 (иначе нельзя: на 1... gf4 решает 2. de3: f2 d3. h2:18:h6:c1×) 2. 21:g1 fe1 3. ge3 e:c3 (3... e:b4 4. e:a3x) 4. e:e1x.

II. В. Бойко. 1. fe3! de1 2. fe5! d:d2 3. gf2! e:g3 4. h:f4 de1 5. ab4!

(но не 5. bc3виду 5... e:b4! 6. a:c5 gf6×) 5... e:a5 6. bc3 e:g5 7. h:d8x.

«Смена» № 19. В. Малашенко. 1. 17—12 26:8 2. 16—11 23:21 3. 47—41 6:28 4. 38—32 36:40 5. 32:5 34:43 6. 5:16 25:34 7. 48:8 2:13 8. 16:24 20:29 9. 45:23×.

II. 1. 25—20! 14:34 2. 48—43 3:27 3. 49—44 40:49 4. 42—38 48:28 5. 32:3 49:46 6. 3:5x.

«Смена» № 10. В. Бирюзов. 1. cd41 c:c3 2. fe5! f:d4 3. hg7 f:h6 4. ed2 c:e1 5. a:c7 d:b6 6. cb2 a:c1 7. gh4 e:g3 8. h:f4 c:g5 9. h:b5×.

II. А. Корвижин. 1. ab4 c:a3 2.

de3 f:d2 3. c:c5 d:b4 4. gf4! e:e1 5.

cb2 a:c1 6. gf2 e:g3 7. h:f4 c:g5 8.

h:b8x.

«Смена» № 11. И. В. Звирбулис.

1. ed4 c:c1 2. fg3 a:c5 3. ed2! c:e3

4-Я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

ПРОВЕРЬТЕ РЕШЕНИЯ

«Смена» № 1. А. Чернопицук. I. ab4! h:d2 (1... c:a3 2. e:a7 h:f4 3. b:b8 dc1 3. ab2! c:a3 4. bd6! a:e7 5. hg5 e:h4 6. fg3 h:f2 7. g:a7x).

II. Ф. Бахтиозин. 1. cb6! c:a5 2. dc5 g:e5 3. ed2! ed4 4. gf2! d:b6 5. fg3 h:f4 6. e:e7 f:d6 7. h:a3x.

«Смена» № 2. Ф. Хермелин. I. 1. 36—31. Если I. 1... 14—19 2. 22—17 12:32 3. 37:28 26:46 4. 38—32 19:30 5. 28:19 13:44 6. 40:49 46:40 7. 35:24 20:29 8. 45:5x. Если II. 1... 6—11 или 1... 2—7 2. 22—17 12:32 3. 37:19 26:46 4. 38—33 14:23 5. 33—28 23:32 6. 43—38 32—43 7. 29—23 46:30 8. 35:24 20:29 9. 34:5x. Если III. 1... 12—17 2. 22:11 6:17 3. 37—32 26:28 (3... 26:46 4. 38—33 46:25 33:11 белые проходят в дамки и нет хода 5... 23—28 из-за 6. 29—23x) 4. 27—22 18:27 5. 29:18 13:22 6. 35—30 20:29 7. 34:3x.

II. 1. 32—28 40:49 (1... 23:22 2. 38:27 40:38 3. 42:13 35—40 4. 41—37 40—44 5. 50:39 45—50 6. 37—31 50:4 7. 31—26 4:31 8. 26:37x) 2. 38—33 49:46 3. 33:13 23:32 4. 42—37 32:41 5. 13—9 35—40 6. 9—4 40—44 7. 50:39 45—50 8. 47—42 50:47 9. 4—15 47—20 10. 15:47x.

«Смена» № 3. И. Ф. Бахтиозин. 1. ab6! c:a5 2. dc5 d:b4 3. fg5! fe5 4. gf2! h:f6 5. fg3 h:f4 6. dc3 b:d2 7. c:e7 f:d6 8. h:b4! a:c3 9. b:f6x.

II. Т. Маркус. 1. de5! fg3 2. ab2!

d:f4 3. gf2! g:e1 4. de3 f:d2 5. bc5! d:d6 6. bc3 e1:b4 7. a:e7 f:d6 8. h:a3x.

«Смена» № 5. А. Шишкун. I. 1. 28—23! 19:46 2. 29—23! 46:19 3. 36—31 26:37 4. 33—28 19:32 5. 38:9 14:3 6. 46—42 37:39 7. 40—34 39:30 8. 35:4x.

II. 1. 37—31! 21—26 2. 27—22! 26:30 3. 22:15x.

«Смена» № 7. И. Г. Кетлер и Н. Торопов. 1. gf2! В случае 1. de3? f:d2! 2. h:b8 c:a5 3. c:e3 h:d2 у черных инициатива 1... c:e1. Если 1... c:a5, то 2. de3!, и белые выигрывают. 2. ab2! e:a5 3. ab4! a:c4 4. fe3! f:d5 5. h:b8 h:f4 6. c:e7 f:d6 7. h:b8x.

II. А. Шошин. 1. cb8 gd4. Если 1... ab4 2. d:a5 gd4, то к выигрышу ведет 3. ab6 и 4. hg1x. Угрожая 3. b8—g3, и если а... da1, то 3. dg5! h:f6 4. gb6 a:c7 5. b:h8x; а если б... dh8, то 3. db4! a:c4 4. bg3 h:f2 5. g1:a1 с выигрышем.

«Смена» № 9. В. Матус. I. 1. 12—7 6:17 2. 7—1 33—39 (вынужденно) 3. 1:29 39:48. Если 3... 39:30, то 4. 20—14! 10:19 5. 29—23! x. 4. 29—23! 48:14 5. 23:3 14:46 6. 3:5x.

II. 1. 25—20! 14:34 2. 48—43 39:48 3. 49—44 40:49 4. 42—38 48:28 5. 32:3 49:46 6. 3:5x.

«Смена» № 10. В. Бирюзов. 1. cd41 c:c3 2. fe5! f:d4 3. hg7 f:h6 4. ed2 c:e1 5. a:c7 d:b6 6. cb2 a:c1 7. gh4 e:g3 8. h:f4 c:g5 9. h:b5x.

II. А. Корвижин. 1. ab4 c:a3 2.

de3 f:d2 3. c:c5 d:b4 4. gf4! e:e1 5.

cb2 a:c1 6. gf2 e:g3 7. h:f4 c:g5 8.

h:b8x.

«Смена» № 11. И. В. Звирбулис.

1. ed4 c:c1 2. fg3 a:c5 3. ed2! c:e3

4. cd4 e:c3 5. g:e5 d:f4 6. hg3 f:h2 7. h:b8x.

II. М. Бенья. 1. ab2! a:c1 2. gf2! c:a3 3. gh6 c:g5 4. h:a7 h:f4 5. cb4 a:c5 6. a:h4 fg3 7. hf6! g:f1 8. fc3x.

«Смена» № 12. И. В. Черный и В. Черная. 1. 18—12 7:27 2. 34—30 35:24 3. 29:20 14:25 4. 37—31 26:28 5. 21:12x.

II. В. Черный и Л. Черная. 1. 37—32 28:37 2. 41:21 17:26 3. 47—41 36:47 4. 43—39 47:33 5. 39:8 3:12 6. 44—39 35:33 7. 34—30 24:35 8. 45—40 35:44 9. 50:8x.

«Смена» № 13. Б. Федоров. I. 1. gf3 fe5 (если 1... fg5, то 2. gh4 ef6 3. gh2x) 2. ab4! c:c1 3. ed4! c:g5 4. d:d8 gh4 (на 4... gc1 решает 5. gf4 c:g5 6. d:h4x) 5. cb4 h:e1 (если 5... ac3 6. d:e1 f:2 7. e:c7) 6. dh4 a:c3 7. gf2 e:g3 8. h:f4x.

II. 1. hg3! hg7 2. g4 (возможна перестановка 2. fe3 и 3. ef4) 2... g:e3 3. fg3! h:f2 4. de5 d:14 5. cb6 a:c7 6. cd4 e:c5 7. g:g5 h:f4 8. b:e3 с выигрышем.

«Смена» № 14. И. Крамаренко—Ревунец. 1. 27—21 17:28 2. 38—33 29:38 3. 48—43 38:49 4. 40—35 49:29 5. 35:4x.

II. В. Малашенко. 1. 22—17 13:31 2. 23—19 14:34 3. 28—23 37:19 4. 33—29 42:24 5. 43—38 34:32 6. 47—42 36:38 7. 49—43 38:40 8. 45:5 12:21 9. 5:42 16—21 (A5) 10. 42—26 7:16 11. 26:3 4—10 12. 46—41 10—15 13. 41—36 (но не 13. 41—37! 16—21 14. 3:26 15—20=) 13... 1—6 14. 36—31 5—11 15. 31—27 16—21 (8-е «большинство») 16. 27:7 2:11, и т. д. с выигрышем белых.

A. 9... 4—9 10. 42—37 9—13 (иначе 11. 37—26x) 11. 46—41 13—18 12. 41—36 18—22 (12... 7—12 13. 37—31x) 13. 36—31

КРОССВОРД

Составил А. ГОЛИКОВ,
Сафоново Смоленской обл.

По горизонтали:

8. Озеро в Латвии близ Рижского залива. 10. Лучший летун среди бабочек. 11. Слесарный инструмент. 12. Ковер для борьбы дзюдо. 13. Публично-правовой документ в средневековой Европе. 14. «Варяг»—крейсер, «Кореец»—... 15. Имя английской писательницы Кристи. 18. Растиение с плавающими на воде листьями. 21. Ученый, открывший пенициллин. 25. Лист из плотной бумаги в книге, на который наклеивают иллюстрацию. 26. Двугорбый верблюд—бактриан, одногорбый—... 27. Вид искусства, с которого начинает каждый художник. 28. Средоточие великих испытаний, переживаний. 29. Водоросль, удобная для изучения клетки. 30. Лучший иллюстратор лермонтовского «Демона». 31. Самый распространенный в Средней Европе и СССР папоротник. 32. Счастье на таймени, щуку. 33. Морской порт в Казахстане. 37. Мотыга. 40. Зимнее помещение для спортивных игр. 43. Жук, личинка которого дышит атмосферным воздухом, хотя живет, не всплывая, на дне водоема. 44. Куда... туда и никта (пословица). 45. Момент игры в футбол или хоккей. 46. Певчая мелодия. 47. Многоместный конный экипаж, в котором довелось путешествовать Х. К. Андерсену. 48. Фламандский живописец, мастер мифологических композиций.

По вертикали:

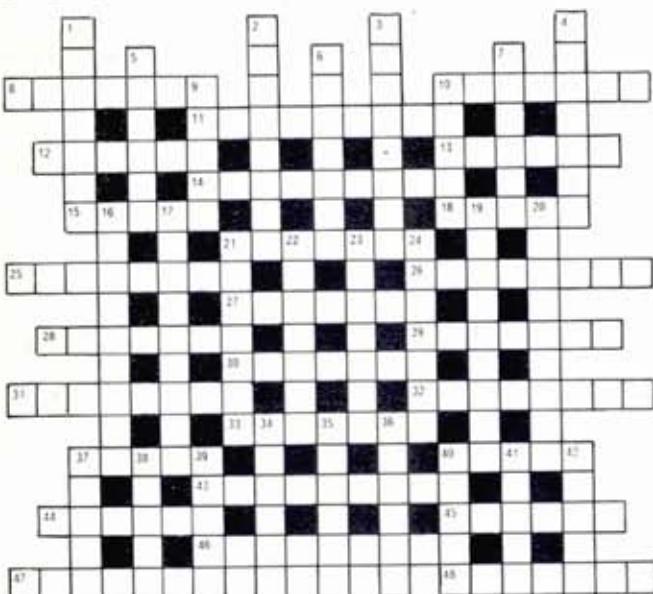
1. Крачка, живущая везде, кроме Южной Америки. 2. Личный состав учреждения, предприятия. 3. Знаменитая певица, сестра Полины Виардо. 4. И. Айвазовский—маринист, В. Перов—..., И. Шишкун—пейзажист. 5. Прибалтийский курорт, где летом работает 107 учреждений лечения и отдыха. 6. Мох, из-за которого торфяники поглощают массу воды. 7. Французский композитор XIX века, приверженец Багнера. 9. Навигационная звезда в созвездии Девы. 10. Штат Индии на равнине Ганга. 16. «Сидят подоры у ворот, широко разинув рот, и никто не разберет, где ворота, а где рот» (литературный прием). 17. Гнездо прожорливых тропических насекомых. 19. Научная дисциплина о преломлении световых лучей. 20. Механизм транспортных машин. 21. Операция в деревообработке. 22. Город в Татарии, связанный с именами Надежды Дуровой и Мариной Цветаевой. 23. Съедобный гриб, очень похожий на лисички. 24. Город, до 1840 года стоявший на Висле (затем река ушла в сторону). 34. Спортушка для верховой езды. 35. Галина Кулакова как спортсменка. 36. Сопоставление, сравнение. 37. Представительница народа, первым в Европе начавшим танцевать танго. 38. Самое опасное во время шторма место на корабле. 39. Самый крупный приток Курзы. 40. Спаситель зайцев в поэме Н. Некрасова. 41. Правитель административного округа в Древнем Египте. 42. Должность Фортунатова в рассказе А. Чехова «Суд».

Ничья

1. Lb5! Временно задерживая черную проходную, так как на 1... e2 последует 2. Lc5+ Kpb2 3. Lb5+ Kpa2 4. La5+ с вечным шахом. 1... Ce4+ 2. Kph8 e2. Но теперь у белых есть патовая комбинация: 3. Lg5 e1F 4. Lg1 F:g1—пат! Тонкость первого хода подчеркивается ложным следом: 1. Lb8? Ce4+ 2. Kph8 e2 3. Lg8 Cg6!, и патовая конструкция разрушается! Поль g6 надо обойти!

Сдано в набор 04. 11. 86. Подписано к печати 17.11.86. А. 02057. Формат 70 × 108¹. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 2966. Заказ № 4006.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 23

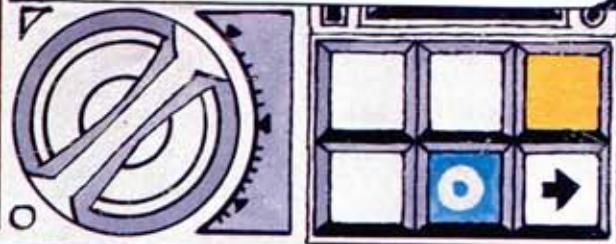
По горизонтали:

1. Цицеро. 2. Шкалик. 3. ...гнездо... 4. Янтарь. 5. Нонет. 7. Лужище. 8. Колорадо. 9. Валахи. 13. Сари. 17. Тунг. 18. Ариахата. 20. Вольтметр. 21. Рекс. 22. Молоток. 23. Радикал. 24. Никилин. 25. Ди-лижан. 31. Зевс. 33. Арабеска. 34. Азимзаде. 35. Флюс. 39. Истм. 40. Ученик. 41. Тетрод. 42. Варна. 43. ...Пяндж... 44. Евдокс. 45. Сельва.

По вертикали:

1. Циркон. 9. Ванини. 10. Омут. 11. Чоха. 12. Верлен. 14. Лыгач. 15. Епифанова. 16. Откат. 19. Хвоя. 22. Маринад. 26. Антигона. 27. Идиолект. 28. Ледокол. 29. Эбро. 30. Инта. 32. Такелаж. 36. Метафора. 37. Изабелла. 38. Калинин. 40. Устав. 43. Пресс. 46. Анес-тезия. 47. Сеттер. 48. ...неделя... 49. Ник. 50. Уодд. 51. Пирога. 52. Жукова.

ЮМОРТИСТИЧЕСКИЙ КОМПЬЮТЕР

«ОФОРМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА В. УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО»

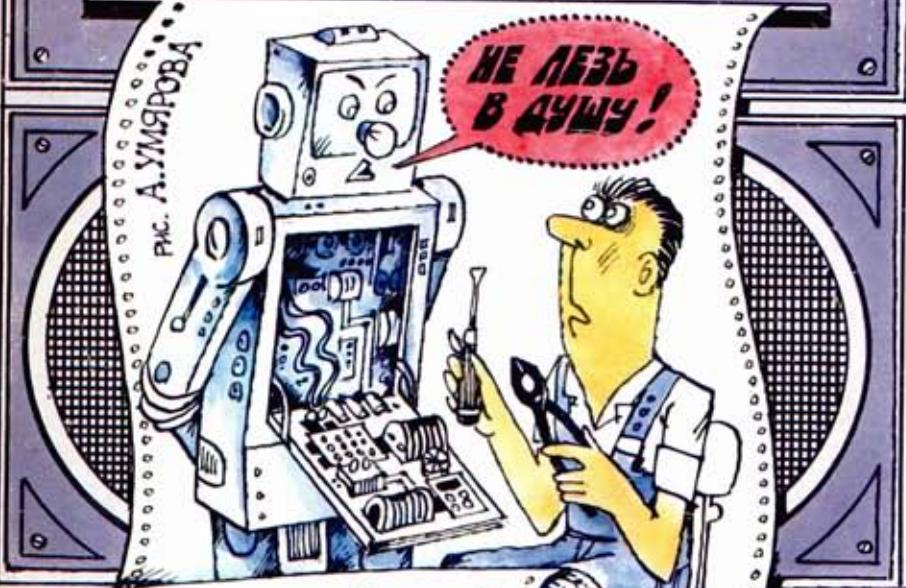

Рис. А. УМЫРОВА

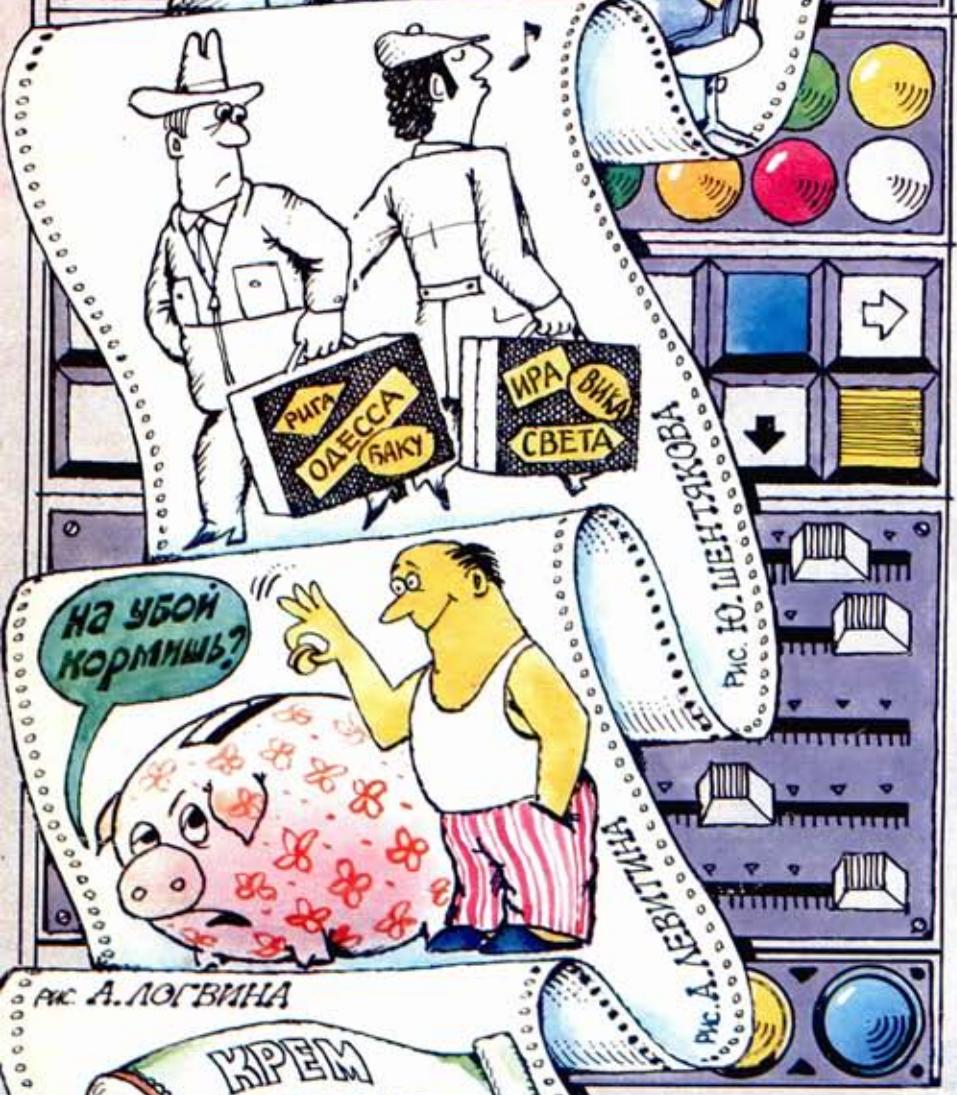

Рис. А. ЛОГВИНА

Рис. А. НЕКРАСОВА

Рис. В. ДАВЫДОВА

Рис. Ю. ШАКИРОВА

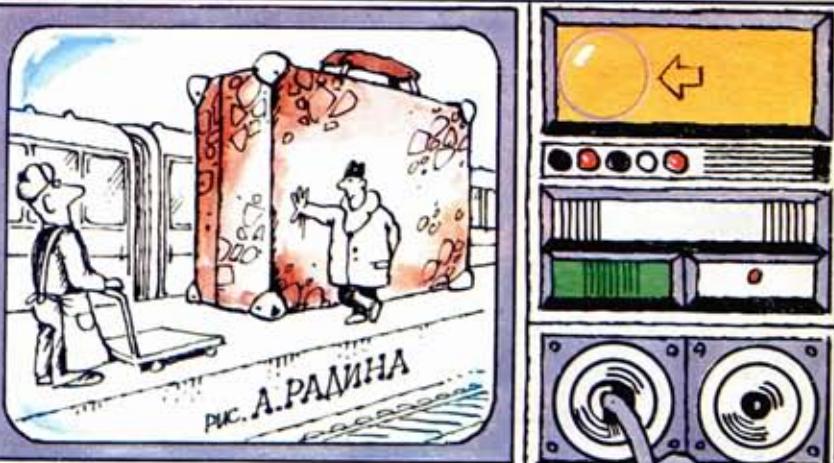

Рис. А. РАДИНА

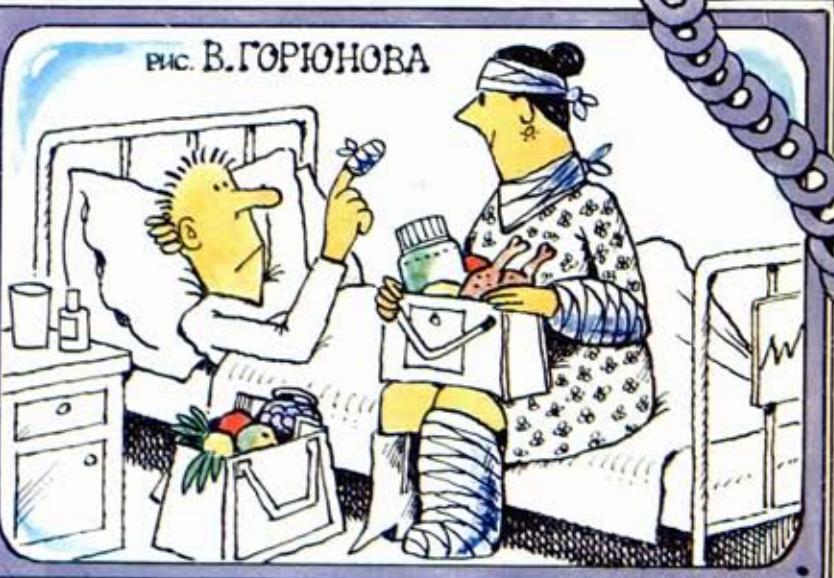
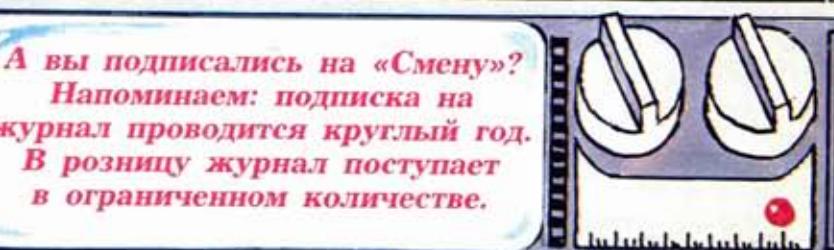

Рис. В. ГОРЮНОВА

А вы подписались на «Смену»?
Напоминаем: подписка на
журнал проводится круглый год.
В розницу журнал поступает
в ограниченном количестве.

Цена номера: 35 коп.

«Смена»